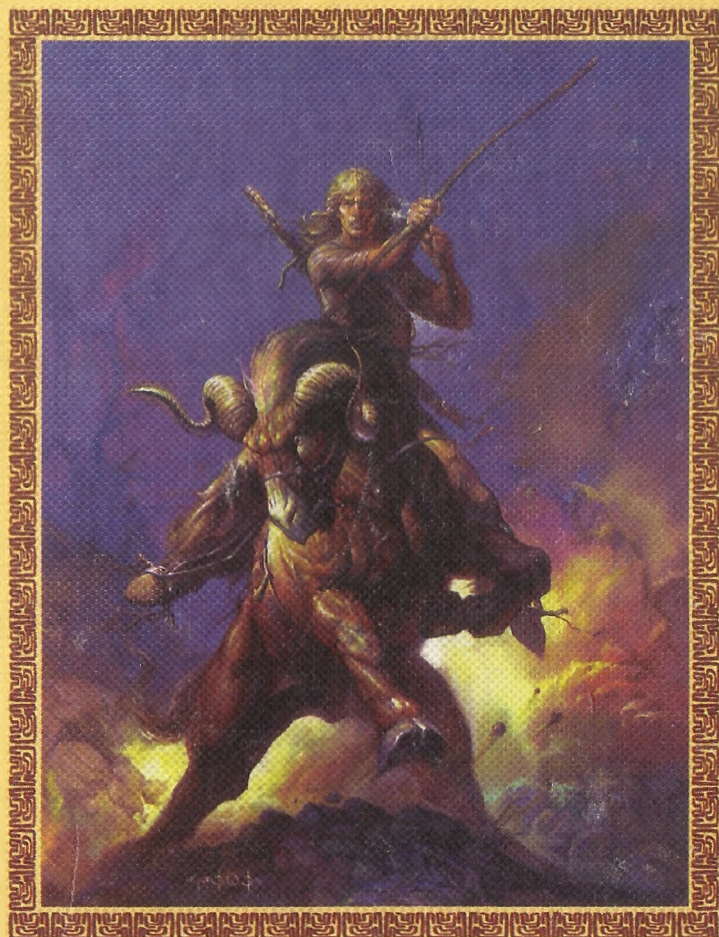

Джон Мэддокс РОБЕРТС

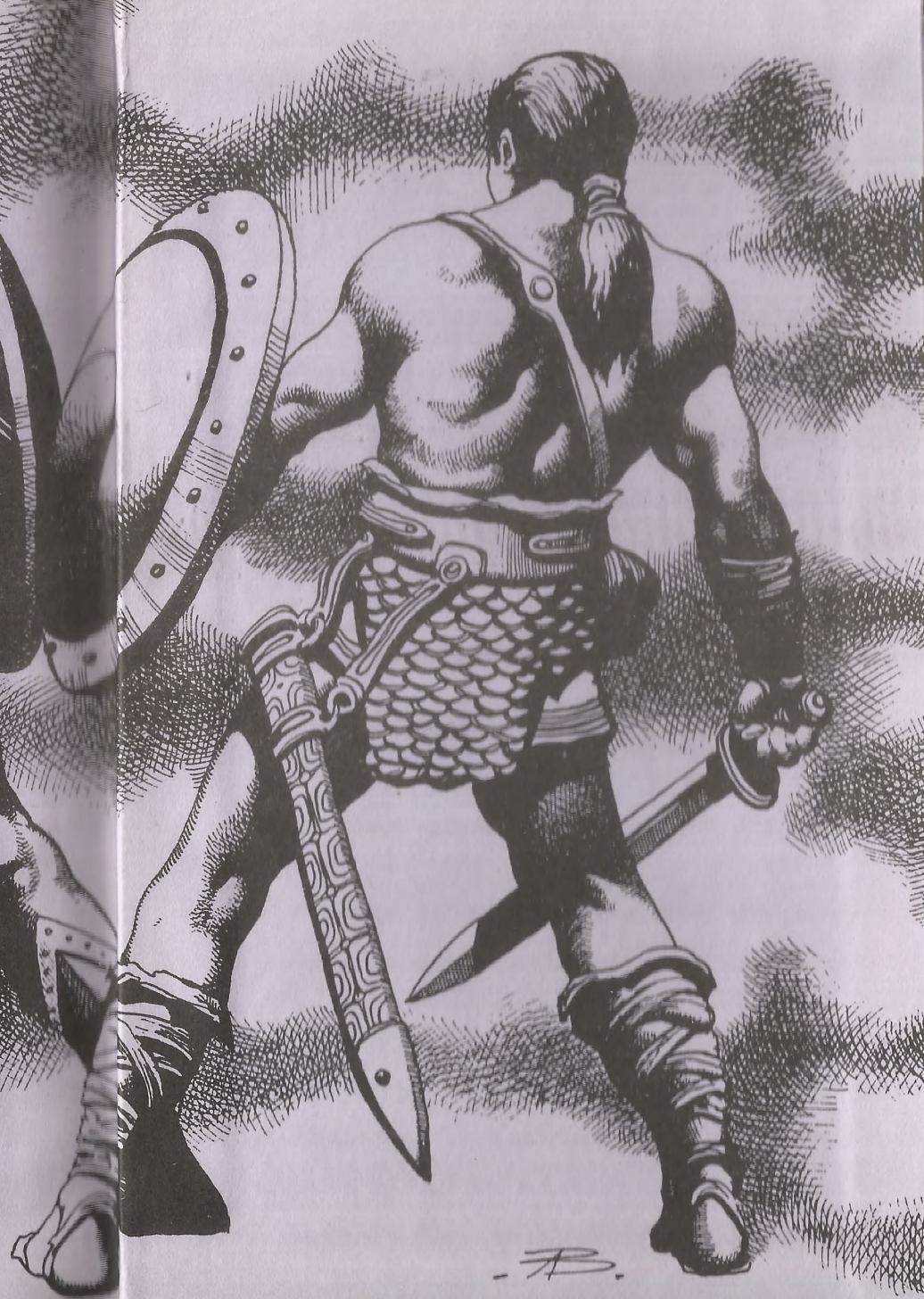
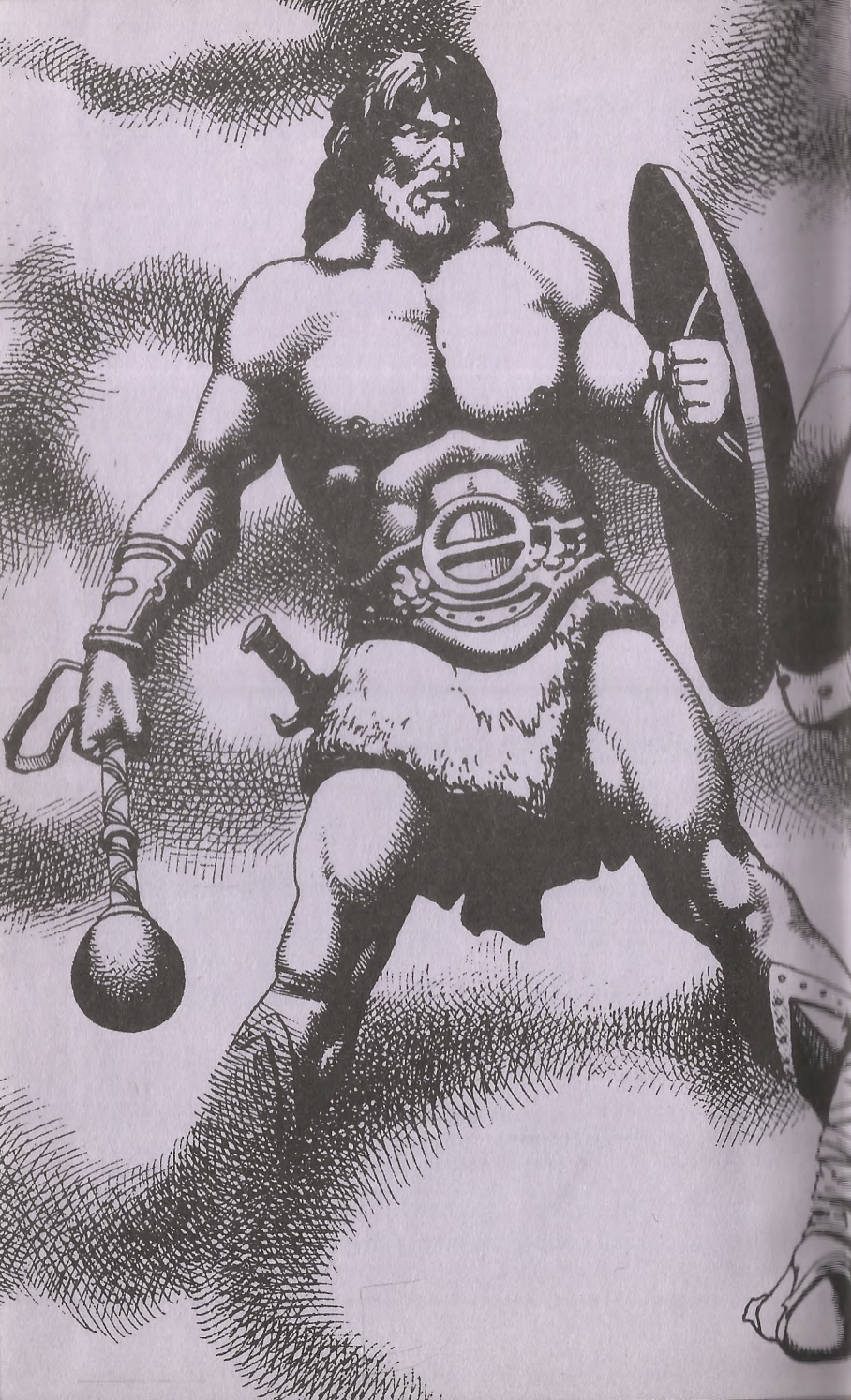
ЧЕРНЬЕ ЦИТЪ

Хроники Грозových Земель

Джон Мэддокс РОБЕРТС

John Maddox Roberts

THE BLACK SHIELDS

NEW ENGLISH LIBRARY

Джон Мэддокс Робертс

ЧЕРНЫЕ ЩИТЫ

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 58

*Авторские права защищены. Запрещается
воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Робертс Дж. М.

Р 58 **Черные щиты: Роман / Пер. с англ.— СПб.:
Северо-Запад, 1999. — 432 с.
ISBN 5-7906-0061-1.**

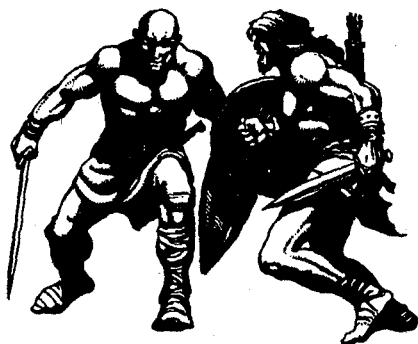
Роман Джона Мэддокса Робертса переносит читателя на далекую таинственную планету. Некогда тут была наука, а затем, когда на планете истощились запасы металлов, люди вернулись к варварству и колдовству. И вот теперь два брата — Повелитель Равнинных Земель и Король Островов — должны сойтись в поединке, чтобы решить судьбу мира...

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-7906-0061-1

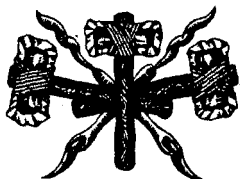
© J. M. Roberts, 1991
© K. Kelly, 1990
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1997

ЧЕРНЫЕ ЦИТЫ

Глава первая

К

ороль приближался со стороны холмов верхом на кабо — животном, которого племена пастухов, изумленные его качествами, прозвали в свое время сотрясателем земли. Его четыре маленьких изогнутых рога были украшены золотыми шариками вовсе не для красоты, просто этот кабо уже забодал одного из своих объездчиков.

Опираясь на луку седла, король держал в руке великолепное сверкающее копьё. Это было не длинное копьё, какими предпочитали пользоваться всадники народа амси, а оружие, рассчитанное на рослых воинов, что населяли Острова, откуда король был родом. Умело изготовленное древко из огненного дерева, выполненное со специальной выемкой для ладони, не позволяло руке скользнуть в момент удара. Нижний клин со спиральным желобом служил противовесом грозной боевой части, а также помогал устойчиво закреплять оружие даже на утрамбованной копытами земле. Почти треть копьё занимало изящное острие со вставленными в бронзовую основу лезвиями из стали. Это было прекрасное оружие, известное от покрытого снегами далекого севера до королевств, расположенных в джунглях юга. Оно стало символом власти короля, и сейчас, когда вот-вот могла разразиться война, было ему просто необходимо. Гвардейцы его личной охраны не позволяли Хаэлю рисковать собой в схватках с разбойниками, но даже самые преданные воины были не в силах предусмотреть все опасности, что могли угрожать ему в бою.

Последнюю ночь Хаэль, как обычно, провел в размышлениях у заводи в предгорьях на северных подступах к городу. Его люди считали, что в это время он общается с духами или совершает магические ритуалы, но чаще всего ему просто хотелось побыть в одиночестве. Временами он чувствовал, что королевская корона — лишь видимость, а в душе он по-прежнему остается тем воином-пастухом, са-

мое любимое и привычное дело которого — охранять в одиночку стадо скота, принадлежащего племени.

Завидев появившегося вдали короля, гвардия приветствовала его радостными возгласами. Большинство воинов происходило из мэт-ва или амси, но среди них было и около дюжины представителей других народов. Королевская гвардия постоянно увеличивалась, поскольку король обязательно брал нескольких молодых мужчин из присоединявшихся к союзу новых племен в свою личную охрану, дабы их соплеменники ощущали себя полноправными членами союза.

Возглавив колонну гвардии, король пустил скакуна рысью по направлению к городу, и через час всадники достигли городских ворот. Дважды в год вереницы купеческих караванов с юга и запада превращали небольшой городок Биалла во вторую столицу, где на улицах можно было услышать самые разнообразные языки и наречия. Его население сейчас вдвое больше обычного из-за ярмарки, что устраивалась здесь каждые полгода. Хаэль как мог способствовал развитию торговли: обещал (и слова своего никогда не нарушал), что караваны, проходившие по его землям, не будут подвергаться никакой опасности, всячески приветствовал постоянные торговые представительства в столице и других городах его владений.

В Биалле у короля была резиденция, а гвардия размещалась в расположенных поблизости казармах. Здесь он проводил один-два месяца в году. Подобные резиденции имелись у Хаэля и в других городах и даже некоторых дерев-

нях — это было желание Диэны, поскольку королева так и не смогла привыкнуть жить в лагерных шатрах.

Думая о жене, Хаэль вновь остро почувствовал одиночество. Королева любила большие ярмарки, но сейчас не могла поехать вместе с ним. Она находилась в доме своей матери, где вскоре собиралась дать жизнь еще одному королевскому наследнику, их третьему ребенку. Имея уже двух сыновей, Ансу и Кэйрна, король надеялся, что это будет девочка. Женившись на женщине из племени мэтва, он принял мудрое решение дать сыновьям имена амси, не обращая внимания на протесты ее родни. Старшему мальчику уже исполнилось восемь, его брат родился двумя годами позже, но до сих пор король не мог решить, кто же из них сменит его на троне. Он прекрасно сознавал, что окончательный выбор зависит от многих обстоятельств, а возможно, и просто от случая.

Хаэль обладал в королевстве безраздельной властью. Его искусство дипломата объединило народы, между которыми ранее существовала многовековая вражда, а изобретательность короля и его блестящие способности организатора сделали их хозяевами холмов и равнин. Его поддерживали Беседующие с Духами всех племен союза, что помогало ему добиваться своего. Амси называли короля Тот, Кто Предсказывает, а мэтва верили, что им владеет священное безумие, как это происходило с героями их древних легенд. Всем также было известно, что король Хаэль сам способен беседовать с духами этих земель. Он мог приру-

чить дикого кабо, и скакун вел себя после этого как идеально выдрессированное домашнее животное.

За стенами города, недалеко от того места, где встали лагерем купеческие караваны, проходили учения королевской кавалерии. Всадники мчались галопом, стреляя на скаку по мишеням высотой в человеческий рост (несколько лет назад Хаэль и представить не мог, что его люди окажутся способными на такие трюки). Они были вооружены короткими луками, набранными из деревянных пластин, сухожилий и расщепленного рога, соединенных между собой стойким клеем, который позволял сочленять различные материалы, не нарушая их природных свойств. С давних времен луками славились мэтва, которые были известны под именем Народа Большого Лука. По совету Хаэля мастера-лучники изменили некоторые детали, так как на равнинах не росли деревья, из которых люди, живущие на холмах, мастерили традиционные длинные тугие луки. К тому же он пришел к выводу, что всадникам значительно удобнее пользоваться более короткими луками. Теперь это оружие считалось изобретением короля. Правда, сам Хаэль был довольно посредственным лучником, особенно по сравнению с молодыми воинами, которые были еще мальчишками, когда новые луки — и новый король — так изменили жизнь людей Равнинных Земель.

По другую сторону учебного плаца галдела на разные голоса пестрая ярмарка. Разноцветные палатки торговцев ломились от множества товаров, которые они обменивали на дары

местных земель. Наиболее ценными для обмена были металлы. Люди из племен мэтва, амси и биалла таскали тюки и мешки, набитые целебными травами, шкурами ночного кота и другим ценившимся у купцов мехом. Каждый год Хаэль отправлял небольшие отряды с заданием отыскать на холмах и в горах какие-нибудь новые товары для обмена. Больше всего ему хотелось найти месторождения металлов, чтобы его подданные как можно меньше зависели от прихотей иноземных торговцев. Однако до сих пор его преследовали неудачи.

Король, сопровождаемый эскортом, въехал за городские стены под громкие приветственные крики жителей города и чужеземных гостей. Биалла когда-то была грязной деревенькой, которую населяли всеми презираемые и нещадно притесняемые земледельцы, теперь же она превратилась в богатый и процветающий городок. Многие биалла сделались хозяевами постоянных дворов, владельцами лавок с товарами, посредниками между продавцами и покупателями. С ними не обращались более как с рабами амси, и их преданность Хаэлю не имела границ.

Королевская резиденция представляла собой красивое здание со стенами из утрамбованной земли и тростника. Свет в него проникал через отверстия в крыше и цветные стекла окон — эти стекла ввозились по весьма высокой цене. Затраченные средства Хаэль оправдывал впечатлением, какое неизменно производили цветные витражи на тех, кто бывал в его резиденции. Конечно, властители южных и западных земель могли бы счесть это здание

чересчур скромным даже для королевского охотничьего домика. Однако Хаэль правил людьми, которые проводили большую часть своей жизни под открытым небом, и предпочитал, чтобы чужеземцы были ошеломлены не роскошью, а численностью и свирепостью его воинов или же обширностью его пастбищ.

Хаэль спешился и шагнул на веранду, которая опоясывала его жилище. Чужеземные посланники и гонцы склонились перед ним в низком поклоне, и король приветствовал их со всей возможной учтивостью. Человек, по одежде которого можно было понять, что он гонец из Навы, выступил вперед и вручил королю резную шкатулку.

— Послания от правителя и ваших друзей в Наве, король Хаэль,— сказал он.— Королевские дары придут несколько позже, с караваном.

— Передай королю Навы мою благодарность,— ответил Хаэль.— Я надеюсь, что ему также доставят удовольствие подарки, которые я выбирал сам. Их, как обычно, привезет в этом году купец Шонг.

Посланник, склонившись в поклоне, вернулся на свое место. Король передал шкатулку секретарю, чтобы потом спокойно прочесть свиток. Он настроил себя на длинный и тяжелый день, посвященный приему послов, поскольку необходимо было решить, каким купцам можно предоставить привилегии в торговле, какие привезенные товары нужно будет разослать в качестве даров соседним правителям, и еще множество других, столь же важных и не терпящих отлагательства вопросов.

Среди посетителей были странствующие мудрецы и служители различных культов. Некоторые из них, без сомнения, шпионы, но большинству просто хотелось воочию лицезреть короля, которого многие считали обладателем божественного откровения или попросту колдуном. Также, как и купцам, Хаэль обещал этим странникам полную безопасность в своих владениях, хотя чаще всего их проповеди и пророчества не приносили ему ничего, кроме хлопот. Однако он давно пришел к выводу, что людям, которые бродят по свету, ничто не доставляет большего удовольствия, чем поведать о том, что они видели. Они были бесценным источником сведений о далеких землях. В отличие от купцов, странники редко просили плату за свои подробные и содержательные рассказы, и это заставляло Хаэля относиться к ним с немалым уважением.

Собравшиеся в королевской резиденции соблюдали все тщательно разработанные тонкости придворного церемониала, но многие из них с трудом могли скрыть свое изумление. Хаэль привык к этому. Священники и военачальники, купцы и солдаты — почти никто из них до сих пор не мог до конца поверить в то, что король Хаэль, явившийся неизвестно откуда, сумел объединить примитивные племена, основал королевство, установил дипломатические связи и выгодные торговые отношения с половиной мира, создал великолепную, прекрасно обученную армию, какой не было ни в одной самой цивилизованной стране... И что он был еще молодым человеком, не достигшим своего тридцатилетия.

Неожиданно в дверном проеме зала для аудиенций появился младший командир мэтва, одежду которого обильно покрывала дорожная пыль. Хаэль сделал ему знак приблизиться.

— Ты из Широкого Листа? Какие известия? — явно волнуясь, спросил король. Широкий Лист был деревней в холмах, где сейчас пребывала Диэна.

— Два дня назад, когда я выехал оттуда, все было по-прежнему, — ответил гонец. — Старуха охраняет королеву не хуже длинношея.

— У матери королевы есть основания для беспокойства.

Хаэль вдруг почувствовал страшную усталость. Он знал, что, если бы возникли какие-нибудь трудности, досточтимая теща послала бы сотню людей, чтобы заставить его приехать туда, пусть даже и силой, но все равно тревожился за Диэну.

Когда с положенными формальностями было покончено, Хаэль приказал принести шкатулку с посланиями. Большая часть из них была официальными обращениями, но встречались и личные письма. Хаэль взял одно из них — свиток, скрепленный хорошо известной ему печатью. Оно было от королевского писца Чаулы — старого друга Хаэля, который когда-то обучил его грамоте.

Король сломал печать. Письмо было длинным и содержало множество разнообразных сведений, а также просто придворных и городских сплетен. Чаула описывал последние исследовательские походы, приложив к письму наброски сделанных по результатам путешествий географических карт. Королевский

писец был умелым картографом, в свое время он объяснил Хаэлю, какое важное значение имеет аккуратное и точное составление карт. Король ощутил теплое чувство — он как будто снова общался со своим старым другом, которого не видел уже много лет. В конце письма, однако, содержалось известие, заставившее его похолодеть.

«...Также наш возлюбленный король Пашир шлет тебе заверения в своей дружбе, несмотря на то что ты несколько удивил нас, когда исчез, а после неожиданно объявился королем Равнинных Земель, тогда как обещал служить ему, Паширу. Однако в знак своего расположения он назначил твоего старого друга, капитана Малка, одним из первых лиц во вновь учрежденной королевством Гильдии Морских Торговцев. Малк процветает, теперь он владелец уже шести судов. Он просил передать тебе следующее. Похоже, что путешествие на Острова, которые ты считал когда-то своим домом, может стать для тебя крайне опасным. Здесь правит новый король, чье имя он не хочет проносить. Этот властитель объединил почти все Острова в своеобразное островное королевство. Его воины перебираются на судах с одного острова на другой, завоеывая их и заставляя служить ему побежденные народы. Говорят, они совершили несколько удачных набегов на земли, значительно отдаленные от большого острова Гэйл, и что отличительной чертой этих воинов является то, что они носят черные щиты...»

Хаэль размышлял над этими словами, и в его сердце постепенно зарождались тревога и страх. Он думал, что окончательно освободился от

всего, что связывало его с временами юности. Здесь он строил свою жизнь так, как находил нужным и как этого до него не делал никто. Он считал, что защитил свой народ от тех опасностей, которые — он твердо знал это — могут обрушиться на них в любое время. Однако теперь он понял, что перед ним встает куда большее зло, и оно, судя по сведениям Малка, успело принять катастрофические размеры. Угроза эта исходила от Гасам.

Он думал, что Гасам был слишком большим безумцем, чтобы остаться в живых, но теперь, когда многие считают безумцем его самого?.. Гасам, его молочный брат, который с детства ненавидел Хаэля глубокой и всепоглощающей ненавистью, — впрочем, сам он платил ему тем же чувством... Значит, Гасам не только жив, но и стал королем, который завоевывает теперь чужие земли.

Хаэль повернулся и взглянул в окно на вышавшиеся на западе горы, на восходящее ночное светило. Так же хорошо, как и откуда взялись черные шрамы, уродующие поверхность Луны, он знал, что Гасам был свирепым деспотом, чья жестокость не сравнится ни с одним описанием в легенде.

В его голове зазвучали голоса говоривших с ним духов, которые никто, кроме него, не мог слышать. Теперь он знал, что наступит день, когда на огромной равнине, лежащей за этими горами у берега моря, он встретится со своим молочным братом, и встреча эта не сулила добра ни одному из них.

Глава вторая

К

ороль Гасам стоял на ступенях храма, наблюдая за тем, что происходит на рыночной площади. С одной ее стороны пленные опускали тела своих бывших врагов в ярко пылающий огонь погребального костра. На другом краю площади солдаты его армии складывали награбленное добро и сгоняли туда оставшихся в живых горожан.

Сквозь треск пламени он мог слышать причитания женщин и отчаянный плач детей. Разворачивающееся перед ним зрелище ласкало взор Гасама, а тяжелый запах смерти заставлял радостно трепетать его ноздри.

Король Гасам был красивым мужчиной, едва разменявшим четвертый десяток. Его длинные, густые бронзового оттенка волосы пышной волной спадали на плечи, как было принято у старших воинов шасиннов. Но, в отличие от своих соплеменников, Гасам не раскрашивал лицо и не носил мехов и украшений из перьев. На короле была надета набедренная повязка из гладко выделанной красной кожи, талию перетягивал ремень, на котором висел короткий меч. Этот простой наряд выделял его среди любящих яркие цвета шасиннов больше, чем любая пышная одежда.

— Мой король!

Гасам обернулся. По ступеням храма спускалась его супруга. Королева Ларисса с юности была известна как первая красавица среди шасиннов, а этот народ все считали одним из самых красивых в мире. Она прекрасно знавала свою привлекательность и тщательно подчеркивала ее. Королева обожала драгоценности и всегда носила их в таком количестве, что почти не нуждалась в иной одежде. Королю нравились вызывающие наряды его жены. Впрочем, вызов бросать было некому: вряд ли отыскался бы смельчак, отважившийся осуждать королеву. Сегодня Ларисса добавила к своему наряду новую деталь. Ее груди были прикрыты искусно выделанными золотыми чашечками, соединенными между собой толстой

золотой цепью. Когда прекрасная женщина прижалась к супругу, он потянул рукой за эту цепь, заставив Лариссу поморщиться.

— А как они держатся? — усмехаясь, спросил Гасам.

— Это мой секрет. Прекрати, ты делаешь мне больно!

Гасам убрал руку:

— Хочешь осмотреть нашу добычу?

Стоявший на нижней ступеньке оруженосец протянул королю его копье. Это было великолепное оружие, выкованное из стали, добытой в качестве трофеев победоносных кампаний короля. Копье служило символом королевской власти и подчеркивало разницу в положении между повелителем и остальными смертными. Оруженосец последовал за Гасамом, неся большой черный щит. Воины приветствовали короля громкими криками. Истинные шасинны были слишком горды, чтобы кланяться даже властителю, но люди из других племен преклонили колени. Послышались победные гимны, звучавшие на нескольких языках. В ярком солнечном свете грозно сверкало бронзовое оружие воинов.

Король и королева осмотрели захваченные оружие и одежду, красивую дорогую утварь. В груды было свалено множество разных вещей: слитки драгоценных металлов, тщательно упакованное тонкое стекло, тюки готовой к прядению и окраске шерсти.

— Жители материка богаты, — промолвила Ларисса. — Здесь слишком много добра. Для того чтобы переправить всю добычу на Острова, тебе придется захватить еще несколько больших кораблей.

— Я не собираюсь ничего отправлять на Острова,— сказал король.

Женщина окинула его внимательным взглядом:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Нам пора обосноваться на материке. Этот город мне понравился, к тому же здесь подходящая гавань. Моя королева, тебе не хотелось бы иметь свой дворец в этом месте? Тогда нам не придется больше ни совершать трудные переходы на Острова в конце каждого сезона, ни отбирать и пересылать добычу.

Ларисса торжествующе улыбнулась и обняла мужа.

— Наконец-то! Я так давно мечтала об этом! Когда мы сможем начать строительство?

— Хоть сегодня. Я собираюсь месяца на два отправиться на юг. Отбери нужных тебе мастеров, и впусти они принимаются за работу. Они все теперь наши рабы. Кстати, как назывался этот город?

— Флория. Это как-то связано со здешней богиней цветов.

Гасам презрительно усмехнулся:

— Боги и богини! Только глупцы могут верить в подобную чепуху. Мы завоевали и поработили их — вот доказательство того, что эти люди принадлежат к нации рабов!

У шасиннов не было богов, только духи, которые помогали им или, наоборот, вредили. Однако Гасам не верил и в духов.

— Мы дадим городу новое имя, достойное столицы короля-воина. И выстроим здесь наш дворец.— Ларисса указала на несколько высоких зданий на холме около рыночной пло-

щади.— Здесь была резиденция их правителя. Мне сказали, что он бежал, как только показались твои корабли.

— Прекрасно,— кивнул Гасам.— Выбери себе несколько рабов вот из этих,— он махнул рукой в сторону людей, выстроенных на противоположном конце площади,— а я пойду взгляну на пленных воинов. Может, кто-то из них окажется достойным пополнить мою армию.

— Не связывай с ними слишком больших надежд,— предупредила королева.— На Островах ты мог найти тысячи великолепных воинов, готовых служить тебе, потому что ты подчинил их силой оружия. А здешним королям служат толпы солдат, которые сражаются не из любви к войне, а просто потому, что боятся своего командира. Однако, если ты хочешь завоевать материк, тебе, видимо, придется использовать этих людей.

Гасам обнял жену за шею, запустив пальцы ей в волосы. Роскошные кудри Лариссы были такого светло-пепельного цвета, что в ярких лучах солнца казались почти белыми.

— Я знаю это, моя маленькая королева. Теперь все они стали моими рабами, и я отвергну лишь тех, кто окажется ни на что не годным.

Король отправился к пленным солдатам, а Ларисса принялась отбирать рабов. Ее очень порадовало, что Гасам прислушался к ее словам. Король был хитер и расчетлив, но иногда в нем брала верх природная дикость, толкавшая его на бессмысленно жестокие поступки.

Пленных раздели, чтобы удостовериться, что у них нет увечий или каких-либо физических

недостатков. Ларисса с интересом наблюдала за их поведением. Некоторые дрожали и плакали, кто-то был настолько ошеломлен, что просто не реагировал на происходившее вокруг. Другие выглядели спокойными и отрешенными. Эти последние, как сказали королеве, были рабами еще до того, как Гасам захватил город. Для них падение города означало всего-навсего смену хозяина. Ларисса презирала их. Шасинны, даже попав в плен, не становились рабами — они предпочитали смерть такой жалкой участи. Если эти люди смирились с тем, что потеряли свободу, значит, они достойны того, чтобы всю жизнь оставаться рабами.

— Слушайте, что я вам скажу, — произнесла Ларисса. — Причитания и плач затихли: пленные жители Флории понимали, что сейчас решается их участь. — Вы стали рабами Гасама — короля Островов. Позже, если вы будете вести себя подобающим образом, ваше положение может измениться. Теперь же вам лучше свыкнуться с мыслью, что вы рабы. Вас оставили в живых по милости короля. Те, кто проявит послушание и покорность, не пожалеют об этом. Дерзких будут наказывать, проявивших неповиновение — убивать. Я королева Ларисса. Выше меня по положению только король.

Пленные подавленно молчали. Ларисса знала, что с самого начала им нужно внушить безоговорочную покорность своим господам. Рабам всегда легче подчиняться, когда они знают свое место.

— Вы должны исполнять указания любого шасинна, если только они не противоречат

приказам короля или моим. Все ли из вас знают, как отличать ваших новых хозяев?

Королева указала рукой на телохранителей Гасама, которые, опершись на черные щиты, с интересом наблюдали за все более увеличивающейся грудой военной добычи. Они были высокими, синеглазыми, оттенки их длинных светлых волос колебались от темно-золотистого до светло-пепельного. Кожа шасиннов была красноватого цвета, а под воздействием солнечных лучей потемнела до медного.

— Также вы будете обязаны подчиняться указаниям воинов короля из других племен, если это не противоречит приказам шасиннов. Вы лишены прав, которыми обладают свободные мужчины и женщины. Забудьте о своем прошлом, смирите гордыню. С этой минуты для вас существует единственная добродетель — послушание. Горе тому, кто пренебрежет ею! А теперь я выберу среди вас прислужников лично для себя. Стойте спокойно, плач и причитания ни к чему не приведут. Вам удалось избежать смерти, так что самое худшее уже позади.

Ларисса знала, чего она хотела от своих рабов. Она быстро прошла мимо шеренги мужчин, даже не взглянув на них: королева выросла среди воинов, и ей претил один только вид здоровых людей, не пожелавших сражаться. Женщины с детьми также не интересовали ее. К чему нужны служанки, которых что-то отвлекает от их обязанностей? Неразумно было брать в услужение также знатных дам, подавленных тем, что еще вчера они были свободными и имели собственных рабов. Их почти

невозможно обучить беспрекословному подчинению. Наконец Ларисса остановилась перед высокой красивой женщиной с черными волосами и очень белой кожей. Она стояла спокойно, ничуть не смущаясь ни собственной наготы, ни того, что происходило вокруг.

— Ты рождена рабыней? — спросила Ларисса.

— Я была захвачена в плен совсем ребенком, госпожа. — Женщина выглядела подавленной, но голос ее звучал чисто и звонко.

— Где был твой дом?

— Далеко на юге, госпожа. Почти на самой границе с Чивой.

— Где ты служила до нашего прихода?

— В доме господина Ханаса, верховного жреца бога Аква, госпожа.

— Значит, ты знакома с работой в большом доме?

— Да, госпожа.

— Иди и встань рядом с тем молодым воином. — Королева показала на одного из своих охранников, мускулистого стройного юношу, волосы которого были заплетены в множество мелких косичек, что было отличительным знаком младших воинов шасиннов.

Ларисса отобрала еще десятка два рабынь. Прежде всего королева обращала внимание на их красоту и умение подчиняться. Чаще она выбирала тех, кто уже были рабынями, но сделала исключение для нескольких совсем юных девушек. Королева сочла, что они смогут привыкнуть к своему новому положению. Выросшая в суровых, аскетичных условиях на Ост-

ровах, Ларисса в общем-то не нуждалась в рабах. Ей не особенно требовались портнихи, так как здесь, на материке, королева часто ходила в одной лишь набедренной повязке. Женщины, умеющие уложить волосы в прическу, также представлялись Лариссе излишней роскошью. Королеве не нравилась исполняемая на материке музыка, ее вкусы в еде и напитках были достаточно просты, так что отпадала необходимость как в музыкантах, так и в поварах. Она уже собиралась уходить, когда ее остановил чей-то голос:

— Госпожа!

Ларисса увидела, что ее окликает миниатюрная девушка, которую она обошла вниманием потому, что та держалась в стороне от других, а независимый вид говорил, что подчинить ее будет не так-то легко. Возможно, в другое время королеву мог бы заинтересовать этот дерзкий вызов. Однако сейчас она была слишком занята мыслями о строительстве дворца и вопросах управления захваченным большим городом. На своевольную рабыню можно было не обратить внимания, а еще лучше — наказать за то, что она без позволения обратилась к королеве. Но Ларисса, как и всякая женщина, была любопытна, и потому она остановилась:

— Что тебе?

— Возьми меня к себе, госпожа!

Королева взяла ее за подбородок и откинула голову девушки назад. Только сейчас она заметила, что перед ней не девушка, а женщина примерно одних с ней лет с пышной, но стройной фигурой. Судя по подтянутому жи-

воту, детей у нее еще не было. Женщина была черноволосой и смуглой, с огромными зелеными глазами.

— Кто ты?

— Я из знатного рода...— произнесла она и тут же добавила, спохватившись: — Госпожа.

— Это означает, что от тебя не будет никакого толку. У тебя нет ни необходимых навыков, ни привычки подчиняться.

— Но зато, госпожа, я умею многое из того, что сделает из меня незаменимую компаньонку для королевы.

Это было настолько неожиданно, что даже развеселило Лариссу:

— Объясни, что ты хочешь сказать.

На полных губах женщины появилась торжествующая улыбка. Она добилась своего: теперь ее выслушают.

— Ты королева Островов, госпожа. Но жизнь властительницы на материке мало похожа на ту, к которой ты привыкла. Тебе, несомненно, понадобятся советы, как жить по-королевски.

— Я и сейчас живу по-королевски. Мне подчиняются все, кроме короля.

— Прости, моя госпожа, но ваша власть распространяется только на тех, кого смогли достать копья воинов короля Островов. Мир же значительно более велик, чем вы это можете себе представить. На материке много земель, и каждой правит свой король.

Ларисса рассердилась:

— Ну и что же? Все они со временем будут принадлежать королю Гасаму!

— Разумеется, госпожа. Но пока этого не произошло, вам придется иметь с ними дело. Посольства, королевские визиты и тому подобное. Даже такой великий покоритель народов, как твой король, должен будет обращаться с ними не как хозяин с рабом, а как равный с равными. До тех пор, конечно, пока он не завоюет их земли. И другие королевы немилосердно высмеют тебя, госпожа, за промахи в обращении и манерах. Они могут быть хитроумными и безжалостными, госпожа.

— Я тоже,— отрезала королева.— А ты ведешь себя невероятно нагло. Хочешь указать на мое невежество и тем самым унижить меня? Или просто желаешь испытать мой гнев?

На губах женщины по-прежнему играла улыбка:

— Как ты могла так подумать, госпожа? Я всего лишь хотела привлечь к себе внимание. Ведь я во многом смогу тебе помочь.

— Почему ты предлагаешь мне помощь? Ты все равно останешься рабыней. А своих рабынь я награждаю или наказываю, или же могу убить. Все зависит от моих прихотей.

— Я понимаю, что вынуждена быть чьей-нибудь рабыней, госпожа. Но мне кажется, что я должна стать именно твоей.

Ларисса окинула женщину пристальным взглядом:

— Как твое имя?

— Дэниаз, госпожа.

— Ты пойдешь со мной.

В сопровождении охранников королева отправилась в здание на холме, выбранное в качестве их временной резиденции.

За городской стеной король Гасам осматривал взятых в плен и разоруженных воинов противника. Вокруг него стояли его военачальники, опытные командиры, среди которых были представители всех народов, населявших Острова. Сам Гасам предпочитал всем остальным шасиннов, но понимал, что воины из других племен будут охотнее подчиняться своим сородичам. Поэтому он щедро вознаграждал отличившихся в сражениях, не обращая внимания на то, к какому народу они принадлежат.

— Никогда не встречал таких вялых каггов,— указывая на пленных, сказал за спиной короля суровый вождь асаса.

Перед ними стояли несколько сот разоруженных наванцев. Некоторые из них выглядели все еще воинственно, но, без всякого сомнения, все они были напуганы. С них сняли доспехи, оставив только рубашки или набедренные повязки. Это были коренастые мужчины с волосами коричневого оттенка — типичные представители племен, населявших эту местность. Битва за Флорию длилась недолго. Гарнизон города был захвачен врасплох. Корабли с армией Гасама вошли в гавань на рассвете. Островитяне, прикрываясь выкрашенными в черный цвет щитами, лавиной обрушились на побережье. Солдаты гарнизона мужественно оборонялись, пытаясь отбить атаку, но крепостная стена со стороны моря имела бреши, и захватчики, без труда преодолев их, проникли в город. Наванцы не прекратили сопротивления, сражаясь на улицах, но вскоре большая часть их офицеров, желая сохра-

нить жизнь, сдалась врагу. Оттесненные к рыночной площади, солдаты гарнизона были вынуждены сложить оружие, когда командир завоевателей предложил им сдаться.

— Слушайте короля! — раздался громкий голос офицера. — От внимания, с которым вы отнесетесь к его словам, зависит ваша жизнь.

Гасам выступил вперед. Его копье сверкало в ярких лучах солнца.

— Вы отважно сражались, — начал король, не обращая внимания на презрительные ухмылки своих воинов. — Я всегда приветствую, когда ко мне на службу поступают храбрые мужчины. Я пришел на материк и останусь здесь, завоевав эти земли, как покорил ранее Острова. Посмотрите на воинов, которые взяли ваш город. Вы видите — это люди разных племен. Многие из них смогли занять высокое положение. Это может произойти с каждым, кто вступит в мою армию. Ни один город не устоит передо мной, и все мои воины получают свою долю добычи!

Он видел, что, как только он упомянул о трофеях, лица пленных прояснились.

— Мне нужно только добровольное решение. Те, кто захочет сражаться в моей армии, пусть встанут здесь! — Гасам концом копья указал на площадку справа от себя.

Не трата времени на обдумывание, пленники по двое, по трое, а затем и небольшими группами стали переходить к месту, указанному Гасамом. Только что мрачные и подавленные, сейчас они вновь обрели надежду — возможность участвовать в кампаниях победоносного и удачливого воителя. Однако около сотни воинов остались там, где стояли.

Гасам подозвал к себе мужчину с обритой наголо головой.

— Да, мой король? — подобострастно улыбнулся тот.

Гасам указал на воинов, не пожелавших присоединиться к его войску.

— Этим людям я сохраню жизнь.— Произнося следующие слова, он немало забавлялся тем, что на их лицах мелькнуло облегчение.— Оскопить их и отрубить каждому правую руку. Затем отпустить.— Король повернулся и пошел обратно в город, сопровождаемый криками ужаса, раздававшимися за его спиной.

Когда он рассказал жене о том, что сделал, Ларисса одобрила его действия. Королева отдыхала на кушетке, покрытой грудой мягких подушек. Она лежала, положив подбородок на скрещенные ладони. Несколько рабынь прибирались в ее спальне: прежние владельцы, забрав самое ценное, второпях покинули город, оставив дом в страшном беспорядке.

Ларисса посчитала разумным то, как король обошелся с солдатам Флории. Воины Гасама были сильными и свирепыми, но его армия не могла сравниться по численности с войсками, которые были в распоряжении правителей на материке. Королева знала, что большая часть рекрутов тоже набиралась ими из мужчин с завоеванных земель. Как правило, им не оставляли другого выбора: либо служба, либо смерть. Поэтому Ларисса была уверена, что многие из них охотно присоединятся к армии ее мужа, который обещал им блестящие победы и богатые трофеи.

— Прекрасно! — сказала Ларисса. — Без сомнения, то, как ты поступил с пленными солдатами, пойдет тебе на пользу. Бежавшие из города будут распространять ужасные слухи, связанные с твоим именем. Я думаю, твое решение сделает более сговорчивыми пленных, которых мы возьмем в других городах. А преуспевание выбравших службу в твоей армии скоро покажет, какой путь следует избирать при встрече с истинной силой.

— Ты права, — согласился Гасам. — Враги будут наполовину побеждены еще до того, как мы вступим в сражение. — Он лениво протянул руку и похлопал молодую рабыню пониже спины.

Девушка испуганно взглянула на королеву, но ее бесстрастное лицо ничего не могло сказать несчастной. Королеву позабавило смущение рабыни, вызванное жестом Гасама. Большинство ее новых прислужниц были смышленными, но испуганными, что совершенно естественно для красивых женщин, с рождения находившихся в неволе. Они прекрасно усвоили, что их благополучие, а возможно, и жизнь, зависит от настроения хозяев. Однако расположение хозяина могло стоять им жизни в том случае, если оно возбудит ревность госпожи. Ларисса улыбнулась. Она не ревновала к рабыням, однако сообщать им об этом не собиралась. Рабов полезно держать в страхе. Это делает их более покорными.

Ларисса была уверена, что у короля мог возникнуть лишь случайный интерес к другой женщине. Королева всегда старалась предугадать все его желания. Они знали друг друга с

детства, и в свое время заключили соглашение, что никогда простая рабыня не сможет рассчитывать на нечто большее, чем послужить услугой королю. И если Гасам увлекался кем-нибудь, Ларисса знала, что эта женщина нужна ему лишь для того, чтобы удовлетворить похоть. Королева же всегда останется королевой, и это было для нее самым главным. Обычай шасиннов позволяли иметь несколько жен, но Гасам ни разу не изъявил желания взять еще одну супругу.

Король Гасам страстно желал лишь одного — ничем не ограниченной власти. Он нисколько не сомневался, что судьбой ему уготовано стать покорителем мира, и все остальные желания меркли по сравнению с этой великой целью. Ему нравилось обладать богатством и рабами, потому что это было одним из признаков власти. Однако гораздо большее наслаждение ему доставляло взирать на свои войска и армады кораблей. Он знал, что это истинное проявление его воли.

А какое место в его жизни занимала королева? Ларисса вынуждена была признаться, что на самом-то деле не знает этого. Она была его соратником, а может быть, и просто его оружием. Хотя, в конце концов, не это было самым важным. Имело значение лишь то, что она шла рядом с ним к будущей великой цели.

— Как ты считаешь, мой господин, скоро ли король Навы двинет против тебя войска?

— Я не буду ждать этого, — заявил Гасам. — Я нападу на него первым.

— Может быть, сначала стоило бы узнать о его возможностях?

— Я и так о них знаю. Любому королю с материка требуется много времени, чтобы собрать все свои силы. До окончания сезона мореходства я должен перевезти с Островов оставшуюся часть моей армии. Во время сезона штормов они будут привыкать вести военные действия на материке.

Лариссу всегда восхищало в Гасаме то, что он никогда не отказывался выслушать ее. Другой мужчина мог бы расценить ее вмешательство как оскорбление своей воинской гордости, но только не король Гасам. Всему на свете он предпочитал победу, какой бы ценой она ни была завоевана — обманом, запугиванием или тщательным обдумыванием каждого шага. Гасам прекрасно знал, что война изнуряет солдат и восстановить боеспособность армии — нелегкая задача. Длительные походы значительно отличались от редких скоротечных стычек, к которым привыкли воины его племени. Король Островов одинаково верил как в смелость, так и в осторожность и предусмотрительность.

— В ближайшее время, — продолжала Ларисса, — имеет смысл заслать побольше шпионов, чтобы узнать о планах короля Навы. Для этого лучше всего подойдут мелкие купцы. Они бывают в различных землях и могут многое видеть.

— Прекрасная идея, — после недолгого раздумья согласился Гасам. — Но я буду слишком занят делами армии, так что организовать дело могла бы и ты. Используй для него побольше людей и не скупись на награды. Каждый из них не должен знать, что работает не в одиночку. Лучший способ — послать в одно и то же ме-

сто нескольких соглядатаев. Ты сразу заметишь обман или предательство, если их донесения будут сильно отличаться друг от друга.

— Мне кажется, я справлюсь с этим, — сказала королева. — Кроме того, это занятие доставит мне удовольствие. Его могут приносить не только одержанные в боях победы. Я не сомневаюсь, что шпионы окажутся не менее полезными, чем воины.

Гасам осмотрел выбранных Лариссой рабынь и остановил свой взор на Дэниаз. По знаку короля женщина подошла к нему, заметно встревоженная его вниманием.

— Ты родилась свободной, малышка? — ласково спросил Гасам.

— Да, мой господин, я была знатной дамой, — ответила она, растеряв большую часть той самоуверенности, которую недавно показывала перед королевой.

— Люди моего племени почти не имели рабов, — задумчиво проговорил Гасам. — Шасинны не похожи на людей материка, которые обычно ведут себя так, словно их рабы — бессловесные животные. Мы никогда не забываем, что рабы — такие же люди и точно так же имеют уши и головы на плечах. — Совершенно неожиданно взгляд его стал жестким, и король пристально взглянул на Дэниаз: — Ты хорошо поняла меня?

— Никто и никогда за стенами твоего дворца не узнает, что я слышала, господин. Клянусь тебе! — В голосе женщины слышалось отчаянное желание убедить в этом своего хозяина.

— Иначе и быть не должно. Запомни: ты даже представить себе не можешь, что я с то-

бой сделаю, если ты предашь нас.— Во взгляде короля чувствовалось холодное дыхание смерти.

Когда Гасам ушел, королева приказала женщинам продолжать работу и обратилась к Дэниаз:

— Ты, разумеется, понимаешь, что король говорил не просто так.

— Я знаю это, госпожа,— ответила женщина. Казалось, с уходом короля к ней вернулось самообладание.

— Прекрасно. А сейчас расскажи мне о короле Навы. Что он представляет собой и как взшел на трон?

Королева по-прежнему лежала на кушетке. Дэниаз, скрестив ноги, села на подушку, брошенную на полу у изголовья.

— Король Пашир происходит из прославленного королевского рода Халазидов, он самый знатный аристократ государства. Прежний король не имел прямых потомков по мужской линии. Пашир, его двоюродный брат, был известным военачальником и главой королевского Совета. Однажды за стенами дворца распространился слух, что король скоропостижно скончался. Тайно созванный Совет возвел на трон Пашира. Он стал королем после предписанного периода траура.

— Всех ли поверили в естественную смерть короля? — поинтересовалась Ларисса.

Дэниаз пожала плечами:

— Конечно, ходили обычные в таком случае сплетни, что Пашир просто убил прежнего короля. Однако эти слухи вскоре утихли сами по себе. Простым людям необходимо, чтобы ими правила твердая рука.

— Ты была аристократкой, и тебе должно быть известно, как знать отнеслась к происшедшему. Как она теперь относится к королю Паширу?

— Госпожа, дочери даже самых знатных аристократов мало разбираются в подобных делах. Их обычно не приглашают на семейные советы.

— Но я вижу, что ты далеко не глупа. Стало быть, ты должна проявлять живейший интерес к своему будущему. Итак, что ты знаешь об этом?

— Многое зависит от того, к какой группировке принадлежит семья. Провинциальные аристократы, имения которых находятся большей частью на юге Навы, относились к Паширу как к узурпатору, но у них не было своего претендента на трон. Больше всех короля поддерживала знать из столицы и ее ближайших окрестностей. Они считали старого короля недостойным носить звание монарха. За время его правления Нава потеряла немало своих исконных территорий. А Пашир — прославленный военачальник, и они верят, что он сможет восстановить прежние границы королевства.

Ларисса положила подбородок на ладони. Ее глаза оказались на уровне глаз рабыни.

— И к какой же группировке примыкала твоя семья?

Во взгляде королевы не было угрозы, но Дэниаз прекрасно понимала, что солгать не осмелится.

— Мои родственники поддерживали Пашира, — ответила она.

— Какое имя у твоей семьи?

— Халазиды, госпожа.— Дэниаз перешла на шепот.

— Вы находитесь в близком родстве с королем?

— Пашир — старший брат моего отца, госпожа.— Женщину била крупная дрожь, и Ларисса удовлетворенно кивнула.— Но я не могу пригодиться тебе в качестве заложницы, госпожа. Меня с позором изгнали из столицы.

Ларисса провела пальцами по гладкой, как лепесток розы, щеке Дэниаз:

— Заложницы? Какая нам может быть польза от заложников? Зачем мне менять своих рабов, если в недалеком будущем ими станут все жители материка? Так что об этом можешь не тревожиться. Я рада, что теперь знаю о тебе все. Тем не менее предупреждаю, чтобы ты никогда не пыталась скрыть от меня хоть что-нибудь.

— Я бы не осмелилась, госпожа!

— А теперь расскажи о врагах Пашира.

— Он не вступал в войну ни с одним из соседних королевств, госпожа.— Дэниаз снова обрела хладнокровие, как будто почувствовала под ногами спасительную почву.

— Подай мне вина вон из того кувшина, девочка,— приказала королева.— И налей немного себе.

Дэниаз встала и подошла к столу, на котором стояли кувшин с вином и несколько великолепных бокалов. Наполнив два бокала, она протянула один из них Лариссе и села на прежнее место.

Королева, медленно потягивая вино, провела рукой по черным блестящим волосам рабы-

ни. Это был испытанный прием: выводить рабов из равновесия, переходя от искреннего участия к вспышке гнева. Для того чтобы привить рабу настоящую преданность и покорность, требовалось немало потрудиться, но это оправдывало себя. Ларисса знала, какую пользу может принести ловкая и полностью преданная господину рабыня.

— То, что он не вел военных кампаний, значит не так уж много, Дэниаз. Все короли соперничают между собой. Кто основные соперники Пашира?

Женщина постаралась как можно подробнее описать все, что знала о том, как устроена жизнь на материке.

— К югу от Навы находится государство Чива, самое западное из южных королевств. Там очень жарко. В горах и джунглях водятся странные птицы и рептилии. Король Чивы одновременно и ее главный жрец. Говорят, они приносят в жертву своим богам людей. Королевства к востоку от Чивы плохо известны на материке, но ходят слухи, что они богаты и имеют свирепые многочисленные армии.

К северо-востоку от Навы лежит Омайя, государство, аристократы которого постоянно ведут друг с другом междоусобные войны. Однако король этой страны имеет сильную власть и не позволяет им уничтожить друг друга. Нава внимательно следит за происходящим в Омайе и готова при удобном случае присоединить ее к своим территориям. На юге-востоке находится огромная пустыня, которая не принадлежит никому. Большая ее часть называется

ся Отравленной Землей, или Зоной. Там обитают странные уродливые создания — люди, не похожие на нас, и причудливые, нигде больше не встречающиеся звери. В пустыне также находится Каньон — поразительное место, где люди практикуют магию и ужасное колдовство.

За Омайей, по другую сторону великой горной цепи, раскинулась плодородная равнина, где обитают первобытные кочевые племена, которые проводят большую часть своей жизни в седле и кочуют от одного пастбища к другому. Наванские караваны только в последние несколько лет проникли в эти труднодоступные внутренние области материка...

То, что она услышала, обнадежило королеву. Ей казалась маловероятным, что королевства материка объединятся против армии островитян. Скорее всего, они будут воспринимать их нашествие как досадную неприятность до тех пор, пока не станет поздно. Аристократия этих стран разобщена и пребывает в упадке. Они не способны дать достойный отпор армии Гасама. Ларисса подумала, что гораздо больший интерес представляют для островитян земли кочевых племен. Со времени прибытия на материк она видела нескольких всадников верхом на кабо, которых не знали на Островах. Она попросила Дэниаз рассказать еще что-нибудь о Равнинных Землях.

— В последние годы король Пашир получал письма от человека, который объединил вокруг себя многие племена в некое подобие королевства. Хотя мне трудно понять, как могут считаться королевством дикие земли, на которых даже нет городов.

— Кто этот человек?

— Он называет себя Хаэлем, госпожа.

По спине Лариссы пробежал холодок, руки ее задрожали так, что она расплескала вино. Хаэль! Она заставила себя расслабиться. В конце концов, это имя не было редким, к тому же рабыня произносила его на наванский лад. Конечно, это кто-то другой!

— Он вождь племени, который подчинил себе остальных, как мой господин Гасам сделал на Островах?

— Нет, госпожа, он простой искатель приключений, да и родом он вовсе не с Равнинных Земель. Я знаю это, потому что моя кузина Шазад говорила мне об этом человеке. Она встречала его несколько лет назад.— Дэниаз умолкла.— Сейчас Шазад — принцесса. Она дочь Пашира.

Ларисса постаралась произнести как можно более небрежным тоном:

— И что же рассказала тебе о нем эта Шазад?

— Человек, которого зовут Хаэлем, прибыл в Касин на купеческом корабле нищим и никому не известным бродягой. Он обратил на себя внимание Шазад, когда на ступенях храма случилось какое-то происшествие. Кажется, жертвенный кагг разорвал путы и забодал нескольких людей. Хаэль легко усмирил разъяренное животное. Поскольку он спас принцессу, она поблагодарила его и пригласила во дворец своего отца.— Дэниаз улыбнулась: — Моя кузина всегда питала слабость к красивым мужчинам.

— Продолжай,— приказала королева, и что-то в ее тоне подсказало Дэниаз, что госпожу

интересует нечто большее, чем эта мелкая сплетня.

— Однажды, когда Шазад собиралась прокатиться верхом, один из полуприрученных кабо выказал неповиновение. Хаэль никогда раньше не видел верховых животных, но он попросил позволить ему проехаться на кабо, хотя легко мог убиться насмерть. Шазад согласилась — она известна своими необычными пристрастиями, особенно в том, что касается развлечений.

Подобные пристрастия были хорошо известны Лариссе: она сама их имела немало.

— Так ему удалось избежать смерти?

— Он не только не погиб, но и покориł кабо. Это было неслыханно! Господин Пашир после этого предложил Хаэлю войти в отряд, который разведывал подступы к Равнинным Землям. Но во время пути Хаэль исчез. Три или четыре года спустя в Наву начали приходить письма, которые выглядели так, будто их писал равный королю человек. Это казалось весьма странным.

— Действительно, очень странно, — промолвила королева, прикрыв глаза. — Твоя кузина не говорила, откуда явился этот бродяга?

Дэниаз после некоторого раздумья ответила:

— Мне кажется, что он, так же как и вы, пришел с Островов. Только я не знаю, с какого именно.

Ларисса закрыла лицо руками. Хаэль. Он жив. Конечно же, это он. Совпадением могло быть имя, но только не мистическая близость с животными. И теперь он, как и Гасам, стал королем. Были ли они только молочными братьями? Разделяло ли их что-то большее, чем взаимная ненависть? В юности Хаэль любил ее,

а она его предала, чтобы стать женой Гасам. Хаэль был еще слишком молод, а Гасам — она знала это! — несмотря на свое коварство и вероломство, а может быть, благодаря им станет когда-нибудь великим. Станный, не похожий на других мальчик, наделенный несомненной мистической силой, Хаэль не мог стать Беседующим с Духами из-за того, что в детстве остался сиротой. Пока он не стал младшим воином, его единственными друзьями были старый Беседующий с Духами Тэйта Мал и она, Ларисса. Потому что она столь же не походила на других, как и Хаэль. Когда она была маленькой, то выглядела настолько необычно, что шасинны считали ее уродливой. Но от дурного обращения ее защищало то, что она была дочерью старейшины племени. Все изумились, когда из дурнушки она превратилась в бесподобную красавицу.

В те дни за ней ухаживали почти все юноши шасиннов, но младшие воины не могли жениться. Ларисса знала, что скоро ее выдадут замуж за одного из старших воинов или за старейшину племени. Ни один ровесник Хаэля не мог стать ее мужем. Только Гасам сумел найти выход из этого положения. Хитрый и тщеславный младший воин поведал ей о своих планах стать не только главным вождем племени, но и господином всех племен Острова. Чтобы стать его женщиной, его королевой, она должна была помочь ему избавиться от его ненавистного молочного брата, Хаэля.

Ларисса думала, что Хаэль ушел из ее жизни много лет назад. Теперь он вернулся. Он был далеко, но это ничего не значило, потому что

Гасам собирался утвердиться на материке. Хазель стал королем кочевых племен, но разве Гасам не начинал так же с нескольких отрядов воинов-пастухов?

— Что-нибудь не так, госпожа?

Ларисса почувствовала, как наванская рабыня присела рядом с ней. Нежные и вместе с тем сильные руки принялись осторожно разминать одеревеневшие мышцы ее плеч. Непривычное ощущение оказалось очень приятным.

— Так и есть, но не останавливайся.

— Мне неприятно слышать, что тебя что-то беспокоит, госпожа, но это даст мне возможность показать свое искусство.

Ловкие руки наванки умело двигались вниз вдоль позвоночника королевы, искусно расслабляя напряженные мышцы.

— Это не твоего ума дело. Я просто увидела некоторые сложности, которые могут ожидать нас в будущем. Ты говоришь, искусство? Значит, это похоже на статуи или мозаичные картины, которые я увидела на материке? Должна сказать, что твои действия доставляют мне куда большее наслаждение, чем все те предметы вместе взятые.

— Ты хочешь сказать, госпожа, что вам неизвестно искусство массажа? — Дэниаз отстегнула, чтобы они ей не мешали, несколько золотых и серебряных цепочек, оплывавших тело королевы.

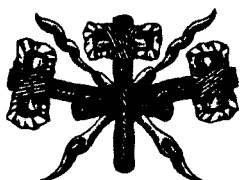
— Воины после состязаний массируют свое тело. Но это совсем другое. Все ваши аристократки обучены этому?

Дэниаз улыбнулась:

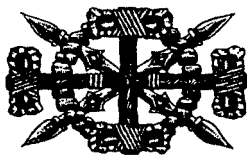

— Нет, госпожа. Этому обычно обучают рабов, прислуживающих во время омовений. Но многие из нас овладели этим искусством, чтобы массировать друг друга. Существует множество различных способов доставлять удовольствие, госпожа.

— Покажи мне все! — приказала королева.

Глава третья

К

ороль Пашир мерил шагами тронный зал. На почтительном расстоянии за ним следовали придворные. Король нечасто занимал роскошный трон, воздвигнутый в этом богато украшенном огромном помещении, в отличие от своего предшественника, который проводил на троне слишком много времени и потому потерял его.

Пашир был высоким мужчиной, в свои шестьдесят лет все еще подтянутым и крепким. До того как надеть корону, он был прославленным полководцем, но лишь сейчас впервые столкнулся с военным кризисом в Наве. Если это, конечно, можно было назвать кризисом. Еще совсем недавно армия короля с Островов вызывала у него всего-навсего досаду, означая мелкие неприятности, но теперь события, похоже, начинали принимать серьезный оборот.

Вошедший в зал слуга доложил:

— Мой господин, Совет собрался.

Когда Пашир вошел в Зал Совета, все присутствующие встали. Здесь собралось около четырех десятков мужчин, среди которых были военные и служители культов. Интерьер зала, простой и строгий, располагал к серьезным разговорам. Стены и потолок были задрапированы тяжелой тканью так, что помещение напоминало изнутри походный шатер.

Король поднялся на возвышение и сел в уготованное для него большое кресло. Советники также заняли свои места. Писец, примостившийся за спиной короля со своей доской, перьями и чернилами, приготовился записывать.

Пашир остановил слугу, который в соответствии с четко отработанным ритуалом начал перечислять имена собравшихся и вопросы, интересовавшие их. Король поднял руку:

— У нас был длинный день. Прошу высказывать только соображения, касающиеся военных действий. Пригласите офицеров из гарнизона Флории.

Вошли несколько мужчин, одетых в гражданскую одежду без знаков отличия. На блед-

ных лицах читалась подавленность и обреченность. Одного внесли на носилках. Сквозь толстый слой бинтов местами проступала кровь. Король обратился к офицерам:

— Вы можете говорить, хотя я с трудом могу представить себе причину, которая могла бы оправдать вашу трусость.

— Сир,— начал мужчина, одетый в плащ из богатой ткани,— нападение было столь внезапным, что мы ничего не могли сделать. Дикари проникли за городские стены до того, как мы обнаружили их корабли.

— А разве в ваши обязанности не входило следить за фарватером? — спросил король.— На северном мысе Флории находится великолепная сторожевая башня, выстроенная еще моим дедом.

Офицер запнулся.

— Да, сир, разумеется. Той ночью на стене были часовые, но сама стена... В ней бреши...

— За содержание стены в должном порядке, сир, отвечает Совет города,— поддержал его другой.

— Его члены — те, кто не попал в рабство или не погиб,— будут примерно наказаны,— заверил их король.— Однако вы, надеюсь, не сможете возразить против того, что защищать город должен его гарнизон. Он оборонялся достойно, не так ли?

— Нет, сир,— ответил тот из офицеров, что говорил первым.— Меньшая его часть... То есть я хотел сказать, что многие воины...— Его слова утонули в ропоте собравшихся.

— Так, значит, в гарнизоне было меньше половины его состава? — спросил король.—

Почему-то мне казалось, что отряд Флории укомплектован полностью. Похоже, я ошибался. Чаула?

Тон, которым Пашир произнес имя своего писца, заставил содрогнуться окружающих. Писец взял в руки свиток с королевской печатью:

— Сир, гарнизон был отправлен во Флорию меньше месяца назад. Офицеры, стоящие перед тобой, подписали документ, который подтверждает, что это именно так.

Чаула вручил свиток королю. Тот внимательно прочел его, а затем передал офицерам.

— Может кто-нибудь из вас сказать что-либо в свое оправдание? Вы не станете отрицать, что это ваши подписи? — Офицеры из флорианского гарнизона подавленно молчали. Король подозвал к себе офицера своей личной гвардии. — Заключите этих людей под стражу! Завтра их распнут на крестах в знак того, что предательство и сговор неизбежно должны быть наказаны.

В воцарившейся тишине офицеров увели. Теперь король обратился к раненому мужчине, грудь которого украшали несколько знаков отличия:

— Ты продолжал сражаться, пока не получил ранение и твои люди не унесли тебя с поля боя. Наказание тебя не коснется. Но я хочу знать, что же произошло во Флории.

Рабы помогли раненому офицеру приподняться на носилках, подложив ему под спину подушки.

— Сир, мое имя — Неха, младший офицер с Четвертой Северной Границы. — Несмотря

на полученные ранения и большую потерю крови, голос его звучал твердо. — В ночь, когда Флория подверглась нападению, я не был в карауле. Боевая тревога раздалась незадолго до рассвета. Я вскочил и, надев доспехи, выбежал из казармы, приказав следовать за собой своим солдатам. Под моим началом было всего шесть человек. Однако мой командир, которого ты только что осудил, собирался прислать еще шестерых... Когда мы добрались до места схватки, островитяне уже были на стене. Я видел, что это дикари, но они были прекрасно обучены и подчинялись железной дисциплине.

— Как ты это определил? — спросил король.

— Они были разбиты на отряды из людей, принадлежащих к одному племени. У солдат не было единой формы, но все они носили черные щиты. На стене они действовали в боевом порядке, и лишь немногие погибали, атакуя в одиночку. Самыми свирепыми были отряды воинов с бронзовыми волосами, одетые в шкуры, их головы украшали перья. Еще они отличались от других великолепными длинными копьями из бронзы со стальными остриями. Казалось, эти люди не ведают страха, но поведение их выглядело странным.

— Я видел такое оружие, — задумчиво произнес король. — Эти воины — из племени шасиннов. Что же странного ты увидел в их поведении?

— Это трудно объяснить. Они как будто пьянели от битвы. Я не видел, чтобы кому-нибудь из этих воинов мешали сражаться раны или усталость. Жестокая кровавая схватка была для них... Они получали от нее наслаждение!

— Ты видел их командира?

— Нет, сир. Меня ранили на стене в руку, а потом еще раз, в бок, когда нас прижали к складам. У ворот порта я получил ранение в голову, а после этого, видимо, потерял сознание, и мои солдаты вынесли меня с поля боя.

— Я узнал от тебя много полезного. Когда оправишься от ран, получишь повышение. Отдыхай и набирайся сил. Нашему войску будет нужен каждый доблестный офицер, который не бежит без оглядки от врага.— Пашир кивнул рабам: — Отнесите его в военный госпиталь.

Когда раненого вынесли из зала, король произнес:

— Генерал Тэкс! — В голосе Пашира снова зазвучали угрожающие ноты.

Встал богато одетый человек со сжатыми в тонкую линию губами.

— Да, сир?

— Северный Берег находится под твоим началом. Почему ты не сообщил о его полной неспособности отразить нападение с моря?

— Сир, король, твой предшественник, давал нам понять, что его не особенно интересуют подобные вопросы. Он считал, что основная военная опасность может исходить лишь от Омайи и Чивы.

Пашир ударил кулаком по спинке кресла:

— Ты что, считаешь меня полным идиотом?! Ты обязан подчиняться правящему монарху, а не лепетать какие-то глупости об интересах почившего! За свои преступные просчеты ты заслужил смертную казнь! Если не хочешь позора своей семье, я могу позволить тебе самому

лишить себя жизни. Но сделать это ты должен немедленно. А теперь — убирайся!

Побледнев, однако не опуская гордо вздернутого подбородка, генерал вышел из зала. Пашир снова оглядел собравшихся. Лица членов Совета покрывала испарина. С тех пор как он занял трон Навы, не был казнен ни один нобиль. За последние несколько лет аристократы уверились в своей безопасности и полной безнаказанности.

— Могу ли я сказать, сир? — обратился к королю толстяк в одежде жреца главного культа.

— Можешь.

— Сир, возможно, прискорбные события во Флории следует рассматривать как благословение небес. Несколько высадившихся там лодок с дикарями-островитянами можно считать лишь досадным недоразумением. — Он скрестил на животе пухлые пальцы. Толстые губы жреца растянулись в подобострастной улыбке. — Безусловно, этот факт достоин всяческого сожаления. Однако он указал нам на допущенные недосмотры и продажность командования тамошнего гарнизона. — Жрец, полуобернувшись, ласково улыбнулся человеку в военной форме, безмолвно стоявшему за его спиной. — Представь, как было бы ужасно, если бы все это выяснилось во время нападения сильной армии Чивы! Повторяю, я склонен считать этот печальный случай даром богов. Дикари всего лишь заняли небольшой портовый город. Скоро они вернутся на свои Острова, а ты сможешь спокойно восстановить обороноспособность Флории.

— В твоих словах имеется доля истины, высокочтимый Геб,— ответил король.— Хотелось бы верить, что это действительно так. Пригласите в Зал Совета главу Гильдии Морских Торговцев.

Человек, который вошел в зал, выглядел усталым и словно потрепанным штормом. Под его глазами пролегла густая сетка морщин, показывающих, что ему часто приходилось щуриться от яркого солнца. Он отвесил низкий поклон.

— Чем я могу служить тебе, мой король?

— Капитан Малк, у нас имеются сведения о том, что дикари до сих пор удерживают Флорию. Как ты считаешь, когда они могут вернуться на свои Острова?

Малк распрямил согнутую спину:

— Они уже пропустили срок, когда путь до Островов безопасен, сир. Все наши моряки встали на зимнюю стоянку примерно три недели назад, а большие корабли вынуждены были сделать это еще раньше.

— Ты хочешь сказать, что они решили остаться на материке?

— Здесь не может быть другого ответа. Уже начался сезон штормов. Выйти сейчас в море было бы непростительной глупостью... Или безумством.

— Но это также означает, сир, что к дикарям не прибудет подкрепление с Островов,— вставил жрец.

— Возможно, оно уже прибыло к ним раньше,— заметил король.— Малк, что ты можешь рассказать об этих людях с Островов?

— На Островах проживает много различных племен, сир. Одни занимаются рыболов-

ством, другие — земледелием или охотой. Самые свирепые из них — племена Пастухов. Они постоянно совершают набеги друг на друга, иногда чтобы захватить домашний скот, а порой просто ради воинской славы. Среди Пастухов же самые грозные воины — шасинны. Но еще несколько лет назад они не выходили в море.

Не так давно человек по имени Гасам объявил себя королем Островов. Сначала он объединил вокруг себя племена своего родного острова Гэйл, а затем, захватив несколько кораблей, стал совершать набеги на другие острова, поработая их. А совсем недавно племя Рыбаков на его острове научилось строить большие корабли, и теперь Гасам имеет суда, способные к дальним переходам.

— Этот человек думает о будущем, — сказал Пашир. — Его трудно счесть неотесанным дикарем.

— Совершенно верно, сир. Во время своих морских набегов он никогда не трогал кораблей торговцев. Гасам сосредоточил свои силы на том, чтобы объединить Острова под своей единоличной властью. Соблазнившись обещанной им богатой добычей, многие моряки помогали его людям освоить морскую науку и перевозили на своих кораблях его воинов.

Один из членов Совета, пожилой уже человек, сделал знак, что у него имеется вопрос.

— Позволяло ли поведение этого негодяя предположить, что его захватнические интересы распространятся и на материк?

— Пожалуй, да, — кивнул Малк. — В промежутках между своими походами он устраивал

временные резиденции в портовых городах. Туда он приглашал купцов и других путешественников и всячески привечал их. Гасам расспрашивал о народах, обитающих на побережье материка, об их городах, о торговле...

— И об их способности к защите,— продолжил фразу Пашир.

— Да, сир. Гасама интересовали и эти вопросы. Все сведения передавались ему устно, ибо островитяне не знают ни письменности, ни картографии. Ко всему сказанному можно добавить, что его королева так же умна, как и он сам. Это женщина, твердая духом не менее, чем его воины, и в то же время красивая и обаятельная. Разумеется, когда хочет выглядеть такой. Иногда же королева предпочитает быть жестокой и дикой. Эта пара стоит друг друга.

«Я знал королев, подобных ей»,— промелькнуло в голове Пашира.

Король отпустил капитана Малка и предложил советникам высказать свое мнение. Большинство из них считали, что вторжение варваров не сможет продолжаться долго. Нава была богатым королевством и постоянно подвергалась нападениям со стороны соседей. Некоторые пограничные районы по несколько раз переходили из рук в руки, и, как правило, эти конфликты не особенно беспокоили членов Совета. Лишь несколько человек предложили собрать армию и наголову разбить дикарей. Большой частью это были нобили, которые имели владения в местностях, близких к зоне военных действий. После продолжительного обсуждения король пришел к окончательному решению.

— Генерал Краша, тебе в обязанность вменяется собрать все военные силы Навы на расстоянии трехдневного перехода от столицы. Пограничные гарнизоны не трогать. Мы отправимся на север, как только соберем войска.

Генерал вскочил с места:

— Будет исполнено, сир. Но имеет ли тебе смысл, мой король, лично участвовать в столь незначительном походе?

Пашир тряхнул головой:

— Командовать будешь ты, но я хочу своими глазами увидеть, на что способна моя армия в походных условиях. Мы давно не вели серьезных войн, и поражение во Флории стало для нас неожиданностью. Не думаю, что мы потратим на эту кампанию много времени, но, без всякого сомнения, она будет тяжелой. Это станет неплохой проверкой боеспособности наших войск. Жрец Геб поступил мудро, обратив наше внимание на то, чем могут обернуться наши легкомыслие и неподготовленность. Так что нам помимо всего прочего предоставится возможность провести военные маневры, не привлекая к этому наших уважаемых коронованных соседей.

— Все ваши приказания будут выполнены, сир,— склонил голову военачальник.

— И еще...— начал Пашир.

— Да, сир?

— Я буду внимательно следить за всеми случаями казнокрадства и за непростительными ошибками. Офицеры, которые явятся без своих отрядов, объясняя это тем, что не смогли собрать людей, будут безжалостно

наказаны. Пусть они не надеются на снисхождение, мне прекрасно знакомы все возможные уловки военных. На каждого отсутствующего солдата необходимо представить заключение лекаря или же другое обоснование его отпуска.

— Я понял, сир,— угрюмо ответил Краша.

— Любой офицер, сказавшийся больным, дабы избежать этой кампании, будет представлен королевским медиком. Они рассмотрят вопрос о его годности к службе. Каждого королевского лекаря будут сопровождать королевские палачи.

— Да, сир.— Голос военачальника упал почти до шепота.

Наконец Пашир отпустил советников и придворных. Оставшись один, он направился в сад, где любил уединяться, если ему хотелось что-нибудь обдумать. Мысли короля были мрачными и тревожными. Он опасался, что вторжение с Островов может оказаться куда более серьезным, чем его восприняли многие из членов Совета. Они явно недооценили молодого энергичного завоевателя, командующего свирепыми, прекрасно обученными воинами. Пашир не допускал мысли о том, что может потерпеть в стычке с Гасамом поражение. Однако он чувствовал, что воевать с ним будет очень и очень нелегко.

Гораздо большую угрозу он усматривал в том, что предстоящая кампания может развязать руки правителям соседних государств, которые сочтут его королевство не подготовленным к войне. Временный успех этого островного короля-пирата мог подтолкнуть кого-

нибудь из них к набегам на территорию Навы, которых так давно не было.

— Отец!

Король обернулся. Перед ним стояла его дочь, Шазад. Она была единственным ребенком Пашира, и он, как всегда, почувствовал, увидев ее, искреннюю радость.

— Подойди, дитя мое.

Шазад приблизилась, и король обнял ее за плечи. Разумеется, ребенком она была только для отца — в свои двадцать с небольшим лет женщина уже успела овдоветь. Пашир всегда старался тщательно обходить вопросы, касающиеся смерти ее мужа: они были тесно связаны со смертью короля, которого он сменил на троне.

— Ты чем-то расстроен? — спросила Шазад. — Не отрицай, я же вижу. Но чем? Тем, что островитяне захватили Флорию?

Улыбка на лице дочери была столь заразной, что король не мог не улыбнуться ей в ответ.

— Да, девочка, я расстроен этим. Не думай, я не боюсь каких-то дикарей. Но этот случай открыл мне то, что я, к своему стыду, упустил из внимания.

Шазад обвила рукой все еще стройную талию отца.

— Расскажи мне обо всем, — попросила она.

Пашир довольно подробно описал ей то, что происходило на заседаниях Совета. В отличие от большинства отцов, он трезво оценивал и недостатки дочери, и ее способности. Шазад была капризным, неуправляемым созданием, совершенно неудержимым в погоне за чув-

ственными наслаждениями. Однако она была достаточно благоразумна, как и ее покойная мать, обладала острым проницательным умом и о мужчинах отзывалась с безжалостной откровенностью.

— Думаю, ты прав,— сказала Шазад, когда Пашир закончил рассказ.— К этому королю Островов нельзя относиться несерьезно. Скажи, ты помнишь мальчика Хаэля, который теперь тоже называет себя королем?

— Помню, и очень хорошо. Я получил от него очередное письмо на прошлой неделе.

— Он родом с того же острова, что и Гасам. Конечно, это было довольно давно, но мне помнится, как Хаэль говорил, что его изгнали из племени из-за подлого предательства этого человека.

— Странно, что две такие незаурядные личности могли вырасти в каком-то примитивном племени.

Шазад перебирала пальцами вышитые золотом кисти штор, закрывающих окна. Она была одета в юбку и жакет для верховой езды — ее обычный дневной наряд. Принцесса с сожалением отмечала, что неумолимо полнеет и скоро для того, чтобы сохранить фигуру, ей понадобятся более сильнодействующие средства, чем ежедневные прогулки верхом.

— Отец, могу ли я отправиться с тобой во Флорию? Ты никогда раньше не брал меня в военные походы.

— Война — неподходящее место для женщины,— отрезал Пашир.

Шазад рассмеялась:

— Не говори глупости, отец. Война никогда не проходит мимо женщин. Как ты считаешь, она не коснулась женщин Флории? Если война — не место для них, то почему сейчас они подвергаются насилию дикарей и носят ошейники рабынь?

Пашир недовольно проворчал что-то себе под нос. Он прекрасно знал, что в конце концов уступит дочери, как уступал ей всегда. Что ж, возможно, этот поход окажется полезным для Шазад. Суровые погодные условия сезона штормов напомнят ей о жестокой реальности жизни. А серьезной опасности не предвидится, все-таки принцесса будет находиться среди королевской армии. Возможно, основное сражение удастся провести силами небольших отрядов, тогда как основная часть войска завершит разгром противника. Обычно при стычках с дикарями происходило именно так.

— Ладно. Если ты пообещаешь беспрекословно выполнять все мои приказания, я, пожалуй, буду настолько глуп, что разрешу тебе сопровождать меня.

Шазад обвила руками шею отца:

— Но, отец, разве я не поступаю так всегда?

— Конечно, нет, — усмехнулся, освобождаясь из ее объятий, Пашир. — Но я говорю очень серьезно, дочка. При первом же признаке неповиновения ты немедленно вернешься в столицу, причем на самом быстром моем скакуне.

— Я обещаю, обещаю, отец! — радостно воскликнула принцесса, снова бросаясь ему на шею.

Позднее, в своих роскошных апартаментах, занимавших целое крыло королевского дворца, она занялась необходимыми приготовлениями к магическому ритуалу. Они должны были способствовать успеху замыслов Шазад, а также ее безопасности во время кампании. Ее личные жрецы и прислужники уже ожидали со всем необходимым в комнате, освещенной мерцающим светом свечей, где звучала тихая музыка.

Шазад нанесла ритуальные узоры на свое еще не совсем обсохшее после принятия ванны с благовониями тело и встала в центр геометрического рисунка, выложенного на мозаичном полу. Прислужники, чьей обязанностью было помогать ей в таких обрядах, полукругом стояли в отдалении, готовясь к ритуалу очищения. Рядом с каждым из них замерли жрецы, державшие в руках девятихвостые плети с вплетенными в них острыми косточками.

Культ, верховной жрицей которого была Шазад, считался одним из самых известных на материке, но в Наве был запрещен. Он практиковал разнузданные оргии и жертвоприношения, однако был достаточно широко распространен из-за силы заклинаний, которые нередко могли серьезно воздействовать на события. В качестве прислужников выступали как аристократы, так и простые смертные, и даже рабы. Высокое положение Шазад служило им защитой от возможных преследований.

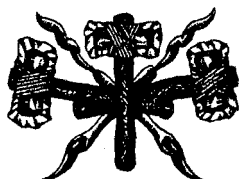
Прислужник передал принцессе кадило из узорчатой керамики, подвешенное к медным цепям. Раскачивая им, она высоким голосом запела обрядовую песню. Наркотический дым

шекотал нервно трепещущие ноздри Шазад, ее заклинания сопровождал свист бичей, рассекающих человеческое тело. Она не обращала внимания на стоны и крики: будучи верховной жрицей, принцесса проходила через гораздо более жестокие испытания при обряде очищения. Один из жрецов зашел за ее спину, и на плечи Шазад обрушился тяжелый удар плети. Острые костяные зубы разодрали кожу, но голос женщины даже не дрогнул. Жрец хлестал ее до тех пор, пока струившаяся по спине Шазад кровь не достигла ее ступней. Остальные участники обряда — люди и животные — готовились к ритуалу. Его окончание обещало быть куда более приятным.

Глава четвертая

К

ороль Пашир окинул оценивающим взглядом свое войско, и на его лице показалась кривая улыбка. Как и ожидалось, поход оказался трудным. Сезон штормов был в разгаре. Бесперывно хлестал холодный дождь, самые лучшие дороги превращались для тысяч шагающих людей в грязное месиво, в котором с противным чавканьем увязали ноги, и потому армия продвигалась вперед чрезвычайно медленно.

Властелин Навы с тревогой смотрел на небо, до самого горизонта закрытое низкими свинцовыми облаками. Рабы поддерживали над ним и скачущей рядом Шазад некое подобие балдахина, защищавшее от дождя. Пашир усилием воли отвел взгляд от походной накидки на спине дочери, на золотистом фоне которой проступали бурые пятна. Он прекрасно знал, чем она занимается во время скандально известных религиозных обрядов, но никогда не выступал против. Не одобряя занятий Шазад, король тем не менее считал, что это куда лучше, чем если бы она попала под непосредственное влияние какого-нибудь высокопоставленного служителя запрещенного культа. Могущественные жрецы могли стать серьезной угрозой любой монархии. Однако если бы кто-нибудь из религиозного окружения Шазад хотя бы попытался управлять им, король безжалостно уничтожил бы мерзавца и разом избавился от всех неприятностей, которые могло причинить ему духовенство. К удивлению Пашира, трудности похода, казалось, едва ли не доставляли удовольствие его дочери. Но, конечно же, ни король, ни принцесса не испытывали тех мучений, что выпали на долю простых солдат.

Пашир и его приближенные наблюдали за движущейся колонной со скалы, нависшей над дорогой. Около столицы она была неплохо вымощена, однако в этих местах содержание королевских дорог оставляло желать лучшего. Это тормозило продвижение насквозь промокшей наванской армии. Яркие сверкавшие бронзовые копья солдат под почти непрерывными струями дождя позеленели от патины.

Со шлемов офицеров из толстой кожи туну жалко свисали намокшие под ливнем, а когда-то имевшие величественный вид плюмажи из белых перьев. За войском двигался обоз: возмущенно фыркавшие животные тяжело тащили повозки, доверху нагруженные поклажей.

— Какое жалкое зрелище! — воскликнула Шазад. — Если бы дикари увидели сейчас нашу армию, они лопнули бы со смеху.

— Вынужден согласиться с тобой, дочь, и самое неприятное, что во всем этом виноват я. Я слишком увлекся укреплением своей власти и совершенно упустил из виду дела армии. Мне и в голову не пришло организовать ежегодные маневры именно в сезон дождей, чтобы приучить солдат действовать даже в таких погодных условиях. Они не оказались бы тогда в столь бедственном положении. — Король пожал плечами под бронзовыми доспехами. — Но думаю, серьезных причин для беспокойства нет. Этот поход закалит моих солдат и сделает их более выносливыми. Когда мы достигнем Флории, этот сброд будет, надеюсь, походить на настоящую армию.

— А ты считаешь, для победы над дикарями достаточно пристойного вида войска? — поддразнила отца Шазад.

— Конечно, ты права, — в тон ей ответил Пашир. — Но помимо всего прочего варваров должно испугать присутствие в королевской свите женщины.

— Однако я слышала, что короля Гасама сопровождает его жена.

— И это говорит о том, что он собирается остаться во Флории, если, конечно, мы его

оттуда не вышвырнем. Отряд солдат означает набег за добычей, армия — захват, а вот женщина, за ней следующая, — закрепление на новом месте. Тому, кто намеревается удержать завоеванное, требуется значительно больше отваги, чем налетчику, который собрался просто уйти с награбленной добычей.

Чтобы король слышал ее слова, принцессе приходилось постоянно напрягать голос, перекрывая шум барабанищих по балдахину дождевых струй. Значительно хуже приходилось рабам, вымокшим до нитки под потоками воды, но несчастные не роптали.

— И тем не менее армия этого Гасама — всего лишь сборище дикарей. И даже в том состоянии... Как бы это сказать помягче... При всей неподготовленности нашего войска мне хотелось бы верить, что нам не составит особого труда разбить дикарей наголову.

— Разумеется, я тоже уверен в этом, — кивнул Пашир. — Но по последним донесениям наших разведчиков, к ним идет подкрепление с Островов. Корабли вышли оттуда примерно две недели назад. Мы никогда даже не представляли, насколько плотно заселены Острова. И возможно, эта кампания окажется значительно более сложной, чем думалось вначале. И все-таки мы их разобьем.

Шазад улыбнулась и ударила в знак согласия по его ладони. Однако ее мысли сейчас были далеко не веселыми. С болью в сердце принцесса сознавала, что ее отец сейчас совсем не тот, каким был десять лет назад. Тогда ему не смог бы противостоять ни один человек на свете! В расцвете сил Пашир никогда не позволил бы

своей армии дойти до такого жалкого состояния. Шазад продолжала верить в успех Навы, но не сочла лишним обдумать план своих действий на случай поражения, как бы невероятно это ни звучало. Ей обязательно надо взглянуть на этого Гасама. Как-никак, он был мужчиной, а с мужчинами она обращаться умела, сколь бы могущественными и грозными они ни казались. Принцесса вспомнила Хаэля. Он тоже был воином из племени шасиннов и мог общаться с духами, но она управляла им так же легко, как и всеми остальными. Конечно, он был тогда почти мальчиком, но ведь и она стала с того времени значительно старше и опытнее. Ей, принцессе крови и главной жрице, не составит большого труда очаровать какого-то невежественного варвара, вождя островного племени. Очаровать и заставить делать то, чего она захочет.

Поход продолжался уже двенадцать дней. К концу первой недели солдаты, видимо свыкшиеся с постоянными дождями, несколько воспряли духом. Они уже отпускали по поводу отвратительной погоды грубые солдатские шуточки, задирали более слабых и тех, кто слишком много жаловался. Сейчас продвижение войска сопровождалось бодрыми маршевыми песнями.

Сердце Пашира радовалось столь приятной перемене в армии. Эти солдаты не были закаленными во множестве боев ветеранами, но теперь, после такого перехода, король уже не сомневался, что его воинство не побежит при появлении врага с поля боя.

Неожиданно дожди прекратились. Грязь на дорогах подсохла, и теплые лучи солнца ласка-

ли слаженно марширующую, постепенно приходящую в былой порядок армию Навы. До цели ее похода оставалось еще около двух дней пути. Наладившаяся погода изменила не только настроение и вид, но даже запах войска — от одежды больше не разило сыростью и плесенью. Снова сияли бронзовые копья солдат и доспехи офицеров. Как всегда, армия трогалась в путь до рассвета, и первые лучи солнца освещали бодрых, готовых к бою воинов. Пашир уже давно понял преимущество армии, нападающей на рассвете. Большая часть военных цивилизованных государств привыкла к определенному режиму дня, и на рассвете они, сонные и ленивые, только едва открывали глаза — трудно было представить себе более легкую добычу.

Внимание Пашира привлекла небольшая группа людей, которая быстро приближалась к их войску. Это были разведчики, рыскавшие перед авангардом армии и постоянно доставлявшие новые сведения. Король, вспомнив о своем обещании не вмешиваться в командование войском, едва удержался, чтобы не подзывать их к себе. Негоже правителю выказывать какую бы то ни было тревогу во время столь незначительного военного похода, который можно было скорее считать просто восстановлением порядка, нежели серьезной кампанией.

Через некоторое время генерал Краша отдал приказ войскам перестроиться и приготовиться к сражению. Затрубили горны, забили флейты, ударили барабаны. Со всех сторон слышались команды офицеров. Когда перегруппировка закончилась, наванская армия представляла собой ряд стройных шеренг.

Вьючных животных, освободив от груза, отвели в тыл. Верхом остались только старшие офицеры. К ним, покинув свое обычное расположение в рядах войска, приблизилась небольшая группа всадников на кабо, рога которых сверкали свежей позолотой. Среди них были сыновья благородных семейств, исполнявшие обязательную воинскую повинность. Один из них обратился к офицеру за разрешением отъехать в сторону, чтобы надеть на своих скакунов парадную сбрую. Так как врага в пределах видимости еще не было, их просьбу удовлетворили. Через несколько минут все кабо преобразились, заблестев дорогими уздечками.

Краша подъехал к Паширу и доложил:

— Армия готова к бою, мой король!

— Великолепно! Солдаты выглядят бравыми. А теперь послушаем, что смогут сказать разведчики.

Командир группы разведчиков остановился перед королем. Волнуясь, он начал докладывать, но, наткнувшись на суровый взгляд Пашира, вспомнил, что король здесь только наблюдатель, и повернул своего кабо, чтобы исправить ошибку. Разведчик доложил обстановку командующему. Он сильно устал, но старался держаться бодро, показывая отменное воспитание.

— Мой генерал, навстречу нам движется небольшой отряд противника. Мы заметили сверкающие на солнце наконечники их копий.

— Когда ты сказал «небольшой отряд», мой мальчик, — попытался уточнить Краша, — какую численность противника имел в виду?

— Я не смог сосчитать их, мой генерал. Но, судя по числу копий, можно предположить, что их три, от силы четыре тысячи.

— И ты думаешь, что видел их всех, мой храбрый юноша?

— Я уверен в этом, мой генерал. Их колонна растянулась на большое расстояние, так что я не мог ошибиться... Ну разве что на тысячу человек...

Король терпеливо выслушивал этот совершенно лишний обмен вежливыми фразами. Он прекрасно знал, что людям необходимы нехитрые привычные ритуалы, которые помогают им преодолеть страх перед надвигающейся битвой. Пашир, как и юный воин, старался не показывать своей тревоги. Отобрать у солдат их маленькие игры означало наполовину их обезоружить.

— Они идут походным маршем? — осведомился генерал.

— Нет, мой генерал, они вовсе не маршируют, — сказал разведчик.

— О неужели я плохо расслышал, и ты, мой сердечный друг, сообщил, что орда варваров стоит на месте?

— Нет, это не так, Прославленный! Они бегут...

Это сообщение встретил дружный хохот собравшихся вокруг короля офицеров.

— Бегут! — воскликнул один из них. — Это же просто здорово! Когда мы встретимся, они будут настолько изнурены, что наши солдаты смогут побереечь свое оружие и просто-напросто руками раздавить дикарей!

— Ты оставил их далеко позади. Когда, по твоему мнению, они достигнут нас? — спросил Краша.

— Если учитывать характер местности, то примерно через два часа, мой генерал,— ответил разведчик.— Но мне трудно представить, что они смогут сохранить такой темп, не дав себе передышки.

— Прекрасные известия, мой мальчик! — воскликнул генерал, после чего обратился к окружающим его офицерам: — Предположим, они будут двигаться без остановки. Дайте солдатам подкрепиться, но не зажигайте костров. Когда дикари покажутся, я подам сигнал. А до тех пор не покидать боевых позиций и быть готовыми к тяжелому делу. Все свободны.

Офицеры направились к своим отрядам. Они находились в приподнятом настроении, как люди, которые напуганы, но не желают даже думать о своем страхе. На месте они ознакомили своих подчиненных с приказом командующего. Солдаты, присевшие перекусить, переговаривались друг с другом, и сквозь заметное оживление в их голосах чувствовалась некоторая напряженность.

— Чаула! — позвал король. Писец поспешно приблизился.— Карту,— коротко велел Пашир.

Королевский писец развернул перед ним свиток, на котором был детально изображен участок местности, где они сейчас находились.

— Дочь!

Шазад прекрасно знала этот не допускающий возражений тон.

— Да, отец?

— На каком кабо ты сейчас едешь?

— На Красавице. Она лучше других подходит для путешествия.

— Пересядь на самого быстрого кабо. Если что-то пойдет не так, скачи в столицу и не останавливайся, пока за твоей спиной не захлопнутся городские ворота. Ты хорошо меня поняла?

— Если ты так желаешь, отец.— Принцесса с любопытством взглянула на карту.

— Мы находимся вот здесь, мой король.— Писец ткнул в свиток перепачканным в чернилах пальцем.— Но это старая карта. На ней не указана высота, а я всегда твердил о чрезвычайной важности этих сведений.

— Я знаю, Чаула. Наше расположение с трех сторон окружают возвышенности.

— Это невыгодно для нас, отец? — вмешалась в разговор Шазад.

— Может стать невыгодным, если противник обладает сильной кавалерией и мощным метательным оружием. Насколько нам известно, копьями и дротиками они пользуются, но верхом не ездят вообще. Если они разместят своих солдат на этих высотах, то будут иметь преимущество, двигаясь со склона. Не думаю, однако, что это поможет им смять боевые порядки армии, которая знает, как воспользоваться этими сведениями.

Шазад подумала, что в голосе ее отца, пожалуй, уже не чувствуется прежней уверенности. Она сделала знак своему конюху:

— Перенесите мое седло на Молнию.

Слуга тут же отправился оседлывать самого быстрого кабо Шазад.

Уже несколько дней армия Навы двигалась вдоль берега большой реки, и генерал Краша решил использовать этот поток, чтобы укре-

пить свой левый фланг. Он выстроил пехоту в три линии так плотно, что щиты стоявших рядом воинов соприкасались друг с другом. В тылу оставались резерв, включавший примерно одну пятую его сил, и кавалерия. Всадников он собирался ввести в бой, когда варвары дрогнут. Краша считал, что дикарей должен привести в ужас вид всадников, которые помчатся на их порядки, подняв смертоносные копья, способные пронзить даже самые крепкие щиты. Только обученная и дисциплинированная пехота может устоять и не рассыпаться в стороны перед лавиной несущихся кабо. Эти же варвары, без всякого сомнения, не имеют ни малейшего понятия о дисциплине.

Подготавливать войско к бою — дело, не терпящее спешки. К середине утра каждое отделение стояло на своей позиции. Когда командиры убедились, что все в порядке, они разрешили солдатам сесть на землю, чтобы те понапрасну не растрачивали перед битвой свои силы. Примерно через час впереди показались отряды дикарей.

Глаза короля оставались такими же зоркими, как в молодости, и он заметил варваров на гребне горы на минуту или две раньше, чем ему успели доложить об их появлении. Расстояние все еще было слишком большим, чтобы различить какие-то детали. Пашир видел только крохотную фигурку человека, двигавшегося впереди войска противника. В руках он нес большой черный щит овальной формы. Через несколько минут с ним поравнялись другие воины. Отряд дикарей по-прежнему передвигался бегом. Скоро в пределах видимости ока-

зались уже сотни варваров. Многие из них остановились, увидев перед собой армию неприятеля. Другие же пустились в пляс, издавая воинственные звуки дикарских боевых песен.

— Издалека они не кажутся особенно страшными, мой господин,— заметил Чаула.

— После такого длинного пробега они должны быть измотаны до предела,— сказала Шазад.

— Согласен. Я тоже пока не вижу ничего, что могло бы вселить в меня тревогу,— отозвался король.— Но как бы эти хитрые варвары не приготовили нам какую-нибудь неприятную неожиданность.

И сюрприз действительно не заставил себя ждать. Дикари сгруппировались на гребне холма над армией Пашира. Они стояли, опираясь на длинные черные щиты, которые окружали их, словно непробиваемая стена. В руках варвары держали длинные копья, основная часть которых была сделана из бронзы. В центре их расположения появился мужчина, почти на голову возвышавшийся над остальными воинами. Островитяне затянули грозную боевую песню, ударяя в такт мелодии по щитам тупыми концами копий. Тщательно начищенный перед боем металл блестел под лучами солнца так, что казалось, будто дикари стоят среди языков пламени. Копье в руках гигантского роста мужчины отливало серебром.

— Это, должно быть, и есть прославленный Гасам,— предположил Пашир.— Даже прежние короли Навы не были столь расточительны. Все металлы ценны, так как встречаются крайне редко, но сталь — самый драгоценный из них.

— Мне кажется, этот человек хочет начать переговоры, отец,— сказала Шазад.

Высокий воин уже поднялся на середину склона холма. Его сопровождали пять человек из племени шасиннов. Впереди них шел воин из другого племени, одетый в яркий кильт. Его голову украшал капюшон из скальпа зубастой рептилии. Он нес длинный, высеченный из камня шест, на котором болтался лоскут белой ткани — древний знак перемирия перед битвой.

— Я поговорю с ним, мой господин,— предложил генерал Краша.— Не думаю, что он может сообщить нам что-либо интересное, но формальности все же должны быть соблюдены.

— Согласен, но я пойду вместе с тобой,— сказал Пашир.— Я хочу поближе взглянуть на этого человека.

— Но, мой король, тебе ни в коем случае нельзя делать этого! — воскликнул генерал.— Во-первых, это излишняя честь для варваров. А во-вторых, мышление дикарей настолько примитивно, что они запросто могут нарушить условия, определяемые флагом перемирия. И в-третьих, Гасаму осталось жить не более часа, так что нет никакого смысла особенно к нему приглядываться.

— Гасам — король,— ответил Пашир,— хоть и самозванный. А мы, монархи, считаем, что нас отличает особая аура королевского величия. Пренебрегать этим не следует. К тому же мы подъедем к ним верхом. Судя по моему опыту, примитивные люди гораздо серьезнее относятся к различного рода табу, чем народы цивилизованного мира. И в конце концов, мы

должны предоставить ему возможность добровольно сдаться, а короли редко сдаются кому-либо, кроме равного им по положению.

— Как скажешь, мой господин,— не стал больше спорить Краша.

— Нельзя ли мне поехать с тобой, отец?

Пашир взглянул на дочь. Затем перевел внимательный взгляд на ее скакуна. Это действительно был самый быстрый кабо из королевских конюшен, и, судя по всему, он находился в великолепной форме.

— Хорошо. Держись позади меня и внимательно приглядись к Гасаму и его спутникам. Даже если король Гасам будет убит, островитяне уже успели попробовать на вкус кровь людей материка и его богатства. Несомненно, они им понравились. Так что вряд ли мы сталкиваемся с этими дикарями в последний раз. Чаула, ты тоже поедешь с нами. О своих наблюдениях доложишь мне, когда вернемся в столицу.

Маленькая группа людей с белым флагом остановилась. Дикари выставили перед собой черные щиты — все, кроме Гасама. На лице короля островитян играла высокомерная усмешка. Шасинны за его спиной стояли в забавной позе — согнув одну ногу и уперевшись ею в колено другой. В их руках были бронзовые копья.

Дикарь, державший флаг перемирия, был приземист, с черными густыми волосами, выбивавшимися из-под его причудливого шлема, и очень смуглой кожей. Шасинны разительно отличались от него внешностью — их кожа блестящая, натертая ореховым маслом, а длин-

ные волосы имели бронзовый оттенок. Все, кроме Гасама, были одеты в меха и перья и украшены татуировками. Их руки и ноги блестели от множества браслетов из драгоценных камней, на шеях висели разноцветные бусы. У воинов, сопровождавших короля дикарей, были глаза ярко-синего цвета — таким бывает на рассвете чистое небо. Весь их вид излучал крайнее высокомерие. Пашир отметил про себя, что, несмотря на всю нелепость их одеяния, ему никогда не доводилось встречаться с воинами, выглядевшими более свирепо.

Когда обе группы разделяло не более нескольких шагов, генерал Краша нарушил молчание:

— Это наш обычай чести — флаг переговоров. Что вы можете нам сказать?

Вздернув подбородок, командующий пытался произвести впечатление на варваров. Однако, судя по всему, на них это не возымело ни малейшего действия. Гасам взглянул мельком на генерала и, не обращая внимания на его слова, обратился к королю:

— Ты король Пашир?

— Да. А ты, должно быть, король Гасам. Я приветствую тебя, но со всем, что касается предстоящей битвы, обращай к генералу Краша.

— Мне нечего сказать твоему рабу. Я хочу говорить с тобой как король с королем.

— Хорошо, — согласился Пашир. — Ты причинил нам некоторые неприятности, но мы готовы простить тебя. Оставь Флорию, освободи моих подданных, которых ты захватил в плен, верни наши богатства — и мы позволим

тебе уплыть на свои Острова. Мы даже не выступим против тебя с военными действиями и не напомним никогда о причиненном нам ущербе. Если вы не будете нападать на наши территории и выполните все указанные условия, через два года ты сможешь прислать в Наву свое посольство. Тогда мы обсудим торговые отношения между нами.

Пока король говорил, Гасам прошел мимо него, остановился перед кабо Шазад и провел тыльной стороной ладони от основания сверкающих рогов до уздечки животного.

— Красивое создание! — заметил он.

Король гладил по морде кабо, но взгляд его был обращен к женщине. Его голос оказался глубоким и звучным, и Шазад почувствовала, как по ее телу пробежали мурашки.

— Не думаю, что это относится к нашему обсуждению, — нахмурился Пашир.

Гасам повернулся к нему:

— Мы ничего не обсуждаем. — Теперь голос короля звенел, подобно стали его копья. — Ты можешь прямо сейчас отречься от королевской власти. Я оставлю тебе твой трон и твоих придворных, но отныне ты будешь править как мой вассал. Ты первый король материка, которому я предоставляю такую возможность. Других предложений ты не получишь.

— Мой король! — воскликнул Краша. — Мы просто теряем время, разговаривая с этим безумцем. — Генерал выехал вперед и с издевательской ухмылкой бросил Гасаму: — Я с удовольствием понаблюдаю, как ты обмочишься от страха, храбрец, когда вперед в атаку пойдет моя кавалерия на сотнях кабо!

Его слова вызвали у шасиннов приступ хохота. Они не могли остановиться, как мальчишки, услышавшие что-то на редкость смешное.

— Жаль, мы могли бы стать друзьями, какими должны быть правители двух сильных государств,— сказал Пашир.— Однако если вам по душе такой способ проститься с жизнью, так и будет — мне придется уничтожить твою армию!

Он развернул кабо и пустил его неспешной рысцей к боевым порядкам наванцев. Пашир и сопровождающие его Шазад и Чаула устроились на сиденьях под балдахином, установленным теперь на возвышенности, чтобы перед королем открывалась картина поля боя. Генерал Краша отправился произвести последний смотр войскам.

Слуги принесли чаши с вином.

— Ну, дочь, что ты думаешь обо всем этом?

— Этот дикарь просто великолепен! Мужчина, обладающий огромной силой обаяния. Что же касается его людей...— Шазад улыбнулась.— Мне всегда нравились знающие себе цену мужчины, а уж об их внешности и говорить не приходится — они прекрасны!

— Красота, слава богам, до сих пор не была частью воинской доблести,— фыркнул король.— А твое мнение, Чаула?

— Шасинны так похожи друг на друга, что могли бы быть братьями. Это говорит об исключительной плодовитости их женщин, что, думаю, играет им на руку.— Оглянувшись, писец понизил голос и продолжил: — Сир, мне кажется, генерал Краша ошибался, предположив,

что дикари испугаются одного вида нашей кавалерии.

Пашир пристально взглянул на него:

— Почему ты так думаешь?

— В свое время я подолгу беседовал с молодым Хаэлем. У меня нет достаточных сведений о других племенах дикарей, но шасиннов с юного возраста воспитывают одновременно и воинами, и пастухами. Еще совсем детьми они начинают ухаживать за каггами. С этими животными нелегко обращаться, они могут быть опасны. Шасинны сызмальства учатся защищать этих животных от хищников, которых водится на Островах великое множество. Они не испугаются кабо, мой господин.

Пашир нахмурился:

— То, что ты сейчас сказал, очень важно. И все же, держу пари, эти варвары никогда не видели прирученных кабо, на которых скачут дисциплинированные, прекрасно вооруженные воины!

Шазад глубоко задумалась. В первую очередь она пыталась прикинуть возможности завоевателей. Ее отец оценивал шасиннов с точки зрения воина, Чаула — как ученый. Она же смотрела на них глазами женщины, и то, что она видела, вполне пришлось ей по вкусу. Эти дикари прямо-таки излучали мужскую привлекательность: высокие, стройные, под кожей рельефно выделяются крепкие, гладкие мускулы. В их движениях сквозила удивительная грация великолепно тренированных атлетов.

Их манеры она находила столь же притягательными, как тела. Не задумываясь об этом,

дикари обладали естественным высокомерием, и в них было непосредственное веселье, собственное людям, для которых ни прошлое, ни будущее не имеют особого значения. Они жили настоящим, как могут делать это только варвары. По сравнению с этими людьми все остальные мужчины выглядели жалкой пародией на мужественность. Однажды Шазад встречала человека, подобного им, — юного шасинна Хазля. Но он мыслил слишком глубоко и этим отличался, судя по всему, от других шасинских воинов.

Гасам был как раз примером обратного. Даже сейчас, когда принцессу окружали гвардейцы короля и его личные телохранители, одно лишь воспоминание об этом мужчине вызывало сладостное томление. Король Островов обладал той подлинной дикостью, с какой ей не приходилось ранее сталкиваться. В нем гораздо яснее можно было различить природную силу, чем то, что привнесла в его натуру цивилизация. К тому же Гасам, несомненно, был умен и расчетлив. Он смотрел на нее так, как не осмеливался смотреть до сих пор ни один мужчина. Принцесса Шазад привыкла к восхищенным подобострастным взглядам. Гасам же смотрел на нее как человек, обдумывающий, покупать раба или нет. И самое тревожное и в то же время самое важное было в том, что ей это нравилось.

С наблюдательного пункта было слышно, как Краша обращается к войскам:

— Теперь, мои солдаты, вы видели их и убедились, что дикарей не так уж много. Думаю, у вас появится возможность нагулять

аппетит! — По рядам прокатился взрыв смеха. — В этой битве будет немного трофеев, — продолжал командующий, — потому что все, что у них есть, награблено во Флории. Это добро необходимо вернуть. Однако у дикарей великолепное оружие, особенно бронзовые копья, которыми владеют люди из племени шасиннов. Я обещаю выплачивать немалую премию за каждое добытое копье. Когда мы разобьем дикарей, будет много пленных. Их продадут на аукционе, а выручку поделят между вами. — Это сообщение было встречено одобрительным ропотом. — Идя в атаку, они кричат и завывают. Зрелище, не спорю, не для слабонервных, но все это только спектакль. Крики, раскрашенные лица и воткнутые в волосы перья не могут убивать. Самое главное — держите строй, подчиняйтесь командам и не бойтесь их! Сегодня вечером мы войдем во Флорию! — Солдаты радостно заорали и забряцали оружием.

— Мне не нравится это напутствие, — обронил Пашир. — Принижать врага — значит сделать солдат уязвимыми, особенно если это ожидание не оправдается. Право презирать своих врагов дает только победа над ними.

— Наверное, командовать надо было тебе, — заметила Шазад.

Пашир ничего не ответил. Затем их внимание привлекли оглушительные крики, раздавшиеся с гребня холма. Дикари подняли над собой оружие и потрясали в воздухе щитами. Со стороны войск Навы послышались пронзительные звуки боевых сигналов горнистов и размеренный бой барабанов. Пехота, как один,

прикрылась стеной щитов, оцетинившись копьями.

Мелодия военной песни дикарей зазвучала угрожающе, и войска островитян двинулись вперед. Они спускались по склону холма, не придерживаясь размеренного шага, как наванцы, а неровными скачками. Это зрелище будоражило: неистовство варваров в сочетании с примитивной дисциплиной производило сильное впечатление. В центре толпы дикарей выступали шасинны, выделяющиеся своими пышными нарядами. Окружающие их представители других племен имели различное вооружение, но у всех были черные щиты. Фланги, загигаясь, отставали от центра войска Гасама так, что оно напоминало голову огромного животного. Шасинны были лбом этого монстра, а их союзники — рогами.

Когда дикари приблизились на прицельное расстояние, раздался звук трубы. По этому сигналу в воздух взвилась, обрушившись на варваров, туча стрел. Однако те лишь подняли свои щиты, не замедлив движения. Стрелы поразили немногих. Через несколько мгновений они оказались настолько близко, что позиция наванских лучников не позволила вести стрельбу по стремительно приближающимся дикарям, не рискуя при этом поразить собственную пехоту.

Из задних рядов шасиннов полетели дротики с бронзовыми наконечниками, которые они метали с огромной силой и поразительной меткостью. Среди наванцев послышались предсмертные крики: дротики легко пробивали их щиты и доспехи. Когда первые ряды

встретились, над полем боя взмыли обычные звуки битвы: стук металла клинков о кожу и дерево щитов, щелканье скрещивающихся копий, звон мечей, вопли, мычание, стоны, проклятия воинов, схлестнувшихся в смертельной схватке.

— Они обходят нас с левого фланга! — воскликнул Пашир.

Шазад увидела, что один из «рогов» вражеского войска загнулся петлей вокруг левого крыла войска Навы. Даже ее неискушенный взгляд мог различить, что число варваров было в этом месте слишком незначительным, чтобы использовать преимущество их позиции. Она окинула взглядом поле боя.

— Не так уж много наших воинов пало, отец, — заметила она.

Король тряхнул головой:

— Настоящая бойня еще не началась. Оба войска сохраняют пока боевой порядок. Но как только одна из сторон его нарушит, тогда-то и начнется резня. До тех пор пока сохраняется построение, большой опасности нет и каждый солдат может сосредоточить внимание на своем противнике. В хаосе же смерть грозит со всех сторон, и ни один человек не может прикрыть свою спину, когда бежит.

Снова пропела труба, и кавалерия, с нетерпением ожидавшая своего часа, ринулась вперед. Обогнув правый фланг варваров, всадники устремились им в тыл.

— Рано... Слишком рано! — пробормотал Пашир. — Краша должен был подождать, когда дикари начнут выдыхаться. — Король в раздражении ударил кулаком по колену.

— Отец! — воскликнула Шазад. — Я надеюсь, ты не сочтешь мои мысли предательскими, но мне кажется, что эти варвары способны воевать без устали хоть сутки напролет.

— Возможно, ты права, — утрюмо ответил король. — Так или иначе, но мы вскоре обратим их в бегство. Дикари даже не заметили всадников в тылу своего расположения.

Шазад не была в этом так уверена. На гребне холма, откуда начали свое наступление варвары, она разглядела одинокую фигуру, опирающуюся на стальное копьё. Она видела, как этот человек поднял копьё и потряс им в воздухе. Внизу всадники на огромной скорости вломились в задние ряды дикарей. В считанные мгновения копьё должны были вонзиться в их спины и сокрушить шасиннов на глазах у первых рядов наванской пехоты.

Принцесса ждала, что шасиннов при появлении кавалерии охватит паника, но все получилось совсем наоборот. Она не услышала сигнала, но три задних ряда шасиннов стремительно развернулись и, прикрывшись щитами, выставили вперед свои смертоносные копьё. Кабо замедлили шаг и остановились в нескольких шагах перед оцетинившейся копьёями стеной щитов, не обращая внимания на проклятия и понукания своих всадников. Вместо того чтобы нестись на противника, наванские всадники тщетно пытались заставить двигаться своих скакунов. Из середины строя шасиннов взметнулась новая туча дротиков. Брошенные с необычайной меткостью, они находили щели в тяжелых доспехах наванцев и поражали всадников. Многие из них были сброшены мечущимися в

ужасе ранеными скакунами, однако Шазад увидела, что шасинны стремились поразить людей, но не животных. Несколько минут продолжалось это кровавое побоище, затем всадники развернули кабо и отступили. Примерно половина из них осталась лежать на поле боя.

Ноздри Шазад уловили какой-то запах, напомнивший ей о жертвоприношениях в храме, и она тут же узнала его. Это был запах свежей крови, всегда чрезвычайно возбуждавший принцессу. Во время жертвоприношений кровь собиралась в особые мраморные или золотые чаши, и ее испарения смешивались с ароматами благовоний. Здесь же, над полем битвы, витал запах крови, хлещущей из ран и орошающий землю, пьянящий, одурманивающий. Если бы не трагедия, что разворачивалась сейчас на глазах у принцессы, Шазад ни на что не променяла бы возможность остаться здесь и полностью насладиться этим столь волнующим ее ароматом. Серебристые всполохи на гребне холма резали ей глаза. Гасам вновь подавал какой-то сигнал.

Пашир увидел — и его лицо, побелев, стало похожим на мраморную маску, — как половина воинов в задних рядах шасиннов отделилась от основной массы войска противника. Они разбились на две группы и быстро двинулись в разные стороны — один отряд направо, другой налево. Оставшиеся шасинны повторили их маневр, и вскоре «рога» их флангов окружили фланги наванской армии.

Фланги армии Навы несли серьезные потери: более длинные копья шасиннов легко про-

никали внутри недостаточно защищенных щитами рядов воинов. Вскоре ряды наванцев были смяты, и дикари зашли в тыл войскам Пашира. Над полем боя раздавались крики ужаса, охватившего окруженных солдат. Некоторые дикари, сея смерть, приходили в неистовство. Они покидали строй, углублялись в ряды противника и там рубили, кололи, проламывали черепа, действуя мечом, копьем или каменной булавой и, казалось, вовсе не замечая ран, пока сами не падали, сраженные врагом.

Зрелище ошеломляло. Еще минуту назад перед принцессой была боеспособная дисциплинированная армия — и вот перед ее глазами предстала беспорядочная толпа ополоумевших от ужаса людей. Шазад видела, как поднимаются и опускаются копы шасиннов и каждый их удар достигает цели. Внезапно она поняла, что странный приглушенный звук, который доносится откуда-то сзади, — голос ее отца.

— Дочь!

Она обернулась, ее глаза встретились с глазами короля.

— Что происходит, отец? Почему они бегут? Ведь особых причин для паники нет. Мы все еще более чем вдвое превосходим их численностью!

— На поле боя сейчас царят ужас и смерть. Храбрость наших солдат испарилась, как только они увидели, что дикари не бегут, как мы этого ожидали. А паника возникла тогда, когда они поняли, что окружены и остались без флангов. Здесь уже больше ничего нельзя сделать. Ты видела достаточно, и больше тебе тут делать нечего. Немедленно скачи в город.

— Ты должен ехать со мной, отец! — воскликнула Шазад.

— Как я могу вернуться в столицу, неся на своих плечах бремя такого позора?

— Не будь глупцом, отец! — взорвалась принцесса. — Дикари выиграли незначительную битву у неподготовленной армии. У тебя в резерве еще пять таких армий! И кроме того, у нас есть союзники. Собрав их силы, ты вернешься сюда и уничтожишь само воспоминание об этих варварах!

Губы короля тронула холодная улыбка:

— У моей дочери больше стали в характере, чем у короля дикарей в его копье. Я, разумеется, не останусь здесь, но я не могу уйти до тех пор, пока мое войско сражается на поле боя.

— Большая их часть скоро будет лежать на нем трупами, — жестоко заметила Шазад. — Ты не должен особенно медлить, отец!

Она обернулась к командиру личной гвардии короля, который наблюдал за происходящим с мертвенно-бледным лицом. Дабы вывести его из ступора, Шазад с размаху отвесила ему пощечину — такую сильную, что отбила ладонь. Однако это, казалось, привело офицера в состояние еще большей растерянности. Следующая пощечина заставила его наконец оторвать взгляд от гибнущей армии и посмотреть на принцессу.

— Слушай меня внимательно. По приказу моего отца я отправляюсь в столицу. Уведи его за мной как можно скорее. Если вы будете в воротах Касина позже чем через час после меня, я подвергну тебя и твоих людей страш-

ным пыткам, а потом ваши тела зашьют в парусину и бросят в море — в острастку охране, которая придет вам на смену. Ты хорошо меня понял?

Гвардеец низко склонил голову:

— Все будет выполнено должным образом, принцесса!

Шазад удовлетворил его ответ. Люди прекрасно знали, что она никогда не угрожала попусту. К тому же это вполне совпадало с желанием гвардейцев: они ничего не хотели так сильно, как поскорее убраться с этого проклятого места. Принцесса нашла оседланных для нее кабо и села на своего лучшего скакуна. В последний раз оглянувшись, она посмотрела на роковой гребень холма. С необычайной ясностью, которая пришла на смену полному беспорядку в ее чувствах и мыслях, она увидела, что рядом с королем шасиннов теперь стоит маленькая фигурка и руки Гасам обнимают ее плечи. Без всякого сомнения, это была его королева. Интересно, как может выглядеть женщина столь грозного мужа? Неожиданно Шазад поняла, что смертельно ей завидует. Бормоча про себя проклятия, принцесса направилась в сторону столицы.

С высоты холма король Гасам смотрел на то, как его воины уничтожают армию наванцев. Одной рукой он сжимал копье, другой обнимал плечи Лариссы, а его лицо оставалось бесстрастным. Только королева могла понять его, и она знала, что нынешняя ночь запомнится ей надолго, а возможно, и некоторым пленным во Флории женщинам. Гасам после

выигранной битвы внушал страх и трепет. Ларисса погладила сквозь красную кожаную повязку его бедро, но король, перехватив, больно сжал ее руку.

— Позже, моя маленькая королева. Это не уйдет от нас. А сейчас дай мне насладиться зрелищем.

— Ты одержал величайшую победу, мой господин! — Королева видела, как внизу союзники преследуют последних спасавшихся бегством наванцев. Кабо, оставшихся без всадников, сгоняли в тыл островитян.

— Это только первые, — проследив за ее взглядом, заметил Гасам.

— Многим из них удалось бежать? — Ларисса прибыла уже к концу битвы. — Ведь ты мог бы полностью окружить войско Пашира?

— Конечно, мог, — усмехнулся король. — Даже последний из моих воинов куда подвижнее этих черепах, которые прячутся за своими доспехами. Окруженные, они обезумели от отчаяния. Но если ты выигрываешь битву, всегда нужно оставлять врагу возможность удара. Иначе он не побежден полностью.

— Ты мудрый человек, любимый. Справились ли шасинны с новой тактикой?

— Она вовсе не нова. Еще когда я был в племени, мы использовали такой прием, но с более плотным построением. Никто из шасинов не бьется в одиночку по своей воле. Если позволить людям из других племен врезаться в самую гущу врагов, они убьют многих на своем пути, но неизбежно погибнут сами. Те, кто сохраняет боевой порядок, несут меньшие потери. Лучше предоставить умирать другим, а

шасинны предпочитают убивать сами. Я должен сохранить людей своего племени. Они — драгоценная сталь среди бронзы моей остальной армии.

Звуки боя внизу затихали, и островитяне затагнули древний победный гимн. Король и королева наблюдали с холма за кровавой резней. Когда они спустились к полю сражения, Ларисса увидела яркие капли крови, как драгоценные камни, сверкавшие на стеблях травы и ветвях деревьев. К тому времени, когда они достигли места расположения основных сил, ее ноги были обагрены кровью по щиколотку. Капли восхитительного кровавого дождя падали с мечей, копий и кинжалов, когда воины выдергивали оружие из тел добываемых ими раненых.

— Кампо! — крикнул король.

Широкоплечий шасинн приблизился к нему и отсалютовал копьем.

— Да, мой король?

— Каковы наши потери?

— Меньше сотни человек, мой король!

— А среди шасиннов?

— Двое убиты. Еще двое получили серьезные раны и могут не дожить до следующего утра.

На лице Гасама появилась торжествующая улыбка.

— Видишь, маленькая королева? Моим воинам пришлось по вкусу эта тактика. Теперь они знают, сколь просто выигрывать сражения у людей с материка.

Их окружило множество воинов, которые распевали победные песни и размахивали захва-

ченными трофеями. Древний гимн в честь победы скоро превратился во всеобщее скандирование одного имени, которое они повторяли снова и снова: *«Гасам! Гасам! Гасам!»*

Выразив таким образом восхищение своим предводителем, воины вернулись к прежнему занятию — обшаривать тела мертвецов и обирать пленников. Гасам взглянул на Лариссу. Теперь даже ее лицо и волосы были забрызганы кровью.

— Возвращайся в лагерь, маленькая королева. Сегодня я приду к тебе в палатку. Оставь при себе темнокожую малышку, а остальных рабынь отпусти. И не смывай с себя кровь.

* * *

Изо всех сил погоняя кабо, Шазад за несколько часов преодолевала расстояние, на которое армии потребовался бы не один день. Во время скачки она пыталась обдумать то, что скажет, когда достигнет городских стен. Как она должна себя вести? Ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы в столице воцарились страх и отчаяние.

Лучше всего было бы сразу собрать отдаленные гарнизоны, но она не обладала для этого достаточной властью. Придется ждать возвращения короля. Хорошенько все взвесив, Шазад решила, что, если о поражении армии Пашира узнают раньше времени, может возникнуть опасность государственного переворота. Женщин в Наве всегда старались держать в стороне от политики и войны, но она зато прекрасно знала жрецов. В

голове принцессы начало складываться подобие плана.

Еще не рассвело, когда Шазад увидела вдали сигнальные огни на крепостных стенах. За полмили от них она остановилась, чтобы привести себя в порядок перед тем, как войти в город. Из седельной сумки принцесса достала новую накидку и, набросив ее на плечи, прикрыла запыленную в пути одежду. Затем, опустив на лицо капюшон, она рысью направила кабо к воротам.

Шазад приблизилась как раз в тот миг, когда они открывались, и, подъехав, назвала свое имя. Стражник, охраняющий ворота, пал на колени:

— Принцесса! Все ли в порядке с армией?

— Разумеется. Там не происходило ничего особенного. Мне это наскучило, и я решила вернуться раньше. Здесь гораздо больше развлечений. Ах да, совсем забыла! Мой отец велел передать тебе кое-какие распоряжения.

— Я живу для того, чтобы выполнять приказы твоего отца, господина.

— В армии было несколько дезертиров. Они украли кабо и могут попытаться выдать себя за людей благородного происхождения. Кто-нибудь из этих предателей, появившись здесь, будет стараться попасть в порт, чтобы, захватив корабль, уплыть на нем.

— В это время года, принцесса?

— Хм-м, конечно... Ну или просто затеряться в городской толпе. Так или иначе, их нужно немедленно арестовать и держать в одиночных камерах башни. Никому ни в коем случае

нельзя позволить разговаривать с ними. Тебе все понятно?

— Я исполню свой долг, принцесса!

— Прекрасно. Остальные должны содействовать тебе в этом. Если возникнет необходимость, арестованных нужно будет заставить молчать любым способом.

— Я понял, принцесса.

Шазад въехала в город, проклиная себя за оплошность: она совершенно упустила из виду, что мореходный сезон закончился. К счастью, стражник оказался слишком глуп, чтобы заподозрить что-либо. Когда она прибыла во дворец, то сразу же послала рабов-курьеров, чтобы немедленно собрать служителей пяти самых значимых культов Навы. Только после этого принцесса велела приготовить себе ванну.

Окунувшись в горячую благоухающую воду, Шазад жестко пресекла все попытки рабынь поболтать с ней и попыталась расслабиться. Когда доложили о приходе жрецов, она велела провести их к себе. Разумеется, обычно она не принимала посетителей-мужчин в ванной, но этих нельзя было считать настоящими мужчинами. Как и все жрецы Навы, отправлявшие государственные культы, они были кастратами.

Глаза вошедших жрецов, толстых и самодовольных, расширились при виде лежащей в мыльной пене принцессы. Их чувство благопристойности было явно оскорблено.

— Моя госпожа! — заговорил главный жрец морского бога Аква. — Что произошло, если ты велела призвать нас, оторвав от утренних молений?

Шазад едва удалось заставить себя не рассмеяться. Никто из этих ленивых старых болванов уже по крайней мере лет двадцать не исполнял никаких утренних служб. Все требующее мало-мальских усилий дела они препоручали более молодым жрецам и послушникам.

— Я ценю вашу исполнительность. Но сейчас я собираюсь воззвать к вашему патриотизму.

— Патриотизму, моя госпожа? — Жрец был чрезвычайно удивлен, как будто никогда в жизни не слышал подобного слова.

— Выслушайте меня внимательно. Нам нужно сделать очень многое, а времени у нас мало.

Продолжая водить по своему великолепному телу губкой, она в общих чертах ознакомила визитеров с происшедшим под стенами Флории. В паузах она склонялась к воде, чтобы смыть пену с волос. Подняв голову, принцесса сделала вид, что ей в ноздри попала вода, и это наконец-то дало ей возможность рассмеяться. Больше сдерживаться она уже не могла — настолько комично выглядели жрецы. Они бледнели, потели и тряслись мелкой дрожью, узнав о поражении, которое произошло далеко от стен столицы.

— Я видела армию, которая была разбита значительно меньшей по составу только по одной причине: ее солдатам показалось, что они попали в окружение, из которого нет выхода. Мы можем потерять и наш город, и наше королевство лишь потому, что горожане сочтут это дурацкое поражение непоправимой катастрофой. Однако в действительности все

обстоит совершенно не так. Беспорядочная толпа трусливых бездельников была разбита свирепыми и на удивление прекрасно обученными дикарями. Король Навы в безопасности и скоро вернется в столицу. Вернется также примерно половина нашей кавалерии, хотя я велела задержать их до того времени, пока все снова не встанет на свои места. В ближайшем будущем король соберет новую боеспособную армию и разгромит варваров. В этом нет никаких сомнений, и наша задача — сохранить здесь порядок до того времени, пока он не прибудет.

— Но что мы должны делать, госпожа? — спросил жрец бога штормов. Казалось, он был обеспокоен больше других.

— Об этом я вам и собираюсь рассказать. Случилось так, что прошлой ночью всех вас посетило видение, посланное богами, которым вы служите. Они поведали вам, что скоро город получит известие, которое поначалу покажется ужасным, но горожане ни в коем случае не должны терять присутствия духа. Это известие о большой крови — не что иное, как великая жертва богам, очищение нации, которая забыла свои обязанности по отношению к богам и их служителям.

— Но, моя госпожа! — воскликнул человек в алых одеждах, жрец бога огня. — Это невозможно! Сделать вид, что нам было видение... Это...

— Это значит, что еще много лет — столько, сколько вам отведено прожить на белом свете, — вы будете протирать своими толстыми задницами храмовые троны! — Яростный крик

Шазад эхом отразился от мозаичных стен ванной.— Вы не только спасете нацию, но и укрепите влияние, как собственное, так и ваших богов! Уверена, что боги не станут возражать против этого!

— Мы сделаем так, как ты говоришь, госпожа,— склонил голову жрец морского бога.

— Тогда идите и действуйте без промедления!

Жрецы поспешно удалились. Шазад крикнула рабам, чтобы те принесли полотенца. Теперь она могла отдохнуть по-настоящему. Она с детства не верила в богов, которым позволяло поклоняться государство, но понимала, что с помощью этих культов легко управлять народом, влияя на его сознание. С детства людей воспитывали в суеверии, к тому же они обожали красочные зрелища храмовых служб, так что контроль за жрецами был весьма полезен для любого правителя. Принцессе пришлось в голову, что из нее мог бы выйти неплохой правитель. Она знала, что должна еще многому научиться и что слишком много времени потратила, предаваясь роскоши, разгулу и развлечениям. Пора было заняться более серьезными делами.

Всю жизнь примером для Шазад служил ее отец. Пашир был сильным и влиятельным человеком. Величайшие и знатнейшие люди Навы признавали его лучшим — как в войне, так и в управлении государством. Прежний король был лишь фигурой, участвовавшей в церемониях. Ее же отец рожден для того, чтобы править. Когда он занял королевский трон, это показалось всем совершенно естествен-

ным: он должен был получить титул и почести монарха, поскольку в течение долгих лет уже фактически обладал королевской властью. И разумеется, естественным и справедливым было то, что она сама стала принцессой королевской крови. Видят боги, она куда более достойна этого, чем жалкие бледные создания — дочери старого короля, ранее обитавшие в этом дворце.

Ее отец всегда казался Шазад чуть ли не богом. Однако годы брали свое — рано или поздно это происходит со всеми смертными. Пашир по-прежнему оставался уверенным и ловким, но это уже был не тот человек, которого она знала в детстве. Ну что ж, это всего-навсего означает, что король нуждается в помощи. Рядом с ним должен оказаться молодой сильный человек, на плечи которого он сможет переложить часть своей государственной ноши. И поделиться с ним властью. Она, Шазад, как раз и начинала играть эту роль.

Эти мысли не принесли принцессе радости. Она подумала о том, что груз государственных забот пригнет ее к земле. Она постареет, ее красота исчезнет... За свою жизнь Шазад усвоила несколько жестоких уроков, и один из них говорил, что юность и красота проходят, бесконечна лишь власть. Если ее не могут удержать старые руки, власть переходит к более молодому и сильному. У Шазад не было ни братьев, ни сестер, ни других родственников, и ей приходилось постоянно общаться с влиятельнейшими аристократами, которые жаждали занять королевский трон.

Но она знала, что в ее руках находится сильное оружие. Официальные религиозные культы Навы были сухими и малопривлекательными, их церемониалы предназначались лишь для того, чтобы дать определенное чувство единства ее гражданам, не причиняя при этом особого беспокойства властям. Но существовали и другие культы, гораздо более древние и могущественные. Их не одобрял закон. Шазад подумала о жестоком ритуале, через который прошла перед отправлением в поход против варваров. Этот ритуал должен был поддержать ее и привести к успеху. Во время ужасной скачки на обратном пути в столицу Шазад уже было подумала, что попала в лапы богов тьмы, но теперь она уже не сомневалась, что боги вознаградили ее так, как она и не смела мечтать. Если бы она не участвовала в походе и не стала свидетельницей поражения армии и того, как слабеют силы ее отца, она не имела бы возможности изменить свое будущее. Сейчас же принцесса невероятно ясно представляла свою дальнейшую жизнь. Возможно, именно боги запрещенных культов позволили ей узнать короля Островов. Воспоминание об этом мужчине до сих пор отзывалось в ее теле жаркой дрожью, порождая сладостное томление. Шазад была совершенно уверена, что отныне их судьбы тесно переплетены. Однажды она уже сталкивалась с подобным чувством к Хаэлю, человеку той же расы, что и король Гасам.

Шазад отчаянно боролась с навалившейся усталостью. Она не хотела засыпать, пока не удостоверится, что ее отец находится в безо-

пасности здесь, во дворце. Из специальной шкатулки она достала порошок, действие которого было способно взбодрить человека, и бросила его в бокал с разбавленным вином. Выпив приготовленный напиток, принцесса прошла в кабинет, где достала три древние книги и, полистав, раскрыла их в нужном месте. Пользуясь приведенными в них описаниями, Шазад принялась изучать подробности древнего ритуала. Он должен стать наиболее сильным из когда-либо предпринимавшихся ею действий и, несомненно, при правильном исполнении приворожит к ней короля Гасама.

* * *

Луна стояла высоко в небе, когда прибыл король. Его сопровождали несколько охранников и гвардейцев, столь же грязных и измученных, как и он сам. Однако Пашир прилагал все силы, чтобы казаться по-прежнему бодрым и подтянутым. Шазад ясно видела, каких усилий ему это стоило. Она с яростью взглянула на капитана гвардейцев, но, прежде чем успела произнести хоть слово, король остановил ее властным движением руки.

— Не нужно, дочь. Я ценю твою заботу обо мне, но здесь я решаю, кого наказать. Мы не стали загонять до смерти кабо, потому что в этом не было особой необходимости. Погони за нами не было. Какая может быть погоня без верховых животных? Я ждал, пока не станет совсем темно, потому что не хотел, чтобы горожане видели, как их король возвращается после поражения своей армии.

Шазад обняла отца и прошептала:

— Отпусти их.

В некотором замешательстве Пашир обернулся к своим спутникам:

— Отправляйтесь в казармы и как следует отдохните. Завтра жду вас с первыми лучами солнца. Нам нужно будет многое успеть сделать.— Затем, когда они остались одни, король повернулся к дочери: — Что ты хотела мне сказать?

Шазад рассказала отцу о том, что успела сделать, время от времени прерывая свою негромкую речь, чтобы дать рабам указания приготовить для короля ванну, еду и чистую одежду. Слушая дочь, Пашир удовлетворенно кивал головой.

— Ты все сделала совершенно правильно, дорогая,— произнес он, когда она закончила.— Я слишком устал сейчас, чтобы обдумывать что-либо серьезное, но я хочу, чтобы завтра ты была рядом со мной. Что касается твоих сегодняшних действий, мне кажется, ты выбрала единственно возможный путь, чтобы предотвратить катастрофу.

Принцесса заснула, вполне довольная собой.

На следующее утро король Пашир пробудился полностью отдохнувшим и восстановившим силы. В присутствии дочери он выслушал доклад об обстановке в городе. Конечно, люди были подавлены и ошеломлены случившимся, но видение, явившееся жрецам, о котором те поспешили рассказать в своих храмах, предотвратило панику среди горожан. Разумеется, город был переполнен самыми разнообразными слухами.

— Великолепно,— заметил король, после чего повернулся к человеку, в обязанности которого входило следить за готовностью города к защите.— О чем ты можешь доложить, лорд Рассек?

— Сир, у меня с собой опись запасов еды и фуража. Корма для скота у нас хватает, но для подготовки города к осаде еще многое предстоит сделать. Нужно срубить лес для постройки временных сооружений, выселить за городскую черту кое-кого из иностранцев, которые могут внести смуту, оружие будет...

— Нет! — Пашир лишь слегка повысил голос, но подчеркнул свое недовольство выразительным жестом.— Никаких приготовлений к осаде! Это только усилит страх и панику среди горожан. Дикари одержали победу в чистом поле, но теперь мы знаем, на что они способны. Они никогда не осаждали города, у них нет никаких штурмовых сооружений. К тому же они находятся на северном побережье и останутся там по меньшей мере до весны. До этого времени они не будут представлять для нас угрозы.

Шазад помалкивала, но внимательно слушала и приглядывалась к происходящему, оценивая каждого человека так, как никогда не делала этого раньше. На каждом лице ей виделась неуловимая печать предательства. Особенно это относилось к знатым аристократам, которые могли воспользоваться военным кризисом для того, чтобы узурпировать трон. Принцесса изучала невероятно искренние глаза, фальшивые улыбки и сладкие голоса присутствующих и старалась как можно больше запомнить на будущее.

— Теперь я хочу обратиться к главному военному интенданту, — сказал король. — Мы должны возместить людские потери. В больших городах набор солдат должен проходить как обычно, но следует увеличить призыв из деревень и крупных усадеб. В будущем году мне особенно понадобятся солдаты из крестьян. Обязательно подчеркните, что служба будет недолгой — лишь до тех пор, пока не остановим нашествие варваров. У тех, кто вздумает сопротивляться, отобрать в пользу короля их земли.

— Сир! — в волнении воскликнул глава Казначейства и продолжил, даже не дождавшись разрешения говорить: — Но на какие средства будет содержаться и оплачиваться эта армия? Казна государства...

Жесткий взгляд короля заставил его умолкнуть.

— Мой дорогой лорд Хамас, я потерял на севере целую армию. Ты можешь начать с вычеркивания имен этих несчастных из королевских списков по оплате. Однако проследи, чтобы их семьям выплатили пособие по смерти. Можно ввести дополнительные налоги. Начни с Гильдии Купцов. Они больше других страдают от нашествия дикарей и жаждут их скорейшего уничтожения. Придется заплатить и тем, кто имеет собственность на севере страны. Хорошенько подумав, можно найти множество других источников доходов.

После того как Совет был распущен, Пашир остался вдвоем с дочерью, ожидая, пока рабы принесут закуски и напитки.

— Я думаю, теперь мы не упустили ничего,— заметил король.— Но ты что-то хочешь сказать, моя девочка?

— Отец, мы сделали еще далеко не все,— взволнованно произнесла Шазад.— Пока мы добились лишь того, что предотвратили немедленную панику. По-моему, ты совершаешь сейчас те же ошибки, что и этот идиот, Краша. Ты не понимаешь натуры варваров.

Пашир улыбнулся:

— Вовсе нет. И не стоит говорить так о несчастном Краша. В конце концов, ошибка была скорее моей. Он был моим подчиненным и погиб, храбро сражаясь на поле битвы. Ответственность же всегда лежит на правителях.

Принцесса резко опустила чашу с вином так, что оно выплеснулось на ее руку:

— Зачем ты привлекаешь для кампании следующего года крестьян? У нас есть пограничные форты и гарнизоны. Почему бы не собрать их силы? Мы сейчас не воюем с нашими соседями и можем не опасаться их вторжения. У тебя есть союзники, с которыми заключены договоры. Почему ты не хочешь обратиться к ним за помощью?

Король по-прежнему улыбался:

— Я вижу, что тебе еще многому нужно научиться в искусстве управления государством, дочь моя!

— Я как раз и стремлюсь к этому! — нетерпеливо воскликнула Шазад.— Если мне надо учиться, учи меня!

— Хорошо. Тогда слушай. Мои союзники — друзья только до тех пор, пока они пребывают в уверенности, что я сильнее их. Объединить-

ся с кем-либо для того, чтобы выступить против общего врага, довольно опасно. Приглашать на свою территорию чужую армию крайне рискованно. Во-первых, это покажет всем мою слабость. Узнав об этом, Чива и Омайя могут начать наступление на наши земли на северо-востоке и юге. Если мы снимем гарнизоны из приграничных крепостей, они уж точно так и поступят. Запомни, дочь: королевская армия состоит не из всего населения страны, а из тех людей, которых король выводит на поле боя. Те, кто охраняет границы, в расчет приниматься не должны. В этом заключается сила Гасама. Его армия невелика, но у него нет ни городов, ни границ, которые нуждаются в защите. Моя армия огромна, но только на бумаге, и меня окружают потенциальные враги, так что на поле брани я смогу вывести лишь треть своих солдат.

— Я как-то не думала об этом, отец,— вынуждена была согласиться с королем Шазад.— Прости, что я была груба с тобой, но мое волнение...

— Нет, дитя мое, твоя сила духа — как раз то, что мне сейчас требуется. Необходимо также, чтобы ты знала обо всем происходящем и проявляла должное терпение. Теперь об армии Гасама. То, что я сказал на Совете,— правда. У него нет осадного отряда с необходимыми орудиями, так что нам можно не бояться его здесь. Дикари не выступят ранее середины весны, потому что ранней весной Гасам будет занят переброской морем своих воинов с Островов. К тому времени я приму меры, чтобы эти морские пути были под кон-

тролем моих кораблей, так что, скорее всего, он потеряет большую часть транспортных судов. И я блокирую Флорию с моря.

— Это звучит прекрасно, отец. Но если ты не хочешь воспользоваться пограничными войсками, опасаясь нападения соседей, то неужели считаешь, что армия из необученных крестьянских сыновей, пусть она и будет огромной, окажется способной противостоять воинам Гасама?

— Конечно, нет. Я не собираюсь отказываться от помощи союзников. Но мне придется выбирать между Чивой и Омайей. Король Чивы охотно пришлет к нам свои войска, и я знаю, что он не будет серьезно задумываться о вторжении на нашу территорию. Однако прежде чем эти войска вернутся домой, они пройдут через наши южные провинции, и, вполне возможно, им придет в голову присоединить их к Чиве. Они уже в течение многих веков претендуют на эти земли и могут потребовать их как оплату за свою поддержку. Омайя же с радостью выступила бы против нас. Прежде чем до них дойдут вести о нашем поражении, мне будет нужно укрепить гарнизоны на ее границах.

— Чем же нам заняться в первую очередь, отец? — спросила принцесса.

— Я размышляю об этом с той самой минуты, как покинул поле битвы. Чаула! — позвал король, повысив голос.

Писец вышел из примыкающей к Залу Совета комнаты:

— Да, мой король?

— Принеси свои принадлежности для письма. Я продиктую тебе послание.

Через несколько мгновений Чаула вернулся с сумкой, откуда выложил на стол, за которым сидели король и его дочь, перья, чернильницу и листы бумаги.

— Я готов, сир.

— От Пашира, короля и главнокомандующего Навы,— королю Равнин Хаэлю...— медленно начал диктовать Пашир.

Глава пятая

С

ильный снегопад засыпал высокими сугробами землю вокруг длинного строения, однако внутри было тепло. Король Хаэль почти всю зиму проводил среди мэтва — народа, к которому принадлежала его жена. В большом помещении находились многочисленные члены семьи, несколько их друзей и домашние животные. В очаге весело потрескивал

огонь. Хаэль сидел у очага, а его маленькая дочурка прыгала у него на коленях.

Из всех обычаев своих подданных Хаэлю больше всего не нравилось, что мэтва все вместе жили в сравнительно небольших домах, и потому в помещениях было невероятно тесно и почти нечем дышать. На острове, где он родился, все имели хоть крошечный, но свой собственный уголок. Шасинны жили в маленьких хижинах и шалашах, большую часть времени проводя вне их стен, а в шалашах вообще только спали, укрывались от непогоды или занимались любовью. Мэтва обитали в местности с холодным климатом и, чтобы не замерзнуть и сохранить тепло, были вынуждены строить общие жилища. Несмотря на то что Хаэлю это было решительно не по вкусу, он не мог не признать определенную пользу такого образа жизни.

Король подбрасывал на коленях дочку и, развлекая ее, время от времени покрикивал и улюлюкал, не сомневаясь, что она его понимает и ее лепет выражает радость и удовольствие. Двое его сыновей играли на полу, ползая в ногах у взрослых. Мать жены короля отдавала распоряжения служанкам, а Афрам, его тесть, занимался починкой большого лука. Он никак не желал привыкать к сборным коротким лукам, придуманным Хаэлем.

— Дай мне ребенка, ты уморишь ее голодом.

Король Равнин послушно передал девочку королеве. Расстегнув пряжку на плече платья, она приложила крошечный ротик дочери к своей груди. Маленькая принцесса, вцепившись

губками в сосок, принялась громко чмокать. Хаэль, вытянув ноги, положил их на край очага, с восхищением наблюдая за королевой Диэной. После стольких лет борьбы и беспорядков он наслаждался часами, которые мог проводить в кругу семьи. Ради этого он готов был мириться с тем, что приходилось жить в тесных душных домах мэтва.

Вдруг у входа в дом раздался какой-то шум.
— Дорогу! Дорогу! — услышали они.

Вскоре перед королем предстали трое амси в кожаной одежде. Среди них был также человек, одетый в форму королевского гонца Навы.

— Мы обнаружили его в горах возле большого ущелья, полумертвого от холода.— Говоривший не был амси, он принадлежал к мэтва и проводил зиму на равнинах вместе с другими союзными племенами.

— У меня послание от короля Пашира к королю Хаэлю.— Гонец оглядел помещение.— Он здесь?

— Я Хаэль. Передай мне послание.

Человек взглянул на стройного молодого мужчину в яркой одежде из шерсти, потом на женщину, кормившую грудью ребенка. Похоже, его немало удивил их совсем некоролевский вид. Тем не менее гонец вложил в протянутую руку Хаэля небольшой медный цилиндр.

— Благодарю. Ты проделал трудный путь. Сейчас можешь отдохнуть и выпить вина. Скоро мы сядем за стол.

— Ты очень любезен,— ответил гонец, явно обескураженный столь неподобающим для властителя приемом.— Но я должен как можно скорее привезти королю Паширу твой ответ.

— Снова собираешься пересечь горы? — спросил Хаэль.

Мужчина пожал плечами:

— Именно это входит в обязанности королевского гонца.

Хаэль улыбнулся:

— Неплохой ответ. Я дам тебе одного из моих лучших кабо. Своего оставишь здесь, пусть восстановит силы. Кабо ведь не так выносливы, как люди, служащие королям.

Гонец оглянулся в поисках скамьи, на которую можно присесть. Родственники Хаэля со стороны жены, окружившие их, хранили молчание. Видимо, они хотели узнать, что написано в послании, но никто из них не владел грамотой, относя умение читать к одному из тех чудес, которые были доступны Хаэлю. Король сломал тяжелую печать и отвинтил крышечку медного цилиндра. Вытащив свиток, он развернул его, сломав еще одну печать из воска. Присутствующие внимательно наблюдали за его движениями, как будто он совершал неведомый им магический ритуал. Прочистив горло, Хаэль прочитал вслух:

«От Пашира, короля и главнокомандующего Навы,— королю Равнин Хаэлю. Я приветствую моего уважаемого дорогого брата, короля Хаэля».

— У него какие-то проблемы,— произнес Афрам.— До сих пор он никогда не обращался к тебе с таким уважением.— Имея своим зятем короля, старый военачальник мэтва считал себя большим знатоком в области дипломатии.

— Да тише ты,— перебила его жена,— пусть мальчик читает.

«Надеюсь, это послание застанет твои владения в благоденствии, дарованном богами. Пусть земли твои будут обширны, подданные — многочисленны, казна — наполнена, а войска — храбры и могущественны. Я надеюсь, что твои сыновья и твоя королева пребывают в здравии и благополучии. Пусть боги осенят твое королевство благословением так же, как и мое.

Я поступил необычным образом, послав к тебе гонца, не ожидая благоприятного сезона для путешествий, потому что в наших пределах возникла серьезная опасность. Мой главный писец Чаула, который пишет сейчас это послание, говорит, что сообщал тебе о пиратах с Островов, находящихся в море. До нынешнего года они лишь совершали набеги, и неприятности, которые они причиняли, не задевали нашей независимости. Но теперь все изменилось. Это значит, что все островные племена объединились под рукой выскочки и самозванца по имени Гасам, который называет себя теперь королем Островов».

Хаэль прервал чтение. Когда он встретился взглядом с Диэной, то увидел в ее глазах тревогу. Среди присутствующих только она понимала, о ком идет речь.

— Подайте мальчику вина,— распорядился Аффрам.— Чтение — очень утомительная работа.

Хаэль продолжил читать:

«В начале осени этого года пираты имели наглость захватить один из моих городов — Флорию. Его крепостные стены были разру-

шены временем, а гарнизон за долгие годы мира обленился от безделья. Разграбив Флорию, дикари не вернулись на свои Острова, а остались на материке, бросив тем самым вызов нашей королевской власти. Мало того, они еще совершают дерзкие набеги на окрестные земли.

Приняв вызов, мы спешно собрали небольшую армию и направили ее к северному побережью, чтобы покарать наглых бродяг и их самонадеянного вожака. Варвары превосходили нас численностью и оказались куда лучше организованы, чем ожидалось. Они отразили нападение нашей армии и вынудили нас вернуться в столицу, где мы готовимся теперь к следующей кампании.

Мы будем искренне признательны, если наш возлюбленный друг, король Хаэль, примет участие в этих действиях, командуя отрядами своих знаменитых всадников, стреляющих из луков, — теми людьми, что наводят на врагов смертельный ужас. Помимо помощи в разгроме отвратительных островитян это будет прекрасной возможностью для двух наших народов слиться в братском единстве, которое, как мы надеемся, вечно будет царить между нами.

Мы с нетерпением ожидаем твоего ответа, который, как мы уповаем, станет залогом реальной поддержки в этой нелегкой войне».

Хаэль свернул свиток. Поперек его высокого лба пролегла складка.

— Это все? — осведомился Афрам. — Неужели он действительно послал гонца через горы зимой только затем, чтобы доставить это послание?

— Я знаком с языком, который правители используют для составления подобных бумаг,— сказал Хаэль.— Все не так просто, как кажется. Если он пишет, что его войска отступили, это значит, что они потерпели полное поражение. Не так ли, гонец?

Тот в некотором замешательстве поднял глаза от чаши с вином:

— Отчего же... Я уверен, что мой король сказал то, что хотел сказать, господин. Во всяком случае, это не моего ума дело...

— Участвовал ли ты в битве? — прямо спросил Хаэль.

Помедлив, гонец ответил:

— Да, господин. Королевский корпус гонцов всегда сопровождает короля в его походах.

— Ты можешь говорить свободно,— заверил его Хаэль.— Не сомневаюсь, что король Пашир одобрил бы это. Он просит моей помощи, но не решается все сказать прямо, поскольку послание может попасть в руки его врагов. Расскажи мне, что произошло под Флорией. Я должен знать это, прежде чем решу, отдавать ли моим войскам приказ выступать в длительный и опасный поход.

Наванец заговорил более уверенно:

— Все было так, как ты предположил, господин. Армия короля не была особенно большой, но она вполне могла бы изгнать несколько кораблей с дикарями-пиратами. Однако все обернулось совсем по-другому.

— Говори подробнее.— Хаэль подал знак мальчику наполнить чашу гонца.— Опиши все с самого начала.

Гонец начал рассказывать о трудном переходе по раскисшим от дождей дорогам, о первой встрече с варварами, о переговорах, за которыми он наблюдал издалека, и, наконец, о закончившейся катастрофой битве и последовавшем за ней беспорядочном бегстве остатков наванской армии. В комнате, пока он говорил, царило молчание.

— Я был в свите короля и видел все с королевского наблюдательного пункта,— завершил свое повествование наванец.

— Ты слышал, о чем велась речь во время переговоров? — спросил Хаэль.

— Нет, но потом король и те, кто был с ним, кое-что рассказали нам. Они говорили, что военачальник варваров вел себя дерзко и был столь самонадеянно нагл, что предложил королю Паширу сдать ему не только армию, но и свое королевство!

— Похоже, кто-то посоветовал ему так поступить,— заметил Афрам.

— Король Пашир пошел настолько далеко, что попросил у нас поддержки. Это означает, что он хочет, чтобы мы выставили большие силы. Судя по словам этого храброго человека, кавалерия Пашира принесла мало пользы в том сражении и не стала для дикарей неожиданностью. Ни шасинны, ни асаса, ни другие народы пастухов-воинов не ужаснутся при виде животных, пусть даже и идущих под седлом. На Островах нет кабо, но все островитяне прекрасно знают, что животное отступит под ударами копий. И любой пастух, у которого едва обсохло молоко на губах, знает, что при бегстве единственное спасение в том, чтобы

держаться плечом к плечу, выставив вперед копья или хотя бы палки.

— Не удивительно, что он просит нашей помощи, — сказал один из сопровождавших гонца амси. — Это лучшая мысль, которая могла прийти в голову королю Паширу.

— Он хочет удивить их нашей новой тактикой ведения боя, — заметил Хаэль. — К весне Пашир соберет новую армию, но и Гасам получит подкрепление. Я знаю, что жители материка всегда недооценивали численность народов Островов и то, что большая их часть — племена воинов. Их основное оружие — копья. Гасам приучил своих воинов к железной дисциплине и четкому боевому построению. Шасинны всегда выставляли в центре боевого порядка опытных старших воинов, вокруг которых младшие воины образовывали фланги в виде изогнутых рогов. Против такого построения всадники бессильны. Однако Гасаму не пришлось сражаться против опытных стрелков. Наванцы пользуются слабыми луками, которые больше подходят для охоты, чем для войны. К тому же и им они не придают должного значения, считая, что это оружие подобает лишь наемникам низкого происхождения.

— И значит, король Навы считает тебя таким низкоророжденным наемником? — язвительно спросила Диэна.

Воин мэтва в одежде амси усмехнулся:

— Мы покажем наванцам, кто истинный аристократ на поле боя! — Остальные мэтва радостно и громко поддержали его слова.

— Что ты намереваешься сообщить в ответном послании? — осведомился Афрам.

— Сначала я соберу своих приближенных, — ответил Хаэль. — Военачальников, глав деревенских советов и старейшин племен, а также Беседующих с Духами.

— Но ты ведь не собираешься отправить свое войско в Наву сражаться с людьми, которые пока нас не трогают? — в ужасе воскликнула Диэна.

Воины амси были поражены — не столько речью королевы, сколько тем, что она осмелилась ее произнести. Среди народов Равнин женщины не имели слова на советах мужчин.

— Я должен сделать это, — сказал Хаэль. — Несколько лет назад мы установили свои границы и очистили наши земли от банд разбойников. Воины перестают быть воинами, если им время от времени не предоставляется возможность участвовать в сражениях. Кое-кто уже начал требовать, чтобы я отпустил их в наемники к правителям южных земель. До последнего времени мне удавалось отговорить моих воинов от этого, но дольше удерживать их я не в состоянии. Если я не позволю им отправиться на войну, они начнут сражаться друг с другом, как это было до того, как я объединил наши племена.

— Но Нава так далеко! — не отступала королева, перекладывая ребенка к другой груди.

— Наше войско состоит из всадников, — сказал Хаэль. — Мы можем выступить ранней весной, принять участие в кампании и вернуться сюда до конца лета. У нас нет ни пехоты, ни обозов, которые тормозят передвижение армии. И помимо всего прочего это укрепит наши отношения с королем Навы. Я поставлю

условием своего участия в войне высокую плату для своих воинов и выгодные условия торговли между нами. Мы утвердим себя среди других народов как нацию, с которой необходимо считаться.— При этих словах раздался одобрительный шум.

— Эта идея не кажется мне такой уж неразумной,— сказал Афрам.— Молодые воины, как правило, причиняют много беспокойства. Эта война пойдет им на пользу. Они не выполняют никакой работы, так что вряд ли кто-нибудь будет сожалеть об их отсутствии до осени. Конечно, мы стремились к миру и спокойствию, но все же без прежних заварушек иногда становится скучно!

Присутствующие встретили одобрением и это высказывание.

Позже, оставшись наедине с женой, Хаэль высказался более откровенно о причинах, склонивших его в пользу этого союза. Они лежали на широкой постели в помещении, имевшем отдельный вход. Хаэль настоял на том, чтобы им была выделена небольшая комната, и мэтва пошла ему навстречу. В глубине души они считали Хаэля пусть и благословенным духами, но все же безумцем, а безумство всегда почиталось среди этого народа. В крошечном очаге потрескивало пламя, в ногах кровати стояла колыбель, в которой посапывала их дочка. Сыновья спали в общем помещении вместе с дедом, бабкой и членами их семьи.

— Я так и знала, что ты поступаешь так не только ради интересов нашего народа,— с горечью сказала Диэна.— Причина — тот чело-

век, Гасам, твой молочный брат, которого ты по-прежнему ненавидишь. Ты соглашаешься только из-за него, признай это!

Хаэль не привык к столь пылким речам своей жены, которая обычно не высказывалась против его решений.

— Причины, которые я перечислил вечером, истинные, и все они более чем веские. Поверь, я бы поступил так, даже если бы вождем завоевателей был не Гасам, а другой человек. Я бы никогда не заставил своих молодых воинов участвовать в тяжелой длительной кампании, из которой далеко не все вернутся обратно, только для того, чтобы отомстить своему давнему врагу.

— Тогда почему? — спросила королева. В ее глазах блеснули слезы.

Скрестив пальцы на затылке, Хаэль устался на стропила, едва различимые в темноте. Казалось, он всматривается в свое прошлое.

— Я не могу ненавидеть Гасама за то, что он сделал со мной. Если бы я остался среди шасиннов, кем бы я сейчас был? Я никогда не мог стать в своем племени тем, кем хотел, — Беседующим с Духами. Сейчас я был бы старшим воином, как тысячи других. Имел бы нескольких каггов и, возможно, одну жену...

— Но не ту единственную женщину, которую ты тогда хотел, — заметила Диэна.

— Да, — не стал спорить Хаэль. — Гасам и ее забрал тоже. Хотя я в любом случае не смог бы обладать ею. К тому времени, когда мне было бы позволено жениться, она бы уже давно была замужем за более старшим, чем я, человеком.

Диэна вздохнула, прижавшись щекой к груди мужа, и он обнял ее за плечи.

— Пожалуй, я даже рада, что Гасам так поступил тогда с тобой...

— Я тоже. Что до меня, то из-за него я был изгнан из племени, переплыл великое море, увидел огромные города и сотни больших деревень. Я познакомился с мудрыми и могущественными людьми, которых никогда бы не увидел, сидя на своем родном острове. Благодаря предательству Гасама я нашел тебя, когда ты была при смерти, и сделал тебя своей. Я создал государство, стал королем и теперь окружен любовью и уважением моего народа, жены, сыновей, а теперь ты подарила мне и дочь. Как я могу после этого ненавидеть Гасама?

— Тогда почему? — повторила свой вопрос королева, и в голосе ее больше не слышалось вызова. — Гасам далеко от нас. Он не может угрожать ни тебе, ни нам.

— Потому, что Гасам — абсолютное зло, какого я не встречал более никогда на своем пути. Я знаю, что люди часто называют своих врагов злом, но обычно это означает, что они в чем-то принципиально не согласны или, наоборот, претендуют на одно и то же. Но Гасам — совершенно другое дело. С самого детства он пытался выдвинуться вперед, используя для этого других людей, унижая их или же просто уничтожая. Он искал имеющих власть и влияние и подчинял их себе. Старшие воины, старейшины и вожди поначалу относились к нему с подозрением, но затем неизбежно попадали под его влияние. Не удавалось ему ис-

пользовать в своих целях только старого Беседующего с Духами нашего племени, поскольку Гасам властью над духами не обладал.

Это может показаться тебе жалобами разочарованного мальчишки, но уверяю тебя, что дело в гораздо большем. Ты говоришь, что Гасам далеко, но на самом деле это не так. Посмотри, что он сделал, когда был далеко. Не имеющий друзей сын небогатой семьи, он стал командовать в общине младших воинов. С ранних лет он искал расположения старших, учился произносить убедительные прочувствованные речи у человека, славящегося своим красноречием, а умению держать себя и изяществу движений — у известного своим мастерством танцора. Гасам искал способы, с помощью которых он мог бы влиять на людей, он льстил им, учился у них и их же использовал. Через год после того, как мы были посвящены в звание младших воинов, к нему относились так, будто он старший воин.

— И тем не менее он далеко! — не сдавалась Диэна.

— Нет! Смотри: каким-то образом он стал хозяином нашего острова. Тогда, казалось, он был далеко от других островов. Но он пришел на другой остров и завоевал его, потом еще на один, а потом объединил их под своей властью. Будучи королем Островов, он был далеко от материка. Но сейчас он пришел на материк и утвердился на нем, разгромив войско самого могущественного из западных королей. Ты понимаешь? Везде, где бы он ни появился, он покоряет и подчи-

няет себе людей. Если Гасама не остановить, скоро он будет править Навой. Потом — Чивой и Омайей, потом — южными королевствами. Пройдет не так много времени, и он окажется у наших границ, причем обладая такой силой, что мы не сможем ей противостоять. Он никогда не уничтожает своих врагов полностью, он просто лишает их самостоятельности и заставляет подчиняться себе.

— Гасам — это ты, — медленно произнесла королева. — Гасам — ты, отраженный в темном зеркале.

Хаэль помолчал.

— В том, что ты сказала, есть доля истины. Но существует еще одна причина. Я должен встретиться с Гасамом лицом к лицу, и тот из нас, кто победит, будет решать, станет ли мир, который мы знаем, миром любви и спокойствия или же он превратится в черный кошмар, где душами людей овладеет зло.

На следующий день Хаэль сидел у окна, наслаждаясь редким теплом зимнего солнца. На складном столике перед ним были разложены инструменты для письма и свиток великолепной бумаги, которую выдывали на юге. Он уже разослал гонцов, чтобы собрать своих приближенных. Сейчас король собирался ответить на просьбу Пашира. Обмакнув тростниковое перо в чернила из ламповой сажи, он начал:

«Мой почтенный друг, король Пашир!

Поскольку я сам выступаю в роли собственного писца — у меня нет человека, который бы владел этим искусством столь великолепно, как наш друг Чаула, — то мне придется обой-

тись без присущего ему изящества стиля и приемов, подобающих переписке двух монархов. Не думай, что от этого станет меньше уважение, которое, смею заверить, я к тебя испытываю.

С величайшей тревогой прочитал я твое сообщение о вторжении Гасам. Ты, наверное, не будешь спорить, что это именно вторжение. Я хорошо знаю этого человека — он не просто пришелец-захватчик, но безумец, который не остановится до тех пор, пока у его ног не будет лежать весь мир. Его нужно остановить раньше, чем он по-настоящему укрепится на материке.

Я доволен тем, что ты обратился ко мне за помощью. Такая многочисленная, обученная и дисциплинированная армия, как твоя, не может, по моему мнению, победить воинов с Островов в открытом поле. Думаю, ты и сам уже понял это. Против регулярных армий цивилизованных стран беспорядочная толпа недисциплинированного сброда беспомощна, но отвага этих воинов велика. Если совместить великолепное, воспитанное с детства воинское мастерство с организованностью, что и сделал Гасам, то появляется могущественная сила, вовсе не зависящая от того, сколько бойцов участвует в битве. До тех пор пока я не присоединюсь к тебе, держи свои войска в фортах и крепостях. Там они будут в безопасности, поскольку у островитян нет ни орудий для осады, ни опыта ее ведения.

Я созвал совет военачальников, чтобы они поддержали мое решение участвовать в этой кампании. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них

выступил против моей воли. Мои молодые воины жаждут настоящего дела, а наши земли сейчас в безопасности. Обсуждение условий нашего союза может подождать до того времени, когда я прибуду в твою столицу. Но ты, конечно, понимаешь, что мои воины должны вернуться на родину с богатой добычей. В противном случае вожди подчиненных мне племен не согласятся в следующий раз на подобный союз.

Я могу обещать, что выставлю по меньшей мере пять тысяч верховых лучников. Возможно, ты не сочтешь это такой уж большой силой, но поверь, польза, приносимая ими на поле битвы, несоизмерима с их численностью.

Мы соберемся и выступим в поход так скоро, как это будет возможно. От тебя я прошу следующего: подготовь подробные карты и письма к правителям тех земель, через которые я буду проходить, и разошли королевских гонцов. Меня интересуют два маршрута: северный путь через Омайю, вдоль прибрежного торгового пути, и южный, поскольку перевалы в это время года закрыты снегами. Письма к правителям необходимы, чтобы обеспечить безопасность моих людей и благоприятное к нам отношение. Я знаю, что Чаула имеет подробнейшее описание земель, которые будут лежать на нашем пути, и это может оказаться очень ценным для нас.

Я отсылаю это послание с тем гонцом, что доставил мне твое письмо. Будь уверен в моей поддержке, и я так скоро, как смогу, прибуду со своими лучниками. И еще раз — не считй это за назойливость — напоминаю: не предпри-

нимай открытых выступлений против Гасама, пока мы не объединим наши силы.

Твой преданный друг, король Равнинных Земель Хаэль».

Он свернул бумагу в свиток и скрепил его своей печатью. Возможно, подумалось Хаэлю, тон письма оказался слишком резким. Он даже не попытался пощадить королевскую гордость Пашира. Что ж, дипломатические уловки старых цивилизованных королевств были ему чужды. Они и в лучшие-то времена звучали на редкость фальшиво, а в устах такого человека, как он, Хаэль, показались бы просто-напросто издевкой. Он положил свиток в цилиндр и позвал гонца.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы доставить послание в Касин? — спросил он, вручая письмо наванцу.

— Все зависит от погоды и воли богов, но самое меньшее — две недели.

— Это довольно быстро. Когда я много лет назад прибыл сюда с караваном, путь занял у нас несколько месяцев.

— Как только перевалю через горы, я окажусь в Омае. Оба короля устроили на своих основных трактах станции, где держат конюшни со свежими скакунами. Поэтому в Омае я смогу менять кабо через каждую лигу. Когда скачешь на перекладных, земля горит у тебя под ногами.

Хаэль кивнул:

— Я также собираюсь устроить такие станции вдоль всех главных дорог своего королевства. Мне нравится идея быстрого сообщения. Надеюсь, обратная дорога, особенно в послед-

ней ее части, покажется тебе более приятной, чем путь сюда.— Он крепко пожал руку гонца.— Да благословят духи твой путь, и пусть дорога перед тобой будет чистой.

* * *

У подножия холмов на границе со степью был разбит лагерь, в котором остановились члены Совета Приближенных. Эта местность представляла собой нечто среднее между холмами и лугами, поэтому вожди амси и мэтва чувствовали себя на ней одинаково удобно. Здесь находилось одно из многих хозяйств Хаэля, где его люди объезжали и дрессировали кабо, а также занимались скрещиванием животных, пытаясь вывести как можно более быстрых, сильных и выносливых особей. Для мэтва в лагере были поставлены бараки, а амси привозили с собой собственные палатки. Совет решено было провести на открытом воздухе, хотя на всякий случай подготовили и вычистили самое большое хозяйственное строение.

Приближенные Хаэля начали прибывать примерно через пять дней после того, как король разослал известие о Совете. Вожди собирались в течение всей следующей недели. Хаэль устраивал каждый день пиры, на которых были игры и состязания, музыка и танцы. Люди обоих племен каждое утро отправлялись в горы на охоту. Настроение в эту неделю было скорее праздничным, чем деловым. Кроме представителей двух больших народов собрались также люди из менее крупных племен, что обитали на окраинах Равнинных Зе-

мель. Вечером того дня, когда прибыл последний приглашенный, Хаэль собрал Совет.

Сидя на земле вокруг огромного костра, приближенные Хаэля и их воины шутили, обсуждая весело проведенные дни отдыха, так кстати пришедшиеся на это довольно скучное время года. Прибывшие чуть позже испытывали некоторую зависть, однако Хаэль преподнес им щедрые подарки — ткани с яркими орнаментами, прекрасное оружие и чистокровных кабо. Беседующие с Духами выглядели более серьезными и торжественными, чем военачальники и старейшины, но и они одобрили праздник, который устроил король. Снискав их уважение, Хаэль преодолел последнее препятствие. Теперь для своего народа он был и правителем, и военачальником, и Беседующим с Духами — то есть обладал всеми видами возможной власти.

Хаэль не походил на монархов давно обжитых оседлых земель. У людей, которыми он правил, не существовало династических традиций. У них вообще не было никаких представлений о королевской власти. В деревнях, в которых жили мэтва, существовала наследственная власть вождя, однако родословной не придавали большого значения, а любой вождь мог быть отстранен, если оказывался неспособным управлять племенем. На его место всеобщим голосованием назначался другой. У племени амси мужчины с юности утверждали себя в качестве воинов. Самые способные и мудрые становились военачальниками. Беседующие с Духами выбирались с детства, их обучали искусству общения

с духами, и ничем другим они уже не занимались.

Хаэль пришел издалека и стал вождем этих людей, которые сочли его героем, о котором упоминалось в их старинных легендах. Этот герой, по предсказанию, должен был привести племена к новому величию. И несмотря на то что его власть была властью короля, он всегда, принимая важное решение, считался с мнением старейшин. Те редко оспаривали его решения, за исключением тех случаев, когда хотели напомнить о своем положении, но Хаэль знал, что они в любой миг могут заупрямиться, если почувствуют, что их слова не принимают во внимание.

После традиционной приветственной речи Хаэль объявил о причине, по которой они собрались. Старейшины воздержались от бурного одобрения, хотя Хаэль видел, как загорелись глаза младших воинов, когда он упомянул о добыче, которую они могли бы принести в свои дома.

Затем каждый из приглашенных произнес свою речь. Ни один из выступавших не высказался против похода в Наву. Они любили воевать, и мир, который установился на их землях с приходом Хаэля, казался им неестественным. К тому же они справедливо опасались, что молодые без участия в битвах не смогут стать настоящими воинами. Поэтому все обрадовались неожиданно представившейся возможности, тем более что она обещала крупную добычу. Ни один из приглашенных не предположил, что Хаэль может собрать военный поход для того, чтобы отомстить

своему давнему сопернику. В этом не было ничего странного — то, о чем им сообщили, было прекрасным поводом для вступления в эту войну. Также ни один человек не высказался против укрепления отношений с Навой. Правда, пока они лишь посмеивались при мысли, что, возможно, когда-нибудь будут нуждаться в помощи наванского монарха, однако всем без исключения были по вкусу товары, привозимые чужеземными торговцами.

Когда основная часть Совета завершилась и мужчины принялись возбужденно обсуждать между собой предстоящий поход, к Хаэлю подошел старый Беседующий с Духами Нарайя, который первым поддержал молодого короля на этой земле, первым увидел, что тот отмечен духами.

— Я чувствую, что грядет нечто страшное, — возвестил он. — Уже много лун я ощущаю необычайную активность духов. Похоже, сама земля знает о том, что ты уходишь.

— Но я скоро вернусь, — заверил его Хаэль.

— Я знаю. Тот, кто предречен нам, должен сделать наши народы великими, и это в любом случае значит больше, чем простое объединение племен. Но если ты остановишься на этом, то после твоей смерти союз племен распадется. Все вернутся к тому образу жизни, который мы вели до твоего прихода. Нет, твой удел гораздо более значителен, и этот поход — часть твоей судьбы.

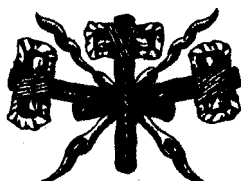
Хаэль, размышляя, задумчиво смотрел в огонь.

— Сейчас я не единственный человек, который может определить судьбу материка.

— Другим ты считаешь Гасама? — спросил Нарайя.

— Во всяком случае, он думает именно так. Старый Беседующий с Духами нашего племени Тэйта Мал говорил в свое время, что не видит в Гасама ничего духовного, и считал его бездонным вместилищем зла. Тогда Гасам был неопытным юнцом. Подумай, каким он стал сейчас.

Глава шестая

К

ороль Гасам прогуливался в обществе моряка из Навы. Его телохранители, вооруженные длинными копьями, следовали за ними на почтительном расстоянии. Аккуратно вымощенная улица, ограниченная с двух сторон канавами-водостоками и каменными вазонами, сбегала, извиваясь, с высокого холма, на котором стояла резиденция короля.

Накануне ночью город потрепал сильный шторм. Вода до сих пор стекала с черепичных крыш аккуратно побеленных домиков. Воздух был прохладным и свежим, хотя в этих краях никогда не знали настоящих холодов.

— Судно находится не в очень хорошем состоянии, хозяин,— сказал моряк,— но ты сразу же поймешь, каковы его возможности.

— Это как раз то, что мне нужно,— ответил Гасам.— Знание! Я всегда одерживал победы на суше, но у меня нет опыта сражений на море.

Они свернули на широкую эспланаду, тянувшуюся вдоль линии берега вплоть до самой гавани. У причалов все еще стояли несколько кораблей, которые были там в день нападения на Флорию. Теперь рядом с ними находились и те суда, на которых прибыли воины Гасама. Когда мощеная дорога сменилась гранитным основанием порта, спутники направились к длинному строению, внутри которого стояло поврежденное судно. Нос корабля украшал обшитый бронзой таран. Обломки разбитого руля валялись рядом с кормой.

— Это старая посудина,— объяснил моряк.— Должно быть, ее оставили здесь, когда флот Навы переместился на юг. Корабль нуждался в ремонте, однако, как ты понимаешь, после того как твои люди играючи справились с крепостной стеной, стало совсем не до этого.

Гасам взобрался по импровизированным сходням на палубу судна.

— Каковы возможности этого корабля? — спросил король у следовавшего за ним по пятам моряка.

— Паруса пригодны лишь для плавания при попутном ветре. Однако весельная оснастка позволяет хорошо маневрировать в бою. При сближении с противником используют таран. Если курс выбран правильно, участь вражеского корабля предрешена, но только когда волны не слишком сильные. Как ты видишь, на палубе установлены корабельные метательные орудия — катапульты. Их применяют на значительном расстоянии от кораблей противника, так как для снарядов берут различные горючие смеси, которые горят и на воде. Сам понимаешь, даже если стреляющий промахнется, вражескому кораблю все равно грозит серьезная опасность.

— Неужели при морских битвах не дерутся в рукопашной? — заинтересованно спросил король.

— Ею чаще всего заканчивается битва, — ответил моряк. — Сначала врага обстреливают из катапульт.

— Да, я видел похожие орудия на городских стенах, — кивнул Гасам.

— Когда корабли сближаются, метатели осыпают противника градом снарядов, — продолжал его спутник. — Отверстия, которые ты видишь вдоль борта, позволяют укреплять в них щиты для защиты гребцов. На больших судах гребцы находятся под верхней палубой. Когда корабли достаточно близко подойдут друг к другу, выбрасываются специальные крючья, чтобы взять судно противника на абордаж. На корабль неприятеля следует нападать с кормы, потому что это наиболее незащищенная часть судна. В том случае, если нападение отбито,

можно, отступая, сломать рулевое управление, чтобы враг не смог вас преследовать.

Гасам кивал, тщательно, как и всегда, вникая в подробности всего нового, что было связано с воинским искусством.

— Сколько воинов может поместиться на этом корабле?

— Это зависит от многого. Обычно корабль таких размеров вмещает два десятка тяжело-вооруженных солдат. При abordage они идут в атаку первыми. Коли возникнет необходимость, гребцы могут заменить легковооруженных солдат. У них есть щиты, топоры и кинжалы. Однако напомним, что это небольшое судно. Настоящие крупные корабли могут вместить до двух сотен воинов, да еще три или четыре сотни гребцов. Если же база недалеко от места сражения или армия следует за кораблями по берегу, к началу битвы судно берет на борт столько человек, сколько может выдержать.

— Хорошо, пока мне все ясно. Теперь скажи мне вот что. Ты знаешь, что у меня нет настоящего флота, кроме кораблей, которые переправили с Островов моих воинов. Как ты думаешь, король Навы будет использовать против меня флот?

Моряк ненадолго задумался:

— У Пашира есть такая возможность. Он может доставить свои войска прямо в эту гавань. Для этого, как мне кажется, он попросит корабли у властителя Чивы.

— Почему именно у него? — быстро спросил Гасам.

— В чиванском флоте есть несколько катамаранов — огромных двухкорпусных галеонов.

Это настоящие монстры, способные перевозить тысячи воинов. Их будет вполне достаточно, чтобы захватить этот порт. Они пошлют галеоны вперед, поставят вдоль причалов и спустят с них сходни. Как только первые воины окажутся на берегу, прочие наванские суда смогут пришвартоваться к приставшим ранее, и воины переберутся с них на сушу по палубам. Я видел такой маневр.

— Раз они воюют подобным образом,— заметил король,— то должны также знать, как обороняться от такого нападения. Что можно предпринять в этом случае?

— Во-первых, можно перекрыть подходы к причалам, мой господин. Для этого пользуются цепями или заостренными бревнами, сооружая из них преграды для судов. В каждом морском городе, кстати, должен быть чиновник, ведающий обороной порта. Если он остался в здесь, то мог бы объяснить основные принципы защиты гавани. Если нет, имеет смысл поискать, чем они пользовались для этой цели.

— Ты хорошо знаешь дело! — улыбнулся Гасам.— Я дам тебе в помощь несколько человек — обыщите порт и найдите все необходимое для защиты от атаки с моря. Когда обнаружишь что-нибудь подходящее, немедленно сообщи мне.

Моряк отдал честь:

— Будет исполнено, мой господин!

Гасам усмехнулся. К его сожалению, этот человек был одним из немногих наванцев, поступивших на службу к завоевателям.

— Продолжай честно служить мне. Скоро я начну строить свой собственный флот, и

мне потребуются опытные люди. Те из них, что проявят себя с лучшей стороны, смогут попасть в высшие круги.— Судя по выражению лица моряка, король понял, что попал в цель: тот был тщеславен, хотя старательно скрывал это.— Ты упоминал и о других способах защиты. Расскажи о них подробнее.

— Пашир может использовать гигантские галеоны, чтобы переправить солдат и высадить на берег недалеко от города. Думаю, теперь он знает, что с тобой лучше не встречаться в открытом поле. Но он может попробовать осадить Флорию. У него в армии есть специалисты по подрывным работам и подкопщики...

— Подкопщики? — переспросил король.

— Это люди, которые работают под землей. Они прорывают тоннели под стенами, по которым можно ворваться в город.

Слышавшие его слова шасинны из свиты короля рассмеялись:

— Никогда не встречали людей, которые копаются в земле, словно рогахи-копатели!

Король тоже улыбнулся:

— Пожалуй, стоит подпустить их к стенам, чтобы полюбоваться на столь необычное зрелище. Впрочем, нет, я никогда не подпущу людей Пашира к этому городу. Я установлю посты по всем направлениям на много дней пути отсюда. Это позволит мне обнаружить его армию задолго до того, как он подойдет достаточно близко.

— Теперь, когда Пашир убедился, что на суше ты непобедим, он вряд ли предпримет такую попытку,— сказал моряк.— Я лишь предполагаю, что такая возможность существует.

ствует. Скорее всего, он изберет морскую блокаду. Любой идущий тебе на помощь корабль будет захвачен или потоплен его эскадрой, которая перекроет фарватер. Такая стратегия на долгие месяцы может закрыть гавань.

— Какова скорость военных кораблей? — неожиданно поинтересовался Гасам.

— Хм-м, это не так-то легко объяснить... При безветрии они идут на веслах довольно быстро, под парусами же — значительно медленнее. Однако если грамотно использовать парусную оснастку и силу гребцов одновременно...

— У меня появилась идея получше... — Король задумался. — Пожалуй, я дам тебе другое задание, моряк. Я хочу, чтобы этот корабль был восстановлен и подготовлен к плаванию в течение ближайшей недели. Даю тебе все полномочия для того, чтобы использовать столько людей и необходимых материалов, сколько понадобится. Гребцов ты найдешь среди моряков, которые без дела болтаются в гавани. Сможешь все это сделать?

— Почему бы и нет, мой господин? Но я должен предупредить тебя...

— Предупредить? О чем?

— Не думаю, что это небольшое потрепанное судно сможет составить основу твоего флота.

Гасам расхохотался. Его смех зазвучал резко и угрожающе, хотя при этом он дружески похлопал моряка по плечу.

— Ничего не бойся. Я не собираюсь выступать против флота Навы на этом несчастном

маленьком суденышке. Приведи его в готовность и поставь на воду. Потом получишь дальнейшие указания. И проследи, чтобы были найдены защитные приспособления, о которых ты говорил.

— Как прикажешь, мой господин,— четко произнес моряк, отдавая честь.

Позже, вернувшись во дворец, Гасам рассказал о своем замысле Лариссе. Королева лежала на кушетке, поблизости вертелись ее прислужницы. Опочивальня была переделана в соответствии со вкусами Лариссы, а со стороны внутреннего дворика резиденции доносились звуки нового строительства. По комнате расхаживала дрессированная птица. Остановившись, она эффектно распустила роскошный веер изумрудно-зеленых и алых перьев. Это создание величественно поводило великолепным ярким хвостом и поглядывало на присутствующих с такой уморительной важностью, что королева не могла сдержать улыбки.

— У здешних аристократов в домах было полно всяких дрессированных животных, птиц и каких-то совершенно невероятных чудищ. Они держали у себя даже крошечных существ из древесного народца. Их ценили за симпатичную наружность и потешные ужимки,— пояснила Ларисса.

Король погладил ее по спине:

— Богатство привело их к вырождению. Такие люди не способны придумать оригинальные развлечения.

Когда-то в юности Гасам считал, что богатство олицетворяет обладание каггами или дру-

гим скотом. Теперь он знал, что правителю гораздо важнее иметь собственный флот.

— Думаю, ты прав насчет кораблей,— сказала Ларисса.— Конечно, мы проверим его слова, но я уверена, что твой моряк говорит правду. Мои шпионы донесли, что Пашир несколько раз встречался с послами Чивы. Это уже не похоже на обычный обмен любезностями между двумя дружественными государствами.

Королева постепенно вживалась в свою новую роль руководителя тайной службы Гасама. Впервые она могла активно участвовать в делах своего мужа.

— А что Омайя? — спросил Гасам.

— Там ничего подобного не происходит. Видимо, отношения Навы с этим государством более чем натянутые. Король Омайи Оланд с удовольствием прибрал бы к рукам кое-какие граничащие с его страной наванские земли. Он в любой момент может заявить, что Пашир — узурпатор, незаконно занявший трон. Это сразу же уничтожит все прежние договоры Омайи с прежним королем Навы.

Гасам попытался представить, как расположены эти королевства.

— Какие еще страны, кроме Чивы и Омайи, граничат с Навой?

Он так и не научился разбираться в географических картах, а удержать все сведения в памяти было сложно.

Королева взглянула на миниатюрную рабыню:

— Что скажешь, Дэниаз?

Положив руки на бедра и опустив глаза, Дэниаз стояла в той позе, которую всегда

принимала, когда появлялся король. Ее шею охватывал медный ошейник рабыни.

— Омаяя находится на северо-востоке, — произнесла Дэниаз. — Чива — на юге и юго-востоке от Навы. Между этими двумя государствами лежит плохо изученная территория, которая называется Зона. На нее не претендует ни одно королевство. Местные жители имеют странное обличье. Они живут обособленно в своих деревнях и не общаются друг с другом. В Зоне существует горная местность, Каньон. Людей, которые там обитают, считают колдунами. Земли эти практически бесплодны, хотя через них протекает большая река Коль.

— Надо же, колдуны... — усмехнулся Гасам. — С этим надо будет разобраться. А что лежит к северу от этого места?

— На север от Флории... О, прости, мой господин, я хотела сказать — от Города Победы... — король Гасам переименовал захваченный им город, — становится все меньше поселений. Четкой границы, обозначающей пределы владений Навы, не существует. Народы северных земель — примитивные охотники и скотоводы. Они не представляют угрозы цивилизованным государствам, поэтому на тех рубежах Навы не построено даже пограничных крепостей. Я могу показать на карте... — Это был тонко рассчитанный и безошибочно попавший в цель укол, напомнивший, что король не умеет ни читать, ни разбираться в географических картах.

— Я не нуждаюсь в намалеванных какими-то идиотами картинках! — резко перебил ее

Гасам.— Они бесполезны! Зато я знаю земли, по которым прошел со своим войском!

— Расскажи нам о бесплодных пустынях.— Ларисса попыталась увести разговор от предмета, так раздражавшего короля.

— Я никогда там не бывала, только слышала, что они существуют,— сказала рабыня.— Это иссушенная солнцем местность, где крайне редко выпадают дожди. Люди живут вдоль русла реки или в оазисах — немногочисленных плодородных островках среди пустыни. К пришельцам там относятся крайне враждебно. На этих землях властвует человек, которого одни называют королем, другие же считают колдуном и магом. Никто не знает, откуда он взялся и сколько лет правит Пустынными Землями. Ходят слухи, что он живет на свете уже не одну сотню лет. В любом случае эту местность невозможно как-либо использовать: помимо оазисов там можно найти только камни и песок. Кроме того, там полно опасных диких зверей и еще каких-то жутких созданий, которых не встретишь ни в каком другом месте. В королевском зверинце Касина показывали пустынную змею — это было чудище длиной в два десятка шагов и толщиной с тело взрослого человека. Тварь из пустыни выглядела вялой и ко всему безразличной, но раз в месяц в ее клетку помещали кагга, и она заглатывала его целиком.

— Не очень-то привлекательное место,— заметил король,— но я буду хозяином и там. А вся эта магия...— Он задумался.— Об этом я должен узнать подробнее. Моя королева, пусть

твои шпионы соберут побольше сведений об этих землях, об их правителе, верованиях — в общем, обо всем, что удастся разведать. Если, конечно, эта земля существует на самом деле.

— Я немедленно отдам приказание, — заверила его Ларисса. — Ты видишь во всем этом какую-то угрозу?

Гасам хмыкнул:

— Не знаю даже, угрозу или что-то полезное. Поэтому необходимо узнать о ней как можно больше. Пока я не уничтожил на Островах всех бездельников, именующих себя Беседующими с Духами, они заморочили людей до такой степени, что те искренне верили, будто занудные завывания этих старых обезьян обладают магической силой.

— Но, — возразила королева, — ведь мы встречались со случаями истинных проявлений магии.

Король кивнул:

— Да, но это были всего лишь маленькие чудеса. Охотники, обитающие на холмах Гэйла, владеют магией огня и магией диких животных. Но я никогда не видел, чтобы магия давала всеобъемлющую власть над другими людьми. Хотя...

— Ты веришь, что такая магия существует? — спросила Ларисса.

— Я поверю чему угодно, лишь бы это увеличило мою силу, — усмехнулся Гасам.

* * *

Король Гасам с восхищением наблюдал за маневрами военного корабля в маленькой гавани Города Победы. Вместе с королевой он

сидел на складном кресле на краю длинного пирса. В честь их появления пирс был убран дорогими тканями и цветами из оранжереи, принадлежавшей ранее храму богини цветов. День был яркий, солнечный и на удивление безоблачный, хотя все признаки указывали, что скоро начнется сильный шторм. Впрочем, такое нередко случалось в это время года.

Позади королевской четы и на других каменных причалах собралась огромная толпа народа. По виду людей можно было легко определить, как изменился облик города при новом правителе. Здесь было множество шасинов и женщин-островитянок, присоединившихся к своим мужьям. Местное население тоже выглядело не так, как раньше. Многие рабы теперь получили свободу и служили новым хозяевам, пытаясь во всем подражать пришельцам. Мужчины отращивали длинные, как у шасинов, волосы, а женщины, носившие прежде вычурные, украшенные многочисленными драпировками и складками одежды, одевались теперь на манер островитянок в простые платья и накидывали на плечи шаль. Кое-кто из них пытался подражать облику королевы и ее приближенных, почти ничем не прикрывающих свои великолепные фигуры, однако далеко не все выглядели так же привлекательно, как они.

Моряк, которого звали Хальба, наблюдал за своими гребцами, в чьи обязанности входило развивать у судна большую скорость, в такт, без единого всплеска, погружая весла, поднимая их над поверхностью воды, когда кораблю предстояло замедлить ход, и резко опуская их вниз, чтобы судно остановилось.

По сигналу Гасама четыре большие лодки отделились от причала и устремились в гавань. Каждая из них была примерно в шесть раз меньше галеры и имела по пятерке гребцов с каждого борта. Галера стала их преследовать. Обладая превосходящим числом весел, она могла двигаться намного быстрее, но каждый раз, когда судно подходило к одной из лодок, та ускользала, резко меняя направление или разворачиваясь. Для того чтобы не упустить лодку, галере приходилось замедлять ход, теряя таким образом драгоценное время.

— Я так и думал,— заметил Гасам.— Военное судно движется быстро, но менее маневренно.

— Эти лодки смогут опередить корабль, если на их борту будет меньше человек,— сказала королева.

— Люди находятся там, чтобы изображать воинов, которых нам необходимо доставить с Островов в следующем году,— ответил король.— Я должен быть уверен, что они смогут пробиться через блокаду. К тому же большие корабли менее подвижны, чем эта галера.

— А не захочет ли противник также использовать небольшие суда? — спросила Ларисса.

— К тому времени, когда они додумаются до этого, большинство моих воинов уже окажется на материке. А к следующему году я буду иметь флот, достаточно сильный для того, чтобы предотвратить нападение противника с моря. Теперь взгляни на это.— Гасам подал знак, и высокий воин взмахнул длинным красным флажком.

По этому сигналу лодки развернулись и атаковали галеру. Каждая пыталась занять наиболее выгодную позицию у кормы корабля, но действовали они разобщенно. Толпа с берега радостно приветствовала появление на палубе захваченного корабля первых воинов. Они были вооружены бутафорским оружием — тупыми копьями, дубинками и булавами. С палубы корабля в нападающих полетели тупые стрелы. Оружие обеих сторон было помечено оставляющими следы красками, чтобы после окончания учебного боя можно было определить, чье оружие оставило больше всего отметин. За этим наблюдали находящиеся на судне опытные воины.

— Неплохая возможность поразмяться, — усмехнулся король. — Лодки действуют достаточно умело, но им еще предстоит научиться лучше согласовывать свои действия. — Гасам, как и все наблюдающие за учебным боем зрители, от души захохотал, когда высокий воин свалился с борта и, беспорядочно хлопая по воде руками, пытался удержаться на ее поверхности.

— Им необходимы меньшие по размеру щиты, мой король, — предположил вождь асаса, который стоял позади Гасама. — Большие щиты мешают передвигаться по палубе.

— Нет, — возразил другой командир. — Щиты такого размера лучше подойдут для защиты от стрел и камней. Но те, кто пойдет в атаку, могут сменить свои щиты на меньшие.

— Каждый из вас прав, — выслушав обоих, заметил король. — И еще нам потребуется очень много коротких мечей. Смотрите, воины мо-

гут использовать копья, только находясь в лодках. На борту корабля они бесполезны.

Ларисса позволила себе на некоторое время расслабиться. Мужчинам свойственно с увлечением обсуждать мельчайшие подробности сражений. Сейчас они забавляются, словно мальчишки, но в настоящем бою все куда серьезнее. Он будет жестоким и кровавым.

В течение месяцев королева слушала рассказы Дэниаз о великолепии королевских дворов. Члены королевских семей и высшая аристократия жили в свое удовольствие, посвящая время развлечениям и интригам. Гасам считал, что они пришли к вырождению, но ей, Лариссе, это не казалось таким уж непривлекательным. Какой смысл завоевывать мир, если не пользоваться плодами этих побед? Суровой жизнью можно было вдоволь насладиться и в военных лагерях шасиннов!

Гасам любит власть ради власти. А она — ради тех удовольствий, которые может дать эта власть. Конечно, властвовать, возвышаясь над остальными, приятно само по себе, но, на ее взгляд, этого явно недостаточно. Люди ползают у ее ног, но дамы при королевских дворах развлекаются куда более изысканно. Дэниаз рассказывала о некоторых таких развлечениях: наркотиках, усиливающих ощущение наслаждения, и различных любовных играх, о которых понятия не имели на Островах. Но больше всего королеву привлекали интриги. Ни одна женщина ее народа не достигла такого, как она, положения, но этим она целиком была обязана Гасаму. И когда островитяне чествовали ее, они просто выказыва-

ли одобрение выбору короля. На самом деле они уважали только силу и воинское мастерство. Но, используя хитросплетение интриг, она могла добиться истинной власти.

Несколько недель назад Дэниаз заметила, что королеву, возможно, развлекла бы переписка с некоторыми придворными дамами Навы, а также Омайи и Чивы. Лариссу удивило это предложение. Ведь ее муж воюет с Паширом!

Дэниаз рассмеялась в ответ на недоумение Лариссы — она позволяла себе это, оставаясь с королевой с глазу на глаз.

— Но, госпожа, никто даже не задумается над этим! Война — дело мужчин, и вряд ли они станут обращать внимание на отношения между благородными дамами. Когда войны заканчиваются, победители и побежденные часто стараются закрепить новые отношения, устраивая браки между своими детьми.

Ларисса коснулась волос женщины, дивясь причудливым мыслям, рождающимся в этой головке. Подавляя желание испробовать на прочность роскошные черные пряди, она решила воспользоваться еще одним способом шпионажа, в порыве преданности рекомендованном Дениаз:

— И кому же, ты считаешь, я должна написать письмо при дворе Пашира?

— Прежде всего — моей кузине, принцессе Шазад. Она единственная, кто равен тебе по положению в Наве. К тому же она очень умна. Шазад понимает, что ее отец уже стар. Он проиграл Гасаму очень важную битву. Я не удивлюсь, если принцесса уже предпринимает

кое-какие действия, чтобы установить отношения между вами.

Королева прекрасно знала, как может повести себя ее муж, поэтому она спросила у Гасама разрешения на такую переписку.

— Как хочешь, — пожал плечами король. — Все равно скоро эта Шазад станет твоей рабыней, так что вреда в том, что ты получишь ее узнаешь, я не вижу. Как ты думаешь, какую пользу ты можешь извлечь из переписки с принцессой?

— В тех аристократических кругах, где вращается Шазад, она могла слышать какие-то сплетни, которые не удастся разнюхать моим шпионам.

— Но если она не глупа, то расскажет тебе лишь то, что считает нужным, — возразил Гасам. — К тому же для своей выгоды она может исказить отдельные события или факты.

— Думаю, я смогу раскусить ее обман, — заверила его Ларисса.

— Тогда можешь действовать. Но поступай так же, как со своими шпионами, — подвергай все двойной проверке. И пусть каждое полученное письмо тебе читают несколько разных секретарей — тогда ты сможешь быть уверена, что правильно поняла все сообщенные в нем факты.

— Я так и поступлю. Мне кажется, было бы полезным, если бы я сама научилась читать. Не думаю, чтобы это искусство оказалось таким уж сложным.

— Попробуй, если считаешь, что это тебя развлечет, — согласился король.

Находящиеся у королевы в услужении секретари объяснили ей, что учиться читать луч-

ше всего в детстве. Тем не менее Ларисса с удивлением обнаружила в себе способности к быстрому овладению грамотой. Кроме того, ее привлекал сам процесс обучения. Она даже понемногу начала разбираться в картах. Постепенно королева узнавала, что окружающий ее мир куда более сложен, чем она могла себе представить. Города — это не просто большие поселения, но и средоточие различных проявлений жизнедеятельности, где жрецы и торговцы занимают столь же важное место, что и воины. И сфера их интересов выходит за рамки известных ей традиций. Государства были результатом подъема городов, они крепили и развивались, меняя в течение длительного времени не только королей, но и династии правителей. Иногда королева просыпалась и лежала в темноте без сна, думая о том, что блистательные завоевания Гасама, возможно, лишь небольшой эпизод в многовековой истории этих земель.

«Моя дорогая сестра, королева Ларисса, начиная это послание, я не могу выразить удовольствие, которое испытала, получив твое письмо. До этого ты была лишь одной из многих, кто следует за могущественным завоевателем — королем Гасамом...»

Услышав эти строчки, которые читала Дэниаз, Гасам довольно усмехнулся.

— Мне трудно представить тебя в тени кого бы то ни было, маленькая королева, — заметил он, потрепав Дэниаз по плечу.

Вздвогнув от неожиданности, та продолжила:

«Кстати, мне привелось видеть твоего царственного мужа, когда он незадолго до той ро-

ковой битвы предъявлял ультиматум моему отцу..."

— Конечно, она считает битву роковой, ведь проиграл ее Пашир,— произнес Гасам.— Так, значит, женщина среди парламентариев была принцессой Шазад. Она показалась мне похожей на нашу малютку Дэниаз.

— Дэниаз — близкая родственница принцессы,— пояснила королева.— Читай дальше.

«Я считаю весьма прискорбным, что война разделяет нас и делает невозможной нашу встречу. Не так часто удастся общаться с красивой и умной женщиной, которая к тому же равна тебе по рождению. Наш двор в основном состоит из мужчин, другие, полагаю, тоже. Их бесконечные военные советы делают придворную жизнь невыносимо скучной. Постоянно ведущиеся переговоры и обмены дипломатическими миссиями между Навой, Чивой и Омайей...»

— Она лжет! — рявкнул Гасам.— Мне казалось, твои шпионы доносили, что отношения между Паширом и Оландом из Омайи весьма холодные...

— Разумеется, она лжет, дорогой,— улыбнулась королева.— Я тоже всегда лгу и приукрашиваю в своих письмах. Я уверена, мы еще обменяемся друг с другом изрядным количеством лжи. Моя задача будет заключаться в том, чтобы выделить в море неправды крупинцы истины.

Король расхохотался. Ларисса не могла вспомнить, когда она слышала его смех в последний раз, настолько редко Гасам смеялся.

— Я доволен, что ты наконец нашла игру себе по душе. А также тем, что в ней уже

заметно твое превосходство.— Он взял королеву за руку.— И это неудивительно. Ведь тебя, как и меня, впрочем, вряд ли можно отнести к заурядным людям.

Ларисса улыбнулась, отвечая на пожатие его руки. В минуты, подобные этой, любовь к Гасаму, казалось, захватывала все ее существо без остатка.

«...И все достойные внимания молодые люди проводят дни в занятиях верховой ездой, соревнованиях и других военных упражнениях. Это весьма прискорбно. Думаю, что великодушные воины твоего супруга заняты в основном тем же...»

— Ты уверена, что эта женщина не так глупа, какой хочет показаться? — спросил король.

— Я знаю, что она далеко не дура, однако умеет ловко прикидываться ею,— ответила Ларисса.

— Хорошо. Я видел ее лишь мельком, но она показалась мне умной и сильной женщиной. Мне бы не хотелось признавать свою ошибку.

«...Твое письмо ко мне написано удивительно знакомой рукой. Неужели тебе служит столь разочаровавшая всех нас моя беспутная кузина Дэниаз? Она была в ссылке во Флории, когда твой супруг захватил город, и ее не оказалось среди тех, кому удалось вернуться в столицу. Женщин ее положения отправляют в ссылку лишь за определенные проступки, и она — не исключение...»

Дэниаз замолчала, ее лицо полыхнуло краской стыда и гнева, а король и королева расхо-

хотались до слез. Дэниаз фыркнула и продолжила:

«Я рада, что между нами появилась эта связующая нить. Я любила ее больше всех своих многочисленных родственников, несмотря на не совсем уместные, если можно так выразиться, при ее высоком положении пристрастия...»

Забыв о том, что находится в присутствии короля, Дэниаз швырнула свиток на пол.

— Сука! — прошипела она. — Только потому, что она принадлежит к королевскому роду, эта мерзавка воображает, что ее собственные пристрастия вполне позволительны. Если бы вы узнали, чем она занимается во время своих ритуальных церемоний...

— Церемоний? — переспросила королева.

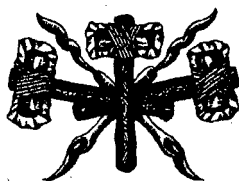
— Да, она поклоняется богам, культы которых запрещены в Наве. Но она пользуется именем своего отца, чтобы избежать заслуженной кары.

Ларисса подалась вперед, на ее лице читался неподдельный интерес.

— Ну-ка, расскажи нам, чем именно занимается твоя кухня...

Глава седьмая

Х

азель рассматривал карты и свитки, лежавшие перед ним на столе.

Карты еще не были окончательно выверены, а в свитках содержалось не так много полезных сведений.

— Путь на юго-запад, — задумчиво произнес он, — лежит для нас через Зону.

— Но почему? — воскликнул Джоким, один из командиров мэтва.

— Да потому, что между Навой и Омайей отношения, далекие от благополучных. Когда я попросил короля Оланда обещать, что мое войско беспрепятственно пройдет через его земли, он вместо этого прислал мне уйму извинений и объяснил, что это совершенно невозможно. Я уверен, что Пашир к нему даже не обращался.

— И тем не менее ты собираешься ввязаться в эту авантюру? — спросил Нарайя.

Хаэль кивнул:

— Да. Сделано уже слишком много, чтобы отступать. К тому же я давно собирался послать в Зону отряд. Теперь представляется удобный случай сделать это. Меня сильно беспокоит, что в непосредственной близости от нас находятся огромные пространства, о которых мы знаем даже меньше, чем о джунглях, простирающихся за южными королевствами.

— Мы знаем, что эти земли сухи и бесплодны, — заметил Джоким.

— Если верить этим картам, мы почти все время сможем двигаться вдоль рек или ручьев.

— А как насчет обитателей Зоны? — поинтересовался Нарайя. — Они могут отнестись к вам враждебно.

— Этого никто не может сказать точно, — ответил Хаэль. — Те, кто живет на засушливых землях, должны очень бережно относиться к воде, и я приготовил кое-какие ценные дары, которые, надеюсь, смогут облегчить наш путь.

— Говорят, — невольно понизив голос, произнес Джоким, — что они обладают магической силой.

— Если это так, мне бы хотелось в этом убедиться, — сказал Хаэль. — Было бы неплохо завязать отношения с обитателями Зоны. Возможно, с ними удастся наладить выгодную торговлю.

Джоким фыркнул:

— Интересно, что может нам понадобиться из того, чем владеют эти жалкие обитатели пустыни?

— Вот это мне и хотелось бы узнать, — улыбнулся Хаэль.

Отряд выступил в путь пасмурным холодным утром. Хаэль с тысячей всадников мэтва двинулся к хребтам горной страны. Остальные его силы присоединялись к ним по мере его продвижения по Равнинным Землям. Общая численность войск Хаэля должна была составить шесть тысяч воинов.

Он не в первый раз расставался с Диэной, но это прощание почему-то было особенно тяжелым, и у Хаэля мелькнуло тревожное предчувствие, не окажется ли оно последним. Его сыновья просились вместе с ним в поход, и он ответил им то, что в подобных случаях говорят все отцы: «Возможно, в следующий раз».

Солнце ярко сияло на безоблачном небе, кабо ровным шагом трусили по равнине. Хаэль впервые за долгое время дышал глубоко и свободно. Позади остались многочисленные хлопоты и тревоги, а впереди лежали новые земли. По крайней мере, теперь он на какое-то время будет избавлен от тесноты в длинных домах и от утомительных, скучных обсуждений повседневных дел.

Зона манила и притягивала Хаэля — эта земля была настолько загадочной, что скрывала даже свое имя. А за ней была Нава, и море, и... И конечно, Гасам.

В отряд вливались все новые и новые всадники, которые приветствовали короля громкими возгласами и бряцанием оружия. На концах их длинных копий развевались яркие вымпелы, бронзовые доспехи сверкали в лучах солнца. Хаэль почувствовал гордость, что под его командованием находится столь великолепное войско.

Перед их взорами расстилалась огромная равнина. Кроме людей и прирученных ими животных здесь обитали дикие кагги, толстые мохнатые туну, резвящиеся стайки ветвиригов и спиралерогов. Мяса для пропитания войска было предостаточно. Хаэль отдал приказ не использовать запас пищи, который они взяли с собой, до того времени, пока отряд не достигнет пустыни. Излишки мяса резали на тонкие ломти и подвешивали к седлам, чтобы их провялили лучи солнца и ветер.

По ночам воины собирались вокруг небольших костров, пели песни и рассказывали разные истории. Несмотря на то что в походе участвовали представители нескольких племен, между ними редко возникали разногласия или ссоры. Если же происходили какие-то споры, королю без труда удавалось их разрешать. В конце концов, его люди в первую очередь были воинами, и это их объединяло.

Вокруг лагеря постоянно кружили многочисленные хищники и пожиратели падали, которых привлекал запах жарящегося мяса и

свежей крови. Это были жуткие твари: наделенные острыми зубами летучие мыши, охочие до падали редко встречавшиеся гигантские коты и птицы-убийцы — создания с головой не меньше, чем у кабо, неспособные летать, передвигавшиеся на сильных ногах, которые заканчивались похожими на кривые кинжалы когтями.

Каждую ночь, когда всходила луна, Хаэль, глядя на ее покрытый шрамами лик, произносил обычную молитву племени шасиннов. Он просил прощения за раны, нанесенные когда-то ночному светилу.

Несмотря на то что он окончательно порвал какие бы то ни было связи, соединявшие его с шасиннами, отказался от их верований и табу, он до сих пор считал своим долгом совершать этот обряд. В далеком прошлом, в эпоху Великих Магов, люди подняли свои огненные копья и поразили ими Луну. Память о той древней войне почти стерлась, и теперь эту историю по-разному трактовали различные народы.

Хотя пока отряд двигался по своей территории, Хаэль уже сейчас требовал особого порядка построения, которого они должны будут придерживаться на чужих землях. Всадники ехали в авангарде, с флангов и в арьергарде войска. Пехота, среди которой были прекрасно обученные гвардейцы короля, находилась под их защитой. На протяжении марша каждый воин четко знал свое место, а каждый командир — где находятся его люди. Когда Хаэль вводил подобные порядки, его люди были не слишком довольны, считая та-

кое строгое подчинение неподобающим настоящему воину. Однако осознав, что это делает их практически непобедимыми, они вынуждены были признать правоту короля.

Движение армии не замедлялось ничем. Обоза не было. Несколько выючных животных тащили на своих спинах тяжелое оружие и походные палатки. Других грузов с собой не брали. Всадники были готовы к тому, что поход окажется нелегким, и стремились сохранить способность быстро передвигаться — одно из преимуществ войска Хаэля.

Основным оружием всадников были луки. Это освобождало их от необходимости вступать в ближний бой, а следовательно, от тяжелых доспехов. Толстые куртки из нескольких слоев кожи и небольшие кожаные щиты надежно защищали их тела, а шлемы — головы. Некоторые всадники вообще не носили защитной одежды, полагаясь на свое искусное умение прикрываться от вражеских стрел и копий щитом.

Хаэль не сомневался, что создал самую сильную в этих землях армию, в которой отвага и воинское искусство сочетались с железной дисциплиной. Однако его войско до сих пор не пробовало свои силы в схватках с регулярными армиями цивилизованных стран. Судьбе было угодно проверить боеспособность войска Хаэля в сражении с армией его молочного брата — закаленным в боях пешим войском.

Хаэль пребывал в смятении. Ему было тяжело думать о том, что придется воевать со своими соплеменниками. Шасинны поступили с ним жестоко и несправедливо, но в Хаэле до

сих пор не угасли воспоминания юности. Он помнил дружбу со своими братьями по воинской общине. И он не забыл женщину, которую любил и которая предала его.

На десятый день марша войско достигло предгорий. Люди Хаэля были полны решимости продолжать переход, однако окрепшая во время удачного похода уверенность в своих силах могла оказаться обманчивой. Перед ними лежали неизведанные земли. Народы племен, объединенных властью Хаэля, безраздельно владели Равнинными Землями, но никогда не пересекали этих гор. То, что находилось за их хребтами, служило источником легенд о могущественных черных магах и злых духах.

Но сейчас гораздо больше, чем неизвестные колдуны, Хаэля волновал климат этих мест. Он внимательно осмотрел едва слышно шелестевшее зеленое море травы, взглянул на облака, которые плыли по небу.

— Здесь много травы,— произнес он,— и она круглый год остается зеленой. Сразу же за горами начнутся Пустынные Земли. Но эти горы не такие уж и высокие. Почему же тогда с той стороны так сухо?

— Потому что на тех землях лежит проклятие,— сказал Бамиан, один из военачальников амси.— Беседующий с Духами моего племени говорил, что Луна прокляла это место, потому что именно отсюда родом были те люди, что бросили в нее огненные копья.

— Это неплохое объяснение. Впрочем, как и любое другое. Так или иначе, но нам придется во всем этом разбираться самим,— заметил Хаэль.— Сегодня мы встанем здесь лагерем.

Проследите, чтобы кабо были как следует напоены. После этого пусть каждый воин наберет столько травы, сколько сможет унести его кабо. Неизвестно, какой корм мы сможем найти с той стороны гор, и я не хочу, чтобы нам пришлось задержаться из-за того, что животных будет нечем кормить.

Повинуясь приказу, воины принялись за работу. Большинство из них питало отвращение к любому труду, кроме ратного, но они любили своих кабо и были готовы на все, чтобы их четвероногие друзья чувствовали себя как можно лучше. Вскоре мужчины рассыпались по равнине, набирая охапки сочной зеленой травы деревянными изогнутыми серпами с кремневыми пластинками, насаженными по краю. Воины срезали траву у самого корня и связывали в небольшие снопы. Подобную работу обычно выполняли в племенах женщины, но в военном отряде нет места женщинам, и воины не делили работу на мужскую и женскую.

К Хаэлю, который наблюдал за необычной сценой, подъехал Джоким. Командира мэтва почти полностью скрывали вязанки травы, привязанные к его седлу.

— Стоило проделать весь этот путь хотя бы для того, чтобы посмотреть на работающих амси. Хорошо еще, что их сейчас не видят женщины. Ты должен считать это признаком преданности тебе, Хаэль.

Хаэль улыбнулся:

— Это признак того, что у них нет никакого желания путешествовать пешком. Они прекрасно знают, что голодный кабо не по-

несет на себе всадника. Там, куда мы направляемся, кабо — единственное, что поможет нам выжить.

Когда было заготовлено достаточное количество фуража, Хаэль решил, что солнце стоит еще высоко и двинуться в горы можно будет прямо сегодня. Разведчики уже осмотрели ущелье в стене скал. Оно было узким, и, судя по всему, здесь давно ходили люди. По каменистому дну ущелья стремился бурный поток, и его рев был единственным звуком, нарушающим мертвую тишину этого места.

Задолго до того, как войско достигло вершины горного хребта, их окружила почти полная тьма. Хаэль скомандовал сделать привал. Все постарались устроиться на ночлег с наибольшими удобствами, какие вообще были возможны в этом негостеприимном месте. Воины разожгли костры из веток сухих колючих кустарников и немногочисленных деревьев, чудом выросших на скудной почве. Кабо отпустили искать еще попадавшуюся изредка зеленую травку.

Это было очень странное место, но, даже если тут и обитали злые духи, Хаэль не почувствовал какой-либо враждебности. В мерцающих отблесках заката он мог наблюдать странную картину. Здесь, на северных склонах гор, облака клубились огромными белыми горами; но их продвижение как будто останавливала гигантская незримая стена. На юге же небо было совершенно чистым. Это необъяснимое явление почему-то вселило в него беспокойство и тревогу.

Воины укладывались на ночлег рядом со своими кабо. Им явно не нравилось тут, и было

видно, что по первому сигналу командиров они с величайшим удовольствием отправятся дальше. Этой ночью вокруг костров не было слышно обычного пения.

Ночь, несмотря на недобрые предчувствия, прошла спокойно. Задолго до рассвета воины уже оседлали кабо и были готовы выступить в путь. С первыми лучами солнца длинная колонна всадников осторожной рысью, а иногда даже переходя на шаг, двинулась вперед. Хаэль возглавлял войско, так как хотел первым услышать доклады посланных вперед разведчиков. Вскоре те наткнулись на еще одно ущелье и углубились внутрь, чтобы проверить, не поджидает ли там опасность.

Присоединившегося к ним Хаэля ошеломило открывшееся ему зрелище. Над этим ущельем явно потрудились рука человека. Узкая тропинка превратилась в широкую дорогу, выложенную камнем, словно мостовая городской улицы. Около одной из стен ущелья стояла гигантская статуя высотой в три человеческих роста. Она изображала мужчину, и по его пропорциям можно было судить, что он коренаст и приземист. Его ноги походили на стволы деревьев, тело прикрывала короткая, не достигающая колен рубашка. Одна рука изваяния была отставлена в сторону, другая согнута в локте и сжата в кулак таким образом, что с первого взгляда становилось ясно: его ладонь сжимала какой-то предмет, не выдержавший испытания временем. Лицо мужчины обрамляла длинная квадратная борода, причудливыми завитками спускавшаяся на его грудь. Нос напоминал загнутый птичий клюв,

густые брови свирепо нахмурены. Голову венчал высокий убор цилиндрической формы, обвитый венком из листьев.

Стена напротив статуи была сплошь покрыта какими-то письменами. Строчки состояли из символов — они представляли собой вертикальную линию, от которой отходили в стороны прямые и волнистые черточки. Можно было насчитать по крайней мере сотню таких строчек, выбитых в камне. Верхние терялись в темноте ущелья. Воины в изумлении уставились на диковинную картину.

— Ты когда-нибудь видел такое? — спросил Джоким, подъехавший к королю во главе группы других командиров.

Хаэль отрицательно покачал головой:

— Я видел немало статуй в Наве и Омае, но никогда — что-либо подобное этой. Думаю, это изваяние было высечено много веков назад.

Действительно, от статуи веяло грубой и жестокой силой. Наванские скульптуры обладали гораздо большей изысканностью и утонченностью.

— Что говорят эти письмена? — спросил командир амси.

— Не знаю.

— Я думал, ты умеешь читать, — усмехнулся Джоким.

— Существует множество различных письменностей, и эта мне незнакома. Не удивлюсь, если надписи не сможет прочесть никто из ныне живущих. Но сейчас нам следует взглянуть, что находится по ту сторону прохода.

Они двинулись вперед, копыта кабо звонко зацокали по каменной дороге, эхом отдаваясь от высоких стен ущелья.

— Должно быть, потребовались невероятные усилия, чтобы создать такое,— сказал Хаэль.

— Если этим занимались люди, похожие на вырезанного из камня, то они не так уж сильно и напрягались. Он ведь истинный гигант!

— Гигант, бог, король — кто знает? — возразил Хаэль.— Если бы я смог прочесть, что написано на стене, возможно, мы узнали бы это.

— А может, в камень был обращен настоящий гигант? — предположил второй командир амси.— Может, он сторожит это ущелье?

— Однако нас он даже не пытался остановить,— заметил Хаэль.— Так что если он действительно страж, то довольно никудышный.

— Возможно, он знает, что мы пришли с миром,— пожал плечами Джоким.— Или же понял, что ты великий король.

Хаэль внимательно взглянул на говорившего, пытаясь определить, не смеется ли он над ним. У мэтва никогда не поймешь, шутят они или нет, поскольку лица их в любом случае остаются совершенно бесстрастными.

Вскоре они достигли выхода из ущелья, и их взорам открылась простиравшаяся до самого горизонта бурая безжизненная равнина. То тут, то там на ней проглядывали островки скудной зелени, изредка увеличивавшиеся до больших, неровной формы пятен.

— Это многое объясняет,— сказал Хаэль, глядя на высившиеся у горизонта скалы.

Горная гряда тянулась с севера, и здесь горы обрывались, так что от пустынной земли внизу их отделяли тысячи футов. Король вспомнил, что резкий перепад высот влияет на движение облаков. Горы словно становятся барьером на их пути. Снизу дул сильный сухой ветер. В стремительных воздушных потоках парили ширококрылые птицы — единственные живые существа, которых можно было здесь видеть.

— Если тут встречается зелень, стало быть, где-то есть и вода, — сказал Бамиан.

— Значит, эти земли не совершенно бесплодны, — добавил Джоким. — Хотя выглядят они не слишком-то гостеприимно.

— Мы ведь не собираемся здесь обосноваться, — пожал плечами Хаэль. — Нам лишь нужно пересечь эту равнину, причем чем меньше мы будем здесь задерживаться, тем лучше.

— Хорошо, что мы захватили с собой траву, — заметил Бамиан, окидывая взглядом мрачную потрескавшуюся землю.

Спуск оказался проще, чем представлялось на первый взгляд. Вымощенная камнем дорога проходила по южному склону, мягко скользя вниз и огибая естественные препятствия.

— С той стороны, откуда мы пришли, тоже, наверное, была когда-то вымощенная дорога, — размышлял вслух Хаэль, — но за прошедшие века дожди и ветры уничтожили ее. Здесь же климат сухой, и поэтому она сохранилась.

Его спутники согласно кивали, делая вид, что им понятно, о чем он говорит. Никто из них, однако, не представлял отрезок времени, больший, чем человеческая жизнь, и никто из

них на самом деле не верил, что все это сделано руками обыкновенных смертных.

Они даже не заметили, когда спуск закончился, потому что у подножия гор почву закрывали осыпи и осколки камней. Окружавший их мир вовсе не был таким голым и безжизненным, каким казался сверху. Растительность располагалась беспорядочными пятнами и была преимущественно тускло-коричневого цвета с редкими вкраплениями маленьких, но ярких цветов.

Животные тоже обитали в этих местах, хоть и было их значительно меньше, чем на Равнинных Землях. Там, где проходили кабо, из укрытий выглядывали различные маленькие существа, с удивлением посматривавшие на невиданных здесь пришельцев. Хаэль, как обычно, с интересом разглядывал новых животных. Здесь были млекопитающие, рептилии и нелетающие птицы с неярким защитным оперением. Почти все вели себя одинаково: совершали длинные стремительные прыжки, а затем распластывались по земле, застывая без движения. Хаэль пришел к выводу, что хищники в этих землях нападали чаще всего с воздуха, поскольку в противном случае подобное поведение оказалось бы бессмысленным.

— Здесь что, не водятся крупные хищники? — поинтересовался Бамиан, оглядываясь по сторонам с таким видом, словно это даже огорчало его.

— Крупным хищникам необходимы крупные жертвы, — ответил Джоким. — Но это не означает, что здесь безопасно. Маленькие твари иногда способны нанести вреда не меньше, чем большие.

— Когда наступит ночь, мы сможем увидеть множество других хищных созданий,— предупредил Хаэль.— Не сомневаюсь, здесь есть и более крупные животные, в том числе и те, что могут нападать на человека. Я ощущаю их присутствие. Так что сегодня мы выставим хорошо вооруженную верховую охрану.

Никто не задавал вопросов. Все уже неоднократно убеждались в том, что их король умел чувствовать диких животных на большом расстоянии, и считали это совершенно естественным. Вскоре один из разведчиков обратил внимание остальных на странные следы. Никто не видел ранее чего-либо похожего. Существа, оставившие их, имели толстые, вывернутые наружу пальцы, напоминавшие рыболовные крючки, потому что каждый из них заканчивался длинным кривым когтем.

— Какое животное могло оставить такие следы? — удивился один из амси.

Даже Хаэлю было трудно представить себе облик этого чудовища. Судя по всему, большую часть времени оно передвигалось на двух конечностях. Но иногда опускалось на все четыре лапы, причем их отпечатки выглядели еще более странно: следы двойных крючков были несколько смазаны то ли свободно свисающим мехом, то ли складками кожи.

— Ладно, на сегодня достаточно,— сказал вдруг Хаэль.— Пора подумать о ночлеге. Лагерь нужно разбить у воды. Пусть разведчики проследят, куда ведут эти следы. Там, где они сойдутся в прямую линию, будет водоем.

Довольные тем, что получили конкретное задание, разведчики пошли по следу. Арьер-

гард войска пересек горы, и Хаэль мог позволить людям немного передохнуть.

Довольно скоро мощеная дорога под их ногами исчезла. Возможно, она была построена специально для того, чтобы облегчить переход через горы, но Хаэль подозревал, что в свое время она пересекала также и пустыню, а теперь затерялась в песках этих бесплодных земель.

Разведчики вернулись только поздно вечером. Они обнаружили подходящий водоем — неглубокий пруд, берега которого были истоптаны многочисленными следами. Кабо разделили на небольшие группы, чтобы, утоляя жажду, они не слишком замутили воду и напиться смогли бы все животные.

— Да, не сказал бы, что мне тут нравится, — заметил Хаэль. — Этой водой, конечно, невозможно напоить всю пустыню.

Сразу после того, как взошла луна, людей заставил вскочить на ноги высокий пронзительный крик. Он был настолько жутким, что дрожи не могли сдержать даже самые храбрые.

Хаэль приказал всем затаиться, но его словно никто не услышал. Как будто в ответ на первый кошмарный вопль прозвучал другой, не менее устрашающий. Вскоре душераздирающие крики неслись уже со всех сторон. Хаэль попытался определить источники звуков, но это ему не удалось. Он прикрикнул на своих людей, чтобы те замолчали, однако паника в его отряде возрастала, и Хаэль не сумел сосредоточить на чем-либо внимание. Обычно даже в ночной тьме он мог указать место, где

находится крупный зверь, но сейчас был не в силах сделать это. Среди царящей паники и неразберихи эти существа каким-то образом скрывали окружающую их духовную ауру. Но, без всякого сомнения, чудовищ было очень много и передвигались они весьма проворно. Это было единственное, что удалось почувствовать Хаэлю. Как же эти твари могли бесшумно передвигаться в ночной тьме?

— Берегите кабо! — закричал он и тут же ощутил, как окружавших их чудовищ охватывает беспокойство.

Голос короля заставил людей на время забыть собственный страх и позаботиться о животных. Кабо, обезумев от ужаса, беспорядочно носились, сталкиваясь друг с другом, по площадке, и воинам Хаэля стоило огромного труда успокоить храпящих, закатывающих глаза и клацающих зубами скакунов.

Взбесившиеся кабо повалили ограждение и, охваченные слепым ужасом, рванулись в ночь. Звуки неожиданно изменились. Пронзительные крики сменились негромким кудактаньем, изредка перемежавшимся возбужденными взвизгами.

Переменилось и направление, откуда исходили крики. Хаэль понял, что чудовища уже не окружают их. Они сгруппировались, намереваясь, видимо, преследовать вырвавшихся на волю кабо. Король махнул рукой, призывая к себе нескольких воинов, стоявших неподалеку.

— За мной! — закричал он. — Они нацеливаются на одного кабо и гонят его все вместе. Вперед!

Несмотря на не смолкавшую какофонию звуков, воины почувствовали большое облегчение: как бы там ни было, теперь эти неведомые чудовища начинали вести себя как обыкновенные крупные хищники с Равнинных Земель.

— Да это же просто обычные пожиратели падали! — воскликнул, пытаясь подбодрить своих воинов, Хаэль. — Они охотятся ночью, потому что единственная их сила — вопли, которые они могут издавать. Надо уничтожить всех этих тварей, чтобы спасти наших кабо!

Некоторые его спутники успели зажечь факелы. Они бежали по пустыне под заливающим землю призрачным светом луны. Вдруг что-то возникло между ними и кабо, и Хаэль услышал, как они истошно завизжали от страха. В неверном свете факелов его глазам открылось пространство, заполненное издававшими жуткие вопли темными фигурами. Король побежал быстрее. Через некоторое время, оглянувшись, он заметил, что вырвался далеко вперед. Выросший среди пасиннов Хаэль был великолепным бегуном. Жители холмов мэтва тяжело трусили где-то сзади, а бег выросших в седле амси был немногим быстрее ходьбы. Положение становилось опасным, но Хаэль не мог бросить на произвол судьбы своих любимых животных.

Еще один рывок — и он очутился почти рядом с кабо. Окружившие их существа были ростом с человека. Один из призраков метнулся к Хаэлю, но наткнулся на его копьё. Лезвие соприкоснулось с чем-то твердым. Существо издало негодующий вибрирующий свист. Его собратья повернулись к Хаэлю. Темнота не

позволяла различить мелочи, но в лунном свете отчетливо сверкали длинные острые зубы. Хаэль вдруг осознал очередную странность — на том месте, где на мордах созданий должны были быть расположены глаза, он не смог уловить привычного блеска.

Чудовища медленно приближались к сгрудившимся и приготовившимся к защите кабо. Один из них бросился вперед и поддел странное создание рогом, высоко подбросив в воздух. Существо заверещало. Хаэль ворвался в ряды чудовищ. С копьем в одной руке и длинным мечом в другой он наносил удары, однако, по всей видимости, они почти не обращали на это внимания.

Хаэль уже был готов отступить, но тут подоспели первые мэтва. Факелы в их руках осветили страшную сцену призрачного ночного кошмара. Впервые Хаэль смог разглядеть тех, с кем сражался. Странные существа напоминали людей, закутанных в черные покровы. На небольших шишкообразных головах щерились в оскале острые зубы, уши были огромными и оттопыренными. Воцарилась страшная неразбериха — воины наносили удары копьями и мечами, размахивали дубинками с каменными наконечниками.

Через некоторое время один из присоединившихся к ним амси догадался оседлать кабо. Отгоняя нападавших монстров каменной палицей, он вывел животное из толчеи и поскакал обратно к лагерю.

Множество монстров валялось на земле мертвыми, остальные отступили, растворяясь в темноте ночи, спасаясь от огня факелов и разящего оружия. Наконец все звуки смолкли.

— Что это было? — спросил кто-то из воинов Хаэля.

— Не знаю, — ответил король. — Нам следует вернуться в лагерь. Возьмите с собой тела нескольких тварей — днем разберемся, что они такое.

Никому не хотелось прикасаться к отвратительным созданиям, но тем не менее воины обвязали их веревками и поволокли за собой. Внезапно вновь разразилась какофония разрывающих уши пронзительных воплей, смешанных с кудактаньем. К Хаэлю, размахивая факелом, подъехал Джоким.

— Они пожирают своих мертвецов, — морщась от омерзения, сказал он. — Никогда бы не подумал, что призраки могут заниматься этим.

— С чего ты взял, что это призраки? — возразил Хаэль. — Обыкновенные пожиратели падали. Не думаю, что они так уж опасны. Для того чтобы убить какое-нибудь животное, им сперва приходится загонять его до изнеможения, а потом давить всем вместе. А страшными их делают темнота да жуткие вопли.

Света небольших костров не хватало для того, чтобы тщательно рассмотреть напавших на них созданий, поэтому Хаэль выставил хорошо вооруженные караулы, а всех остальных отправил спать. Донельзя измученные воины свалились вокруг костров, как мертвые. Этой ночью их больше ничто не побеспокоило.

Утром они принялись за изучение трофеев минувшей ночи. Даже при свете солнца твари выглядели настолько странными, что это с трудом поддавалось пониманию. Создания эти, целиком покрытые коротким черно-серым ме-

хом, были чуть меньше среднего человеческого роста. Маленькие круглые головы глубоко посажены на узких плечах. Длинные кривые зубы торчали из широких щелей рта под треугольными плоскими носами, образованными тонкими перепонками, которые занимали половину морды. Глаза были почти не видны в окружавших нос складках, а уши обрамляли морды и торчали над черепом. Но еще более странными выглядели конечности этих существ. Их ноги были короткими и кривыми с вывернутыми наружу неуклюжими ступнями, которые заканчивались не то пальцами, не то когтями. Верхние же конечности несколько напоминали руки человека, но были так длинны, что локтями могли касаться земли. Предплечья также были очень длинными и заканчивались пятипалыми ладонями, только три длинных пальца которых имели ногти. С рук свисали большие складки покрытой волосами кожи, которые люди ночью приняли за темную одежду.

Воины недоуменно разглядывали омерзительные создания. Внезапно один из молодых амси заявил:

— Это не люди, это мыши. Большие летучие мыши, только без крыльев.

— Он прав,— кивнул Хаэль.— Видите эти складки кожи? Когда-то они были крыльями. Эти создания слепы, поэтому могут охотиться только ночью.

— Но разве летучие мыши могут ходить на двух ногах? — усомнился один из командиров.

— Почему бы и нет? — спросил Хаэль.— Здесь водятся нелетающие птицы и летающие ящерицы, теплокровные мохнатые сумчатые

животные, которые плавают не хуже, чем рыбы. В этом непонятном месте могут существовать и такие вот летучие мыши.

Джоким фыркнул:

— Да уж, непонятного здесь хватает. Думаю, на этих проклятых землях мы увидим еще много странного.

Они оседлали кабо и начали дневной переход. Хаэль собирался двигаться на юг, пока не окажется к западу от Навы. Центральная и западная части Зоны были довольно подробно изображены на картах, присланных Чаулой. Однако даже на них вряд ли можно было полагаться во всем. Карты эти составлялись почти два века назад, а за это время многое могло измениться. Особенно нуждался он в сведениях о воде и траве, то есть подножном корме для кабо, а это как раз на картах не отображалось. Сейчас очень бы кстати пришелся проводник из местных, но людей они пока еще не встречали.

Король осмотрелся по сторонам. На такой местности всаднику открывался широкий обзор. В отличие от его спутников, пустыня не особенно угнетала Хаэля. Каждая земля, какой бы непонятной она ни казалась, остается всего лишь землей, и каждое место имеет своих собственных духов, в этом нет ничего удивительного. Он обязательно изучит эту землю, познает все ее особенности. Когда-то он уже поступал так на своем родном острове, на море, на прибрежных равнинах, в зеленых землях равнин и лугов, в горной стране. Хаэль чувствовал, что и здесь он не встретит преград, которых не смог бы преодолеть.

Глава восьмая

Е

ще слишком рано, сир,— сказал адмирал. Он стоял рядом с королем Паширом на огромном причале Касина. Сплошная пелена дождя почти полностью скрывала склоны окружавших гавань холмов. Причал был расположен в северной части порта. Здесь находились доки, в которых ожидал окончания сезона штормов флот Навы.

Выступая в поход, корабли выстраивались перед причалом в шеренгу, чтобы погрузить на борт все необходимое.

Пашир и его спутник укрывались от дождя под балдахином, который поддерживали четверо рабов. Взор короля был обращен к морю. За пределами гавани он с трудом мог различить скалу, которую называли Мысом Кораблекрушений. За этим мысом, на маленьком острове, стоял величественный маяк Первин — высочайшее в мире сооружение. В течение мореходного сезона рабы безостановочно втаскивали по лестнице из гладкого полированного камня корзины, наполненные маслеными кулачными орехами. Они служили топливом для громадного костра, разожженного на верху башни. По окончании навигационного сезона костер тушили.

— А вот пират Гасам так не считает, — ответил наконец Пашир. — Мои шпионы докладывают, что он уже начал переправлять с Островов своих воинов.

— В таком случае он потеряет многих из них, сир, — заверил его адмирал.

Адмирал Хану, крепкий, плотно сбитый человек, очень напоминал с виду кнехт, к которому крепились корабли у пирса. Как и большинство наванских морских офицеров, он почти всю свою жизнь был шкипером торгового судна и прекрасно знал каждый изгиб береговой линии и все находившиеся на торговых путях острова. В отличие от сухопутной армии, командование военно-морского флота не могло зависеть от происхождения офицера или его связей при дворе. Морское

дело надо изучать с ранней юности, провести годы, плавая в море, и быть не только умелым организатором, но и знать обязанности простого матроса.

— Донесения шпионов говорят об обратном. Гасам не использует больше для перевозки своих людей купеческие корабли. Они прибывают на странных судах, напоминающих гигантские каноэ с выносными уключинами. Эти суда очень маневренны за счет легких парусов. В шторм они убирают паруса, и половина экипажа садится на весла, а другая вычерпывает воду.

Адмирал почесал заросший щетиной подбородок:

— Это нехитрый прием, сир, но такие суда действительно тонут нечасто.

— Мы уже успели узнать, что варвары не боятся рисковать,— после некоторой паузы сказал король.— Разыщи начальника гавани и отдай приказ разжечь огонь на маяке.

Разожженный костер на башне маяка служил сигналом и официальным уведомлением о начале мореходного сезона. Флегматичный обычно адмирал чуть не подпрыгнул от изумления:

— Сир, но ведь до начала сезона остался по меньшей мере месяц!

— Ни один корабль не выйдет в море без моего разрешения,— произнес Пашир,— но приготовления к сезону должны начаться уже сейчас. Приказываю матросам и офицерам флота собраться в казармах! Корабли в течение двух недель оснастить и подготовить к длительному походу! Как только небо прояс-

нится, мы отправимся на север. Наша цель — Флория!

— Как будет угодно королю, — не стал больше спорить адмирал.

Он вышел из-под укрытия и отправился отдавать необходимые распоряжения. Вскоре гавань огласили бой барабанов и звуки гонгов.

* * *

К полудню дождь прекратился, небо очистилось — в это время года такое происходило часто, погода менялась каждый день. Ничто, казалось, не могло нарушить обычного течения дел. Принцесса Шазад, сопровождаемая придворными дамами и рабынями, воспользовавшись переменой погоды, покинула успевшие уже опостылеть за дождливый сезон залы дворца и собралась выйти на одну из обширных террас, откуда открывался вид на город. Юные девушки тщательно вытерли каменные скамьи и расстелили на них циновки, в то время как садовники спешно очищали клумбы от сломанных и увядших растений, которые своим неподобающим видом могли бы оскорбить требовательные взоры высокородных дам. Рабыни принесли подносы с закусками и напитками, приготовили опахала, и только после этого на террасе появилась принцесса Шазад.

На принцессе была наиболее подходящая для дождливого дня одежда: свободные шаровары жемчужно-серого цвета — цвета бога грозы, а также тесно облегающий фигуру корсаж — бледно-голубой с белыми полосками. Туалет дополняли легкие атласные туфельки, расши-

тые жемчугом. Жемчужные нити также переплетались причудливо уложенные черные косы Шазад.

Сопровождающие принцессу высокородные придворные дамы одевались менее богато — в соответствии с рангом и положением их родителей, хотя цвета их одежд соответствовали серо-голубой гамме одеяний принцессы.

Дамы расселись на мраморных скамьях и стульях. Музыканты на возвышающемся над террасой балконе заиграли на дудочках и флейтах. Женщины оживленно обсуждали придворные сплетни, интриги и романы, но были готовы в любое мгновение откликнуться на знак принцессы. Однако ту, казалось, нисколько не интересовала их беседа. В последнее время Шазад как будто замкнулась в себе.

Принцесса рассеянно перебирала лежавшие на блюде засахаренные фрукты, но, похоже, есть вовсе не хотела. Все ее желания сейчас были какими-то неопределенными, что было совсем не похоже на нее. Шазад всегда любила различные рискованные развлечения, принимала живейшее участие во всех придворных интригах, что бесконечно плели ее дамы. Утро она обычно проводила со своими любимыми кабо, а вечерами развлекалась с очередным любовником. Будучи верховной жрицей, она совершала различные обрядовые церемонии в нескольких храмах, а также тайно участвовала в отправлении темных, запрещенных в Наве культов, которые искренне привлекали ее. Поскольку мало что могло быть запрещено женщине ее положе-

ния, она, почти не задумываясь над этим, могла удовлетворять любые свои прихоти.

Но сейчас все ее прежние развлечения словно поблекли. Вкусив прелесть обладания властью, Шазад стремилась овладеть искусством повелевать судьбами людей. Принцесса видела, как сражаются и умирают на поле боя мужчины, видела грозную силу варваров, способную уничтожить ее королевство, и все остальное терялось в сравнении с этими необычайно яркими впечатлениями. К тому же она знала, что ее действия помогли предотвратить панику, которая могла привести к необратимой катастрофе. Но Пашир, выразив дочери искреннюю благодарность, казалось, больше не замечал ее возможностей и не обращался к ней за помощью. Это выводило из себя надменную и самолюбивую женщину.

Король Пашир был увлечен подготовкой к войне с Гасамом. Поначалу он приглашал принцессу на военные советы, где обсуждалась грядущая кампания. Однако почти сразу он почувствовал, что его советники воспринимают вмешательство женщины в их дела как личное оскорбление, хотя ни один из них, разумеется, не высказал этого вслух. Довольно скоро по Касину стали расползаться слухи, что принцесса Шазад нарушает все мыслимые обычаи. Шазад понимала, что отцу куда важнее поддержка его приближенных, чем ее помощь, и не стала спорить, когда Пашир порекомендовал ей отказаться от участия в советах. Принцесса не видела отца уже несколько дней.

Последнее время ее переписка с королевой Лариссой превратилась в весьма заниматель-

ную игру. Конечно, супруга Гасам была наивна и необразованна, но эти недостатки полностью искупались ее живым природным умом. Однако мысли Шазад в основном были заняты мужем дикарки. Гасам словно зачаровал принцессу. Она сознавала, что еще никогда в жизни не была так увлечена мужчиной. Иногда Шазад чувствовала, что не может противостоять влиянию этих чар и становится все более и более подвластной королю дикарей.

Король Пашир всегда служил ей примером того, каким должен быть властитель: сильным, мудрым, иногда, если это необходимо, жестоким. Он нежно любил свою дочь, однако ко всем остальным относился с подозрением и недоверчивостью, и это вполне соответствовало обстановке дворцовых интриг. Пашир узурпировал трон, но принцесса прекрасно знала, что иначе он поступить не мог — прежний король был не способен управлять государством, а ее отец обладал и силой, и разумом истинного монарха. Шазад всегда думала о нем как о короле, даже когда была всего лишь маленькой девочкой, а он — герцогом среди множества равных ему придворных.

Гасам был совсем другим. Он был варваром, который обладал могучей природной силой, схожей с силой грозной стихии. Гасам покорял мир потому, что ему казалось неестественным, что кто-то может не ощущать его власти. К тому же он был молод... Перед всем этим не могли не меркнуть в ее глазах сила и величие короля Навы.

И помимо всего этого Гасам был красив! Теперь Шазад поняла, что не знала истинной красоты человека, пока не увидела шасиннов.

Они были самыми красивыми людьми в мире — и вместе с тем свирепыми грозными воинами. Вспоминая о взгляде Гасама, ощупывающем ее с головы до ног, принцесса возмущалась до глубины души, но одновременно невероятно сладостный трепет охватывал ее. Шазад, как только созрела для этого физически, легко заводила и меняла любовников, но они всегда оставались для нее лишь развлечением. Она пользовалась ими и без сожаления бросала, как только они начинали ей надоедать. Принцесса никогда не думала, что может мечтать об одном из них, пока не встретила Гасама. И если он был так прекрасен, то какова же его королева?

Одна из дам, в изумлении разинув рот, вскочила с места и подбежала к парапету, окружавшему террасу.

— Что случилось? — спросила принцесса, очнувшись от своих невеселых раздумий.

— Смотрите! — закричала женщина, указывая рукой вдаль. — Маяк!

Теперь на ногах были уже все: и аристократки, и рабыни. Женщины столпились у края террасы.

— Этого не может быть! — воскликнула одна из них. — Наверное, мы видим какой-то отблеск. Возможно, рабы полируют бронзовую поклажу, в которой носят наверх дрова.

— Нет, — возразила Шазад, глядя вдаль из-под ладони, закрывающей ее от прямых лучей заходящего солнца. — Это известие о начале мореходного сезона! Я вижу дым!

— Но это невозможно! — сказала другая дама, жрица морского бога. — Храмовые свя-

щенники еще не принимали решения об открытии сезона, и кроме этого, все равно... Все равно слишком рано! Как могло такое случиться?

— Только мой отец, король Навы, имеет такие полномочия! — скривив губы, заметила Шазад. Она была в ярости, что Пашир ни словом не обмолвился с ней о своем решении.

— Но в таком случае нам следует поспешить домой! — заволновалась одна из женщин. — Необходимо переменить одежду, и не приложу ума, как я сделаю это. Ведь мои весенние платья еще совершенно не готовы!

— А я так растолстела за зиму! — запричитала другая. — Со мной это всегда случается в сезон штормов. Ни один из весенних нарядов на меня просто не налезет! Теперь моим портнихам придется работать день и ночь, и все равно я несколько дней не смогу появиться на людях!

Шазад чувствовала, как кровь стучит у нее в висках. Ей казалось, что она вот-вот упадет в обморок. Произошло чрезвычайное событие, а эти безмозглые создания могут говорить только о своих тряпках! Принцессу охватило жгучее желание схватить плетку и пройтись ею по плечам и спинам этих никчемных идиотов. Шазад попыталась взять себя в руки. Если она даст волю своим чувствам, оскорбленные аристократки могут причинить ей немало вреда. Принцесса сосредоточила свое внимание на музыкантах. Она вдруг поняла, что они играют весеннюю полуденную музыку. Когда Шазад почувствовала, что может говорить спокойно, она обратилась к своим дамам:

— Я думаю, вам на самом деле лучше вернуться домой и заняться своим гардеробом. То, что мы видели, без сомнения, часть подготовки моего отца к войне против вторгшихся в нашу страну варваров. Он хочет двинуться морем на север и сделать это как можно быстрее. Огонь на маяке — древний сигнал для сбора флота. Вот и все. Это знак боцманам, чтобы они начинали вытаскивать пьяных матросов из кабаков, и офицерам, чтобы те возвращались на свои суда из загородных усадеб. Во время ведения военных действий королю не требуется держать советов со жрецами для принятия подобных решений.

Слова принцессы несколько успокоили взволнованных женщин, и они вернулись к своей обычной болтовне о тряпках. Шазад подумала, что, похоже, ее народ действительно близок к вырождению. В таком случае он достоин того, чтобы его завоевали варвары.

Когда придворные дамы ушли, Шазад отпустила слуг, оставив при себе лишь несколько личных рабов, и вернулась в свои покои. Она потребовала одежду для верховой езды и велела привести оседланного кабо. У принцессы не было никакого настроения для обычного парадного шествия по улицам города на носилках, которые несла на плечах четверка рабов.

Рабыни раздели принцессу и смыли с ее лица искусно наложенную косметику, осторожно распустили сложную прическу и выбрали из ее кос нити жемчуга. Шазад облачилась в плащ с широкими рукавами, кожаный жилет, короткие узкие брюки и высокие, выше колен, шнурованные ботинки из мягкой кожи.

— Уверена, у королевы Лариссы нет ничего подобного, — сказала она Тивале, одной из своих приближенных рабынь. — Когда она встает утром, то натягивает на себя какой-нибудь лоскуток ткани и ходит в нем весь день до вечера. Не сомневаюсь также, что бывают дни, когда она не утруждает себя надеть и его.

— Именно так, — согласилась Тивала.

— И тем не менее Ларисса — истинная королева. Ей не нужны роскошные тряпки, чтобы подтвердить свое положение. Она может ничем не прикрывать свою наготу, но все равно ее боится весь цивилизованный мир. Каждое ее желание беспрекословно выполняется. Вот в этом и заключается настоящая королевская жизнь!

— Ее подданные — дикари, хозяйка, обыкновенные пираты. Разве в них есть истинное величие?

Но Шазад знала, что это не так. Почти все королевские дома современности начинались с бандитов, пиратов, дикарей — достаточно сильных для того, чтобы завоевывать и удерживать завоеванное. С годами они приобретали лоск цивилизации, респектабельность, жрецы придумывали им подходящие родословные, восходившие к самим богам. Принцесса не сомневалась, что основатели королевской династии Навы были некогда такими же примитивными варварами.

Когда привели ее кабо, Шазад вскочила в седло и вихрем вылетела из дворца. Она была в таком возбуждении, что люди шарахались в стороны, когда принцесса мчалась на своем скакуне по узким улочкам столицы. В Касине

было запрещено ездить верхом в утренние часы, когда на рынки доставлялись продукты из окрестных крестьянских хозяйств. Разумеется, Шазад не обращала внимания на этот запрет, как и на множество других установленных для обычных людей правил.

Капли дождя падали с карнизов храмов, а дым от принесенных жертвоприношений клубами поднимался над мостовой, наполняя воздух запахом жареного мяса. Не только простолудины, но и жрецы с интересом глазели на дочь короля, которая галопом проносилась через главную площадь города.

Достигнув порта, Шазад направилась на север, к бухте. На одном из причалов спешно загружали баржу кулачными орехами, чтобы доставить их на маяк. Для того чтобы поддерживать пламя костра, каждые сутки требовалось очень много орехов. Небольшие группы рыбаков разгружали свои лодки. Эти маленькие суденышки выходили в море в хорошую погоду, а при первом признаке надвигающегося шторма возвращались в защищенную гавань. Если их все же застигала буря, то рыбаки использовали для защиты от бушующих волн водонепроницаемые полотнища, которые они растягивали между бортами.

В порту кипела бурная деятельность. У причалов в спешке готовили маленькие и большие лодки. Шазад проехала мимо ряда огромных складов, где чиновники наблюдали за тем, как распечатывают двери, а клерки с длинными пергаментными свитками, перьями и чернилами проверяли свои описи. Везде царили неразбериха и суматоха. Из открытых дверей не-

которых складов, где были соблюдены все положенные формальности, рабы выносили огромные мотки веревки, бочонки с краской и смолой, тяжелые тюки ткани, предназначенной для изготовления парусов. Рабочих рук явно не хватало — в такой короткий срок невозможно было собрать достаточное число работников.

Шазад, остановившись, наблюдала за происходившей на причале сценой. Чиновники начали проверку с дальнего конца. Шесть складов уже были открыты. Следующий оставался закрытым, а в восьмом открывали двери. Худой лысеющий писец искоса взглянул на пломбу, которой были запечатаны двери, с отметкой королевского дома.

— Склад номер восемь! — провозгласил толстый чиновник, напомнивший Шазад одного из верховных жрецов.

Писец тем временем быстро делал на пергаменте какие-то пометки. Королевскую печать, красовавшуюся на дверях, осмотрели и признали нетронутой.

— Ломайте печать! — решительно приказал толстый чиновник.

Рабы сломали печать и распахнули двери, клерки зашли внутрь и приступили к описи. Шазад направила своего кабо к толстяку, который, узнав ее, склонился в низком поклоне.

— Принцесса! Для нас большая честь... — Он выпрямился, стер со лба пот и представился елейным голосом: — Я Квама, глава службы поставок и снабжения морского порта. — Затем он пустился в объяснения: — То, чем мы сейчас занимаемся, должно было произойти только через два месяца, госпожа. Не правда

ли, эти хлопоты свалились на нас несколько неожиданно? Мы проверяем склады. Это чрезвычайно важное дело.

— Я вижу, что вы делаете,— перебила его Шазад.— Но почему вы не сделали этого до того, как двери были опечатаны?

— Конечно, принцесса.— чиновник говорил с ней, как с ребенком.— Правила предписывают производить повторную проверку. Первая происходит в присутствии специальных чиновников, а потом результаты сравнивают в Адмиралтействе.

— Чтобы выявить злоупотребления, не так ли?

— Именно так, принцесса. Конечно, подобное случается редко.

— А почему не открыли эту дверь? — спросила принцесса, указывая плетью на пропущенный склад.

Квама обернулся, как будто не понимая, о чем идет речь:

— О, это помещение, в котором хранится вино. Оно еще долго не понадобится, поэтому этот склад не распечатают до тех пор, пока не будут собраны команды кораблей.

— Откройте его!

— Прости, госпожа...— Квама оглянулся на стоявших неподалеку чиновников, бездельников и зевак.— Я не могу этого сделать... Нарушение заведенного порядка...

Шазад указала рукой на маяк, на башне которого был виден огонь:

— Обычная процедура уже, как ты имел возможность заметить, нарушена. Открывай! Я приказываю.

Квама скрестил на груди руки и с отчаянной решимостью произнес:

— Я отказываюсь. Только мое начальство...

— А кто, по-твоему, я, жалкий ублюдок? — Шазад ударила его рукоятью плети по лицу. На щеке Квамы выступила кровь, и тоненькая струйка потекла на воротник. Воцарилась тишина. Принцесса повернулась к лысому писцу.

— Проверьте печать на этом складе! — приказала она.

Тот осмотрел пломбу и побледнел.

— Склад номер семь! — выкрикнул он. — Королевская печать осмотрена в присутствии свидетелей! Обнаружено, что на ней имеются повреждения.

Шазад обратилась к стоявшему рядом морскому офицеру.

— Арестуйте его! — приказала она, указывая на толстого чиновника.

Офицер подал знак, по которому двое вооруженных людей скрутили Кваме руки. Принцесса подъехала к дверям склада и велела открыть их.

— Смотри, принцесса! — сказал писец. — Она была сломана, а затем скреплена воском.

Шазад велела рабу с молотком открыть двери склада, сохранив при этом обломки поврежденной печати. Когда рабы распахнули дверь, в ноздри мгновенно ударил запах прокисшего вина. Склад был заполнен рядами винных бочонков. Каждый сосуд был заткнут деревянной пробкой, запечатанной пчелиным воском. На полу стояли лужи липкого месива, от которого несло уксусом.

— Дай мне свой меч! — сказала Шазад морскому офицеру.

Тот передал ей оружие, и она направила кабо к ближайшему бочонку. Размахнувшись, принцесса ударила по нему мечом. Бочонок разлетелся вдребезги, и из него на пол вытекло чуть меньше галлона прокисшей мутной жидкости. Шазад проехала вдоль первого ряда сосудов, постукивая клинком по каждому, чтобы определить, есть ли среди них пустые.

Некоторое время спустя она выехала на свежий воздух и остановилась перед трясущимся Квамой, которого по-прежнему держали за руки двое солдат. Принцесса посмотрела на склады, из которых рабы выносили корабельный провиант.

— Вероятно, кража канатов и снастей приносит не такую большую выгоду, Квама? — поинтересовалась она зловещим голосом. Чиновник молчал, кровь продолжала стекать по его толстому подбородку. — Но кроме них в складах еще хранится вино. Король Навы закупает для своих солдат неплохое вино, поэтому здесь перед тобой открывается великолепная возможность для мошенничества, не так ли? Если продавать его в трактиры, можно получить баснословные барыши!

У тебя было достаточно времени, чтобы наполнить бочонки вместо вина этой мерзкой жижей, а также для того, чтобы подделать печать и ночью снова повесить ее на двери склада. Ты прекрасно знал, что еще не скоро объявят открытие мореходного сезона, поэтому ты успеешь заменить то, что сейчас находится в

бочонках, купленным тобой дешевым вином. Так было в течение многих лет, но не в этом году! — Она повернулась к охранникам: — Внимательно следите за тем, чтобы он не причинил себе вреда. На его казни будет присутствовать весь город. Если ему удастся уйти от справедливого наказания, вы займете его место на виселице или кресте.

Принцесса развернула кабо и в полном безмолвии направилась к причалу, где стояли военные корабли.

Причал блестел свежеструганным деревом, приятно пахло смолой. Рабы заносили на борта судов снаряжение и оружие: весла и канаты, щиты, связки стрел и копий, разобранные метательные машины.

Среди стоявших на палубе корабля моряков Шазад увидела своего отца. Пашир обернулся и с изумлением уставился на дочь, за спиной которой маячило окровавленное лицо Квамы.

Кабо принцессы отпрянул назад, прядая ушами, однако Шазад ударами плети по крестцу принудила животное вступить на сходни. Взобравшись на палубу, она спешила и подошла к отцу. Моряки расступались перед ней, словно принцесса болела чумой. Наконец она осталась лицом к лицу с королем. Принцесса похолодела, когда по суровому лицу Пашира поняла, что переступила все возможные границы. Король шагнул к ней и выхватил плеть из ее внезапно онемевших пальцев. Гнев перекошил его лицо, он сжал руку в кулак.

— Что все это значит, дочь? Как ты позволяешь себе обращаться с королевскими чинов-

никами? По какой причине ты осмелилась появиться на палубе моего корабля верхом на этом чудовище и помешать моему совету с офицерами? За подобную дерзость ты заслуживаешь наказания!

В страшном испуге Шазад упала перед отцом на колени, что раньше делала лишь на официальных церемониях. Опираясь руками в доски причала, она прижалась щекой к его ногам.

— Ты можешь убить меня, отец, но поверь: я сделала это для твоей пользы и пользы государства.

В это мгновение ее шея оказалась под пятой Пашира, и она с ужасом ожидала, что он ударит ее при всех.

— Объясни, что ты имеешь в виду, и побыстрее! — приказал король.

Шазад заговорила, стараясь как можно убедительнее описать все, свидетелем чему была. Когда принцесса закончила, Пашир взглянул в ту сторону, где стоял под стражей портовый чиновник.

— Все так, как сказала принцесса, — подтвердил офицер охраны. — Мы сохранили поврежденную печать. И ты, мой король, сам можешь взглянуть на пустые бочонки в седьмом складе.

С невероятным облегчением Шазад почувствовала, что отец снял ногу с ее шеи. Грубо схватив дочь за волосы, Пашир рывком поставил ее на ноги. После этого он обратился к офицерам:

— Отведите виновного в тюрьму. — Потом бросил подошедшим чиновникам: — При-

ступайте к своим обязанностям. Ты пойдешь со мной,— сказал он Шазад, взяв дочь за руку, и повел ее к носу корабля, где они остались наедине. Постепенно цвет лица короля возвращался в норму.— Никогда не встречался с подобной дерзостью! Я мог приказать казнить тебя!

Страх Шазад проходил, постепенно сменяясь злостью.

— Дерзость? Ты окружен изменниками и говоришь о моей дерзости? Когда-то ты предал казни всех мошенников в своем окружении. Может быть, сейчас у тебя найдется дерево, чтобы соорудить крест и для меня?

Король уставился на нее, перебирая пальцами конец плети. Уголки его рта медленно приподнялись в улыбке. Потом он неожиданно расхохотался. Напряжение спало. Пашир бросил дочери ее плеть.

— Держи! Похоже, ты владеешь ею лучше, чем шасинны своими копьями.

Мир был восстановлен. Шазад нежно взяла в ладони руку короля:

— Отец! Несколько месяцев назад ты обнаружил, насколько беспомощна твоя армия. Неужели ты думаешь, что на флоте дела обстоят многим лучше? Сейчас тебе представилась возможность выявить недобросовестность чиновников и восстановить порядок перед предстоящими сражениями на море.

Пашир кивнул:

— Ты права. Пожалуй, я должен был держать тебя при себе все эти месяцы. Но, видишь ли, мои приближенные уверены, что руководить ими может только мужчина.

Теперь наступила очередь рассмеяться Шазад.

— Мужчины! Приспособление между ног еще не делает их мужчинами, если у них души рабов и евнухов. Иногда мне кажется, что я единственный мужчина в твоём окружении. И единственный человек, которому ты действительно можешь доверять и на кого можешь полностью положиться.

Король печально вздохнул:

— Боюсь, это так... Что станет с Навой? — Он прошелся по палубе и обратился к офицерам: — Слушайте меня. На время этой кампании Морской службой будет управлять принцесса Шазад. Даже боги не помогут вам, если она обнаружит чью-либо недобросовестность.

Сердце Шазад радостно забилося, однако лицо оставалось бесстрастным. Она спустилась по трапу на причал. Офицеры проводили ее удивленными, настороженными взглядами. Принцесса была женщиной маленького роста, но не любила смотреть на подчиненных снизу вверх. Поэтому, когда один из чиновников подвел ей кабо, Шазад, вскочив на него, почувствовала себя гораздо увереннее.

— Слушайте меня! Я буду строго и тщательно следить за подготовкой и загрузкой кораблей. Буду проверять каждый фут веревки, каждое весло, каждую щепку. У нас еще есть время перед отплытием, и я могу приказать разгрузить любой корабль, чтобы внимательно все осмотреть. Каждого, кто окажется недобросовестным, я уволю, а уличенного в продажности предам казни. Это воля короля.

Чиновники смотрели на нее с недоумением и страхом. Они сознавали всю серьезность создавшегося для себя положения, так как видели, что принцесса не шутит. Эти люди всегда были готовы выслушать серьезные доводы, особенно когда понимали, что в случае неповиновения их ожидает суровая кара.

— Сегодня, еще не обладая необходимыми полномочиями, я обнаружила случай дерзкого воровства. Думаю, вы прекрасно понимаете, что плохое вино означает расстройство желудков и недовольство солдат. А плохо закрепленная катапульта или гнилая веревка могут обернуться катастрофой в бою. Что будет, если шторм сломает половину мачт, сделанных из непросушенного дерева? Не думаю, что в этом окажутся виноватыми моряки. Они как раз подвергаются в этом случае наибольшей опасности.— Шазад видела, как люди согласно кивали головами.— Но есть те, кто отвечает за все это,— поставщики, надсмотрщики, те, кто годами наживался на том, что их никто не проверял.— Она обвела собравшихся холодным взглядом.— Когда флот покинет Касин, это будет наилучший флот, который когда-либо существовал в Наве. Завтра я появлюсь здесь с первыми лучами солнца. Будьте готовы ответить на любой мой вопрос! Кстати, кто командует морской пехотой?

Вперед выступил человек в штатском:

— Я, принцесса Шазад. Капитан флота Харрах в твоём распоряжении.

— Поставьте хорошо вооруженных охранников на ночь возле складов. Я не хочу, чтобы кто-то прокрался ночью и уничтожил следы

своей преступной деятельности. И еще: завтра будьте одеты по форме!

— Как пожелает принцесса, — сказал Харах, поклонившись.

Он улыбался, но его улыбка не была дерзкой. По крайней мере хотя бы одному офицеру пришлось по вкусу перемена в руководстве.

Шазад направилась обратно во дворец. За спиной она слышала приветственные возгласы. Это радовало принцессу, но она испытывала определенную горечь, зная, что крики были бы куда громче, будь она мужчиной.

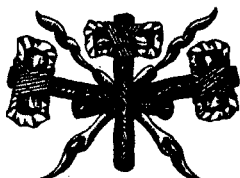
По дороге к дворцу ей пришла в голову еще одна интересная мысль. Конечно, было хорошо снова оказаться в центре событий, но перед ней еще стояло множество нерешенных проблем. Слова о веревке и дереве выдали неопытность принцессы в морском деле, но это было не так уж важно. Жизнь при дворе научила ее, что всеми знаниями не мог обладать ни один человек. Самое главное — выбрать опытных и знающих помощников. Она только хотела, чтобы эти помощники были не из числа королевских придворных.

Малк — вот кто был ей нужен! Он был одним из первых лиц Гильдии Морских Торговцев. Она уже не помнила, кто говорил ей о нем, но знала, что он чрезвычайно опытный мореход и необыкновенно честный человек. Как только она доберется до дворца, сразу пошлет за ним. Принцессу переполняла энергия и жажда действий.

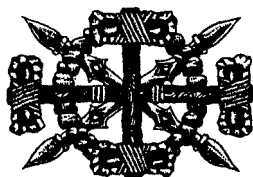
Мысли о ворах и мошенниках, которых она обнаружила, разозлили ее. Принцесса могла

понять мотивы предательства, но не мелкую продажность. Это был удобный случай заставить подчиняться ей королевские службы. Гораздо более приятное и достойное занятие, чем волноваться из-за того, подадут ей утром тапочки, украшенные жемчугом или же топазом.

Глава девятая

В

садники уже второй день при полном безветрии поднимались по пологому склону, которому, казалось, не будет конца. Впечатление усиливала серая пелена тумана, закрывавшая горизонт. К этому времени воины уже знали: в пустыне водится много норных животных, и опасность, что кабо могут оступиться и сломать ногу, была довольно велика. По приказу Хаэля отряд про-

двигался медленно: он не хотел потерять ни одного животного. К тому же в особой спешке не было необходимости — он рассчитывал быть в Наве еще до середины весны. Молодым воинам не терпелось вступить в бой, но они знали, что с королем лучше не спорить.

Жуткие летучие мыши оказались первыми, но далеко не единственными странными существами, с которыми пришлось столкнуться отряду. Не менее загадочными были и гигантские змеи, достигающие пяти десятков шагов в длину и не менее десятка локтей в обхвате. Они оставляли глубокие, похожие на канавы следы и поднимали голову только при приближении людей, однако не изъявляли желания нападать первыми. Хаэль предполагал, что эти змеи охотятся по ночам. Вот только на кого?

Под вечер утомительный подъем наконец закончился. Пелена, принятая всадниками за туман, оказалась гигантским облаком с поднимавшимся к нему от горизонта столбом дыма. Сверившись с картой, Хаэль определил, что источник дыма находится где-то на их пути.

— Может быть, горит трава? — высказал предположение Джоким.

— Здесь ее слишком мало, чтобы огонь горел так долго, — не согласился Хаэль. — Возможно, мы узнаем все завтра.

К утру их палатки и снаряжение оказались засыпанными пеплом. Пепел покрывал спины кабо и забивался в их ноздри.

— Что же это так горит? — спросил проснувшийся, как всегда, до рассвета Бамян.

— Пока не знаю, — пожал плечами Хаэль, надеясь с первыми лучами солнца проверить

правильность своей догадки, которая возникла у него еще вечером.

— Даже огонь в этих землях не такой, как везде,— проворчал Бамиан.— Лучше бы нам побыстрее убраться отсюда...

Как только солнце показалось над горизонтом, король, вскочив в седло, направил свою подзорную трубу в сторону столба дыма. В пустыне разглядеть что-либо можно только на рассвете: подзорная труба бесполезна днем, когда теплый воздух от разогретой земли как будто уплотняется и сквозь него невозможно что-либо толком рассмотреть.

— Курящиеся Горы! — воскликнул Хаэль.— Нечто подобное указано в моих картах к югу от этого места. Похоже, они находятся на самом севере тех земель, куда мы направляемся. Говорят, эти вершины возникли из земных недр глубокой ночью и буквально за несколько месяцев превратились в высокие горы.

— Так не бывает,— возразил Джоким.— Горы олицетворяют собой постоянство, они не могут расти, как цветы!

В тот день, когда солнце стало клониться к закату, отряд Хаэля наконец приблизился к источнику дыма. Вершина горы извергала из себя дым, издавая при этом гроыхающие звуки,— их было слышно за несколько миль. Ветер относил большую часть гари и пепла в сторону, что позволяло всадникам с изумлением наблюдать, как из кратера вырывается пламя и потоки жидкого огня стекают по его склонам. Резкий запах серы, огонь и грохот пугали животных. Хаэль решил не делать стоянки.

Ночной переход оставил позади извергающую пламя гору. Более всего Хаэля сейчас интересовало, есть ли в этих местах вода. Становилось все труднее находить даже маленькие, подернутые ряской водоемы. Люди приписывали это близости Курящейся Горы, но Хаэль не верил в такую связь. Его мучила мысль, что придется разбить лагерь, не имея поблизости источника воды.

Хорошо еще, что погода становилась более мягкой из-за поднявшегося ветерка. Отправившись они в поход в середине лета, жара была бы нестерпимой. Глубокие промоины, попадающиеся на земле, указывали, что в этих местах случаются редкие, но очень сильные дожди. На второй день после того, как войско Хаэля миновало Курящиеся Горы, посланные вперед разведчики возвратились в сильном возбуждении.

— Вода! — радостно крикнул разведчик-амси.

Удивленный и заинтересованный, Хаэль последовал за ними и через несколько миль увидел укромную пещеру. Когда люди вошли в нее, перед ними открылся удивительный вид. Зеленая площадка шириной в несколько сот ярдов была окружена деревьями и кустарником со странными пушистыми макушками. Кабо Хаэля почуял воду и едва не пустился галопом.

Хаэль въехал в тень деревьев, вдыхая аромат цветов и какой-то другой пряный, щеко-чущий ноздри запах. Вокруг фруктовых деревьев роились насекомые. Впереди он услышал шум падающей воды. Ему показалось странным, что в пещере может находиться водопад.

— Здесь, мой король! Взгляни на это, — сказал разведчик и направился к воде.

Хаэль последовал за ним и вскоре замер от изумления, увидев сделанный руками человека бассейн. Он был правильной прямоугольной формы, длиной около сотни шагов и вдвое меньше шириной. Его края были выложены каменной плиткой и поднимались над уровнем земли на несколько футов. Хаэль догадался: это было сделано для того, чтобы животные случайно не упали в бассейн. Вода оказалась кристально чистой, и король позволил своему кабо напиться.

На другой стороне бассейна стояла статуя — вырезанная из белого камня коленопреклоненная нагая женщина. На плече она держала кувшин, вода из которого падала в бассейн. Когда кабо утолил жажду, Хаэль подъехал к статуе и рассмотрел ее внимательнее.

Изваяние было из тяжелого белого камня, не похожего на известные ему материалы. Если она состояла из нескольких частей, то стыки между ними были совершенно незаметны. Вблизи камень не был идеально гладким, непогода оставила на нем свои следы. Сколько веков простояла здесь коленопреклоненная красавица? Хаэль осторожно прикоснулся рукой к статуе. В этом изваянии не было той грубой силы и злости, которая ощущалась в изваянии мужчины-стража. Неужели они сделаны одними и теми же людьми? Хаэль интуитивно чувствовал, что это не так. Надписей, оставленных на стене ущелья, тут не было. Почему она здесь? Неужели это богиня? Олицетворяла ли фигура женщины дух весны, щедро дающей

воду, или это просто дань человеческой красоте? Ему было ясно, что ответа он никогда не узнает. Пустыня полна тайн, и большая их часть останется неразгаданной.

Под своды пещеры вошла основная часть отряда. Увидев воду, воины радостно загалдели. Хаэль быстро отдавал приказания. В первую очередь нужно было напоить кабо, а затем наполнить меха. Животных расседлали и пустили пастись на зеленой траве. Король чувствовал, что ни в коем случае не следует нарушать гармонию этого дивного оазиса. Когда все необходимое было сделано, люди позволили себе окунуться в бассейн.

Полдень уже миновал, и Хаэль послал отряд охотников за дичью. Он нисколько не сомневался, что вблизи воды они могут найти много животных, но приказал не причинять вреда никаким созданиям, которые хоть чем-то напоминали домашний скот. Короля удивляло, что никто пока не обнаружил следы пребывания здесь человека. Вода и хорошая почва указывали, что эта земля когда-то обрабатывалась. Большинство деревьев были плодоносящими, и это тоже не выглядело случайным.

Возвратились посланные за дичью охотники. Они добыли жирного туну и какого-то животного, напоминающего спиралерога, только с двумя рожками. Вокруг быстро распространился аромат жареного мяса.

— Эта статуя мне гораздо больше нравится,— высказал свое мнение Джоким.

— По крайней мере, она не смотрит на нас так, будто хочет уничтожить,— согласился помощник командира амси.— Статуя в ущелье

больше походила на страшилище, которым пугают непослушных детей.

— Неужели все это сделали люди, мой король? — спросил Бамиан.

— Несомненно. Когда мы доберемся до Навы, вы увидите статуи, размерами значительно превосходящие эту. Однако я не думаю, что они более красивы. Странно видеть прекрасное изваяние здесь, так далеко от цивилизованного мира. Это место выглядит заброшенным, но главное в том, что здесь есть вода и корм для кабо.

— Возможно, здесь существует что-то пугающее людей, — предположил Джоким.

— Или же это место вовсе не заброшено, — сказал Хаэль. — Может быть, люди покинули его ненадолго. Они могут быть кочевниками, переходящими от одного источника к другому, чтобы не дать истощиться почве. Если это действительно так, они могут возвратиться в любую минуту.

Бамиан расхохотался:

— С нашим войском нам некого бояться.

Остальные командиры тоже засмеялись.

— Думаю, всерьез угрожать нам может только большая армия, — согласился Хаэль. — Но мне не хотелось бы портить отношения с местными жителями. Если мы встретим хозяев этой долины, будем вести себя с ними дружелюбно и предложим плату за постой. Следите за своими словами и поведением, чтобы не разозлить их и не вынудить напасть на нас. Это приказ. — После паузы он продолжил: — Люди, а главное животные, утомлены. Мы останемся здесь еще на день. Будем отдыхать и отъедаться.

Позже, когда костры уже догорали и большинство людей спали, завернувшись в одеяла, Хаэль направился к источнику, чтобы наконец смыть с себя дорожную грязь и пот. Почувствовав себя достаточно чистым, он вылез из воды и подошел к статуе. Постояв возле нее, он вдруг резко отвернулся, намотал набедренную повязку, взял копьё и направился к выходу из пещеры. Удивленный охранник отдал ему честь. Он знал, что королю лучше не задавать лишних вопросов.

Ночной воздух оказался холодным, однако Хаэль привык к суровым зимам в холмистых землях, где обитали мэтва. Здесь он чувствовал себя как в детстве на родном острове. Король шел около получаса, желая уйти подальше от спящих людей и животных.

Это было удовольствие, которое редко выпадало ему в последние годы, — побыть в одиночестве. Отойдя достаточно далеко, он остановился и раскрыл свой разум и душу окружающему миру. При этом он принял привычную для пастухов позу аиста — уперся пяткой согнутой ноги в колено другой, опираясь на копьё. Шасинны могли часами неподвижно стоять в такой позе.

Постепенно к Хаэлю пришло ощущение, что вокруг него находятся какие-то создания. На равнинах, в горах или на родном острове он неоднократно общался с различными существами. Но здесь все было по-другому — в пустыне животных вообще было немного, а в это время года большая их часть находилась в спячке. Кроме того, многие попрятались, почуяв приближение множества людей и животных. Вне-

запно он почувствовал какой-то сигнал, идущий с юго-востока. Он был довольно слабым, но все же обеспокоил его. Хаэль не мог понять, животное это или человек. Король редко мог воспринимать импульсы, исходящие от людей, и только в том случае, если те принадлежали к примитивным народам, по сравнению с которыми мэтва и амси можно было считать достигшими вершин цивилизации.

Хаэль было двинулся туда, но через некоторое время остановился: существо, привлечшее его внимание, оказалось намного дальше, чем он предполагал. Он хотел взглянуть на него, но понимал, что это неразумно. Со вздохом король повернулся и пошел обратно к пещере.

Хаэль возвратился в лагерь и вошел в раскинутый шатер. При его появлении несколько командиров пробудились от сна.

— На юго-востоке находится что-то непонятное. Но слишком далеко. Пошлем туда завтра разведку,— устало сказал он и лег в дальнем углу шатра, завернувшись в одеяло.

Командиры знали, что король не похож на других людей и может чувствовать то, на что остальные даже не обратят внимания. Если он сказал, что ощутил присутствие чего-то чуждого, значит, так оно и было. Именно по этой причине многие племена, враждовавшие ранее между собой, согласились следовать за ним. Хаэль обладал невероятной мистической силой. У людей этих племен не было богов, но они верили в различных духов, а Хаэль умел общаться с ними.

На следующее утро король послал разведчиков на юго-восток с заданием узнать что-

либо о непонятном явлении. Для этого он выбрал самых надежных людей. В полдень несколько разведчиков возвратились и доложили, что ничего не смогли обнаружить. Это беспокоило Хаэля, поскольку он и сейчас ясно ощущал присутствие каких-то живых существ на расстоянии не более лиги от себя. Возможно, они переместились за ночь с юго-востока в другое направление, которое королю было трудно определить, находясь среди своих воинов.

Днем всадники отдыхали, чистили и зашивали одежду, чинили упряжь и приводили в порядок кабо. Они расчесывали их блестящие гривы, наводили блеск на рога, обновляли рисунок, нанесенный на головы и тела животных, который, как они верили, защищали кабо от злых духов.

Все готовились приступить к дневной трапезе, когда воздух огласили крики. Люди, большая часть которых купалась в бассейне, схватились за оружие.

— Вернулись разведчики! — раздался крик часового.

— Откуда? — спросил Хаэль.

— С юго-востока.

— Помощники командиров! — окликнул Хаэль. — Соберите людей, постройтесь и приготовьтесь к выступлению. — Командиры пусть подойдут ко мне.

Началась жуткая суматоха. Юный воин подвел к Хаэлю кабо, и король вскочил в седло. Его лук был наготове, в колчане поблескивала оперением сотня стрел. К передней луке седла был приторочен длинный меч. Хаэль медленно

направил своего кабо сквозь густую растительность. За ним последовали его командиры.

— Они за той вершиной, мой король! — доложил дозорный. — Я видел их, когда они были на гребне горы. Затем они спустились в ущелье за ней.

— Сколько их? — спросил Хаэль.

— Четыре или пять десятков, мой король. И они передвигаются на...

— На чем?

— Посмотрите! — закричал один из командиров, указывая рукой в сторону ущелья.

Оттуда выехала группа всадников в свободных развевающихся одеждах, с длинными копьями в руках. Они миновали небольшую возвышенность и сейчас находились в двух сотнях шагов от людей Хаэля. Но не это было самым удивительным. У животных, на спинах которых сидели неизвестные всадники, было всего лишь по две ноги!

— Что это за создания? — спросил изумленный Джоким. — Птицы-убийцы? Пыльники?

Птицы-убийцы были самыми жестокими хищниками Равнинных Земель. Пыльники, их дальние собратья, питались только травой.

— Такой породы я никогда не видел, — сказал Хаэль. — И я никогда не слышал о людях, разъезжающих верхом на птицах.

Зачарованный, он смотрел на приближающихся всадников. По крайней мере, ему казалось, что это люди. Их фигуры было трудно разглядеть из-за широких одеяний, окрашенных в неяркие защитные цвета серых, рыжеватых и коричневых оттенков. Когда они подъехали ближе, Хаэль заметил, что их лица прикрыты

краем одежд. Перья птиц тоже не выделялись на фоне пустыни. Их головы покачивались на длинных шеях, на ногах торчали жуткие длинные когти. Было видно, что эти создания могут бегать очень быстро.

Всадники приблизились к ним на сотню шагов и остановились, словно по команде. Выглядело это так, будто птицы одновременно услышали какой-то приказ. Вперед выехал всадник на птице черного цвета.

— Я поеду и поговорю с ним,— сказал Хаэль.— Двигайтесь за мной, но остановитесь поодаль. Говорить с ним я буду один на один.

Люди Хаэля последовали за своим королем, стараясь не делать резких движений, однако держа копыта и стрелы наготове. Хаэль знал, что если их попытаются атаковать, то его воины в течение пяти секунд не оставят в живых ни человека, ни птицы. Он мог чувствовать себя в безопасности. Эти люди, без сомнения, никогда не видели ни копий, ни больших луков.

— Остановитесь! — приказал Хаэль, когда они подъехали на тридцать шагов к всаднику на черной птице.

Его люди придержали кабо, и дальше он двинулся один, пока не приблизился к незнакомцу на расстояние около трех шагов.

Кабо это создание явно не понравилась, но животное не испугалось. Всадник на птице сидел прямо, как статуя, опираясь на тонкое длинное копьё. Он произнес несколько непонятных слов, затем повторил их еще раз, значительно медленнее, и тогда Хаэль распознал один из южных диалектов, на котором он мог достаточно свободно изъясняться.

— Кто ты? — спросил всадник, лицо которого было закрыто до самых глаз.

— Я король Хаэль.

— Ты пришел с севера? До сих пор оттуда не приходил ни один человек. Где твой дом?

Хаэль махнул рукой назад:

— За этой горой. Луга высокогорных равнин и холмы.

— Ты прошел сквозь ущелье и миновал его стража? Это запрещено.

— Никто не запрещал нам этого, — пожал плечами Хаэль. — Страж ущелья не сделал ничего, чтобы остановить нас.

Правда, он тут же вспомнил, как беспокойно чувствовали себя и он сам, и его люди ночью, перед тем как увидели гору и ее хранителя. Если и было какое-то древнее заклятие, охранявшее долину от вторжения, то оно, несомненно, еще не иссякло полностью.

— Зачем ты сюда пришел?

— Мы пересекли пустыню для того, чтобы попасть в Наву, — терпеливо отвечал Хаэль. — Вам не нужно нас бояться. Мы не причиним вам зла. А как твое имя?

— Я Джоз. — Первый звук имени был гортанным, Хаэль не слышал его до сих пор ни в одном диалекте. — Мы вебба, и это наш оазис и наша земля. Ты и твои животные пьете нашу воду.

— Мы очень благодарны вам за это, уверяю тебя, — сказал Хаэль. — Нам не хотелось бы с вами ссориться. Мы не знали, чья это вода. В Равнинных Землях водоемы никому не принадлежат.

— Этим водоемом не может пользоваться кто угодно, — нахмурился Джоз. — Он был специально создан для наших предков богиней.

— Это, несомненно, доброе божество. Но мы тоже щедры. Мы несем с собой дары для тех, кого считаем своими друзьями. Ваша долина обильна и плодородна, и, надеюсь, мы не нанесли вам никакого ущерба. На этих землях трава, которую съели наши животные, вырастет достаточно быстро. Однако мы никогда не были в ваших краях, и нам очень пригодился бы проводник. Вы могли бы помочь нам пройти через эти земли.

Хаэль решил, что люди, которых они встретили, — кочевники. Они обычно обижались, если разговор заходил о плате за услуги, поскольку считали, что это приближает их к наемным работникам или торговцам. Но, с другой стороны, против подарков они никогда не возражали.

— Ты говоришь как благородный муж, — заметил Джоз. — Я спрошу у богини, не обидели ли вы ее. Дайте нам возможность проехать к бассейну.

Джоз натянул поводья, Хаэль поднял копье, и они, стремя к стремени, двинулись к оазису. По крайней мере, Хаэлю казалось так до тех пор, пока он не присмотрелся внимательнее и не заметил, что вебба не пользуются ни стременами, ни поводьями. Босые ноги Джоза упирались в бока птицы за короткими крыльями. За Джозом и Хаэлем двинулись другие всадники-вебба. Все птицы одновременно ступали с правой ноги. Это зрелище чрезвычайно удивило Хаэля.

— Если ты не возражаешь, я хотел бы узнать, о чем вы хотите спросить богиню.

— Не обижали ли вы ее. Одобряет ли она то, что вы пользовались водой, травой и фруктами.

— А если мы ей не понравились? — поинтересовался Хаэль.

— Тогда мы уьем вас, — спокойно ответил Джоз.

Хаэль едва не поперхнулся от сдерживаемого смеха. Как пять десятков всадников могут убить шесть тысяч прекрасно вооруженных воинов?

Когда они въехали в тень деревьев, вебба затянули какой-то обрядовый гимн. Хаэль безуспешно пытался разобрать его слова. Либо они пели на непонятном древнем языке, либо просто использовали бессмысленные певучие словосочетания. Возле бассейна птицы выстроились в одну линию на одинаковом расстоянии друг от друга. Они разом, как по команде, опустили шеи и принялись пить воду.

Воины Хаэля собрались вокруг, заинтересованные необычным зрелищем. Король, обеспокоенный, что это может вызвать недовольство вебба или их скакунов, приказал командирам отвести людей назад. В отличие от кабо, птицы, набрав воду в клюв, закидывали голову назад и шумно глотали.

Когда птицы утолили жажду, Джоз спешил и подошел к статуе. Хаэль с удивлением отметил, что он был небольшого роста, как и все остальные вебба, хотя верхом на птицах они выглядели довольно внушительно.

Джоз пропел что-то тихим голосом, поднимая вверх ладони. Затем он прижался лицом и

ладонями к каменному бедру богини и некоторое время оставался в этой позе. Потом выпрямился и что-то сказал своим людям, но так быстро, что Хаэль не разобрал его слов. Остальные всадники спешили и, вытащив из-под складок своих широких одеяний чаши, наполнили их водой и так же жадно, как их птицы, принялись пить.

Похоже, птицы вели себя как единое целое. Они прохаживались вдоль бассейна, покачивая головами и издавая негромкое курлыканье. Одна из них обнаружила свободный от травы участок и принялась купаться в пыли.

— Богиня одобряет ваше поведение, — сообщил Джоз. — Она говорит, что вы вели себя уважительно и ничем не оскорбили ее гостеприимства. Добро пожаловать на нашу землю!

— Тогда окажите мне и моим людям честь отобедать с нами. Мы как раз собирались принять за трапезу, когда дозорные сообщили о вашем появлении.

— С удовольствием присоединюсь к вам. Командиры! — крикнул Джоз. К нему подошли четверо мужчин. — Это моидесятники. Если не возражаете, они останутся со мной.

— Мы будем рады. Твои люди могут расположиться вокруг костров и разделить трапезу с моими воинами.

Они подошли к костру, у которого было место короля, и опустились на землю. Джоз и его командиры тщательно прикрыли скрещенные ноги складками одежды.

— Вы пришли с юго-востока, — сказал Хаэль. — Я посылал в том направлении разведчиков. Как они могли не заметить вас?

— Когда мы хотим, чтобы нас не видели, мы уходим в ущелья. Наши птицы могут низко пригибаться к земле. Я потом покажу вам, как они это делают. А у вас есть птицы, на которых ездят верхом?

— Нет. У нас есть такие же большие птицы, как у вас, но мы не умеем ездить на них. Птицы-убийцы слишком опасны, а пыльники недостаточно сильны, чтобы нести на себе человека. А ваши люди ездят на кабо?

— Эти животные нам не подходят,— сказал Джоз.— К югу отсюда люди ездят на кабо и горбунах, но эти народы более примитивны, чем вебба.

— Что едят ваши птицы? — поинтересовался Хаэль.— Я заметил, что они не притрагивались к опавшим фруктам.

— Они питаются мясом. Мы делимся с ними тем, что добудем на охоте.

Вскоре подали жареное мясо, и серьезный разговор на время прекратился. Один из людей Джоза принес широкий лист, на котором лежали фрукты, сорванные с деревьев, что росли в оазисе. Жители Равнинных Земель пока не отваживались их попробовать, хотя многие плоды выглядели весьма соблазнительно. Мясо любого животного, если его хорошенько прожарить, почти всегда безвредно, но никто не знал, что может случиться, если съесть незнакомый фрукт или растение. Следуя примеру вебба, люди Хаэля попробовали фрукты и нашли их очень вкусными. Это приятно разнообразило их рацион, особенно для живущих среди холмов мэтва, которые, в отличие от амси, предпочитали растительную

пищу. Вебба кормили птиц мясом из пристегнутых к седлу каждого всадника мешков.

Когда был утолен первый голод, завязался серьезный разговор.

— Для чего вы пересекли горы и идете так далеко через пустыню? Мы знаем, что в Наве люди ютятся в маленьких тесных клетушках, словно испытывают ненависть к солнцу, небу и вольному ветру.

— Мой брат, король Навы, попросил меня о помощи. Он ведет тяжелую войну и, несмотря на то что обладает сильной армией, хочет, чтобы к нему присоединился я с моими верховыми лучниками.

— Война! — Голос Джоза стал более оживленным. — Война не только сражения, но и богатая добыча!

— Несомненно. Хотя в цивилизованных государствах часто умалчивают об этом. Не хотели бы ты и твои спутники присоединиться к нам? Уверен, мой брат, король Пашир, будет чрезвычайно рад таким неожиданным союзникам. Ваши птицы повергнут в ужас противника одним своим видом.

Джоз разочарованно вздохнул:

— Увы, это невозможно. Наши птицы не могут покидать свой дом — пустыню. Мы множество раз пытались выводить их в джунгли юга или на восток, но за пределами пустыни эти создания становятся вялыми и безжизненными. Здесь находятся их духи. Но все равно я благодарен тебе за любезное предложение.

— Жаль! — искренне сказал Хаэль. Теперь, когда между ними и вебба установились дружеские отношения, пора было подумать и о

деле. — Для того чтобы поспеть в Наву вовремя, мы должны двигаться быстро и без задержек. У меня есть карты, на которых изображены эти земли, но они сделаны очень давно, и я не совсем им доверяю. Мы крайне нуждаемся в проводниках, хорошо знающих пустыню.

Джоз кивнул:

— Это правильно. Только местные жители знают, где здесь находится вода, без которой такому количеству людей и животных не прожить и дня.

— Верно. К тому же опытный проводник помог бы нам сберечь много времени: ему удалось бы убедить людей, через чьи земли нам придется проходить, что мы идем с миром и не собираемся причинить кому-либо вред. Ты не мог бы оказать нам эту помощь?

Джоз, отодвинув край одежды, прикрывавшей его лицо, важно почесал подбородок. У него было красивое лицо с правильными точечными чертами, окаймленное небольшой бородкой пронзительно-красного цвета.

— Думаю, что смогу. Мы отправимся с тобой, и вам не будет грозить какая-либо опасность, ибо все жители пустыни боятся вебба.

Хазлю было не так-то легко представить, как целое племя может бояться пяти десятков всадников, хотя бы и верхом на птицах. Ну что ж, тогда они подавно испугаются шести тысяч всадников на кабо.

— Я очень рад, что вы будете нас сопровождать.

— Мы направляемся на юг, и нам будет приятно совершить это путешествие с хоро-

шими спутниками. Правда, мы собирались поохотиться в этих местах — они богаты дичью.

— Нет никакой нужды менять ваше решение, — сказал Хаэль. — Мы замечательно провели этот вечер у чудесного водоема, подаренного вам богиней. Если ты не возражаешь, мы, в свою очередь, хотели бы отблагодарить вас...

Порывшись в седельных сумках, Хаэль достал украшения тонкой работы и несколько мотков медной проволоки. Он взял с собой и золотые монеты, но хотел сохранить их до встречи с более цивилизованными племенами, тогда как любой металл высоко ценился всеми. Джоз отнесся к дарам так, словно они были не более чем знаком внимания, а он принял их лишь для того, чтобы выказать свое уважение к дарителю.

На следующее утро армия короля Хаэля в сопровождении всадников на птицах двинулась на юг.

Глава десятая

К

огда принцесса Шазад взойшла на борт «Отблеска Луны», капитан и команда склонились перед ней в почтительном поклоне. Посещая порт, она обычно надевала костюм для верховой езды который более всего подходил для ее нынешнего образа жизни. Женской морской формы не существовало, и принцесса боялась, что будет выглядеть нелепо, если попытается носить мужскую.

Сейчас, когда она завоевала уважение этих людей, Шазад не могла позволить себе быть смешной.

«Отблеск Луны» был ее личной яхтой, на которой она устраивала в хорошую погоду увеселительные прогулки. Теперь принцесса приказала полностью перестроить и переоснастить яхту, превратив ее в быстроходный парусник. Она уменьшила размеры своей роскошной спальни, чтобы увеличить устойчивость судна. Изящную легкую мебель заменили на более скромную, на нижней палубе установили скамьи для гребцов, вдоль фальшбортов теперь тянулись уключины. Ее корабль был выкрашен в зеленое и желтое — традиционные цвета наванского флота. Паруса, как и у флагмана ее отца, были в красную и белую полоску — цвета королевской семьи.

Принцесса отсалютовала в ответ, с удовлетворением слушая подбадривающие крики из толпы, собравшейся вдоль причалов и на огромной площади за складами. В течение нескольких недель, если позволяла погода, люди приходили на берег, чтобы посмотреть, как строится и крепнет наванский флот. Корабли всегда были гордостью Касина. Принцесса, усердно следившая за восстановлением флота, теперь была самой популярной личностью в королевстве — разумеется, не считая ее отца.

Шазад донесли, что в народе уже знают, кто именно отвечает за восстановление флота. Собственно, она сама посылала агентов в город для того, чтобы те распространяли эти слухи. Повсюду: в тавернах, игорных домах, борделях — говорили о принцессе, которая

оказалась более способной к делу, чем кто-либо из вельмож, и взяла управление пришедшим в упадок флотом в свои руки, чтобы возродить его былую славу. Теперь Шазад панически боялись все, кто был хоть как-то замешан в казнокрадстве, мздоимстве или растратах.

Одного взгляда на мол перед торговым портом было достаточно, чтобы увидеть первые результаты ее деятельности: несколькими рядами тянулись кресты, на которых были распяты тела чиновников, пользовавшихся когда-то неограниченным доверием короля. Шазад сразу же показала себя проницательным и беспощадным руководителем. В отличие от адмиралов и знатных вельмож, которые до сих пор спокойно наблюдали за этими неизбежно, по их мнению, сопровождающими армию явлениями, принцесса не считала тщательные проверки чем-то ниже своего достоинства. Тайные сделки и недобросовестность оказались наименьшими из обнаруженных ею зол: принцесса выявила шпионаж и предательство. Найденные Шазад бумаги министров и более мелких чиновников дали тому неопровержимое доказательство.

В один из дней она выстроила в шеренгу всех имевшихся в распоряжении флота гребцов. Мужчины были полностью обнажены и поеживались не столько под порывами свежего весеннего ветерка, сколько под проницательными взглядами принцессы. Шазад прошла вдоль них, подвергнув каждого тщательному осмотру, проверяя прежде всего силу и крепость мускулов. Все, у кого был

обнаружен хоть малейший признак слабости или болезни, были немедленно списаны. Когда осмотр завершился, Шазад выбрала четыре десятка наиболее сильных и красивых мужчин в команду гребцов «Отблеска Луны».

Теперь, когда до выхода в море оставался один день, Шазад была полностью удовлетворена тем, что ей удалось сделать. Флот выглядел совершенно преображенным. Единственное, в чем она не могла быть целиком уверенной, так это в его руководстве. Но это от нее не зависело, о чем принцесса искренне сожалела.

Она вовсе не считала, что не подобает распространять слухи, поднимающие ее репутацию в глазах обывателей Касина. Эти слухи не содержали неправды, и могло случиться так, что ей не помешает поддержка даже простого народа. К тому же Шазад считала необходимым изгладить в памяти людей дурную славу, которой она пользовалась ранее. Довольно долго принцесса была известна в Наве своими изощренными развлечениями и тем, что отправляла запрещенные религиозные культы. Несколько лет назад распространился поразивший всех слух о том, что она отравила своего мужа. На самом деле принцесса не была в этом виновна, но сочла ниже своего достоинства оправдываться. Подобные подозрения удерживали знатных нобилей, искавших альянса с ее отцом, от того, чтобы просить ее руки. До последнего времени Шазад не стремилась к повторному замужеству. А сейчас она даже обнаружила, что ее вдовство можно было выгодно использовать.

— Каковы будут твои приказания, принцесса? — спросил капитан «Отблеска Луны».

— Сделаем круг по гавани, капитан Саан.

Под музыку флейт гребцы прошли обряд посвящения. Это была красивая древняя церемония, которая за много веков превратилась в некое подобие танца. В этом ритуале каждый гребец брал весло, стоявшее на подставке у мачты, и подходил к своему месту на скамейке. Затем гребцы одновременно садились, вставляли весла в уключины и поворачивали их точным движением.

Под сменившую ритм мелодию весла поднимались и опускались, поднимались и опускались. «Отблеск Луны» отошел от берега. Послышался особый сигнал, и гребцы плавно развернули парусник. Ритм мелодии снова поменялся, и судно, увеличивая скорость, пересекло гавань. Толпа на берегу начала аплодировать, увидев, с каким мастерством был исполнен этот маневр.

Шазад сидела на корме под навесом. Она дала указание Саану пройти вдоль строя кораблей, стоявших на якоре. Вдоволь налюбовавшись ими, принцесса приказала пройти мимо них еще раз, чтобы осмотреть каждое судно критическим взглядом. Глава Гильдии Морских Торговцев капитан Малк оказался для Шазад неоценимым наставником и помощником. Он научил принцессу определять установку балласта, и теперь она могла, наблюдая за тем, как корабль покачивается на волнах, сделать вывод, правильно ли он размещен.

Они с Малком тщательно подсчитали необходимое для похода количество запасов, а ка-

питан Саан поделился своим многолетним опытом по закупке лучших канатов, парусов и других снастей, необходимых кораблям в походе. Он лично управлял переоснасткой «Отблеска Луны» и набирал матросов в экипаж корабля.

Роль парусника принцессы в предстоящей операции оказалась камнем преткновения между Шазад и ее отцом.

— Я должна участвовать в этом походе, отец! — настаивала она. — Я спасла флот от разграбления, я возродила его. Он мой! И я должна быть вместе с вами!

Король резко повернулся. В его взгляде горел такой гнев, что принцесса испугалась, но продолжала настаивать на своем.

— Твой флот? — прогремел Пашир. — Я король Навы! Все здесь принадлежит мне! Только потому, что я позволил тебе исполнять кое-какие обязанности чиновника...

— Чиновника? — воскликнула Шазад. — Много ли твоих подчиненных способны выполнить ту грязную работу, что успела сделать за это время я? К тому же моряки любят меня, и сознание того, что я с ними, укрепит их дух.

Король немного успокоился:

— Ты женщина, дочь моя, и я не хочу, чтобы ты рисковала собой в предстоящей битве.

Она улыбнулась и сжала его руку.

— Отец, я знаю, как ты обо мне заботишься, но пойми: во время боя «Отблеск Луны» будет оставаться на определенном расстоянии от места сражения. Я не настолько глупа, чтобы идти на таком судне против военных кораблей. Ты на своем флагмане будешь рисковать намного больше, так как настоял на том,

чтобы самому командовать эскадрой. Если я потеряю тебя, то не осмелюсь вернуться в Кассин: за последние несколько недель у меня появилось огромное множество врагов в столице. Но зато я смогу возглавить погоню за твоими убийцами.

В конце концов король поддался на уговоры дочери. Несмотря на испытываемое ею удовлетворение, Шазад была вынуждена признать, что это также свидетельствует о том, что ее отец утратил былую силу. Раньше он или сразу сказал бы «да», или бы просто ударил ее, но никогда не стал бы спорить. Принцесса подумала: очень хорошо, что она будет сопровождать эскадру. Не исключено, что ее помощь может понадобиться королю.

В последний раз осмотрев величественный строй кораблей, Шазад почувствовала такие гордость и удовлетворение, какие ей уже давно не доводилось испытывать. Эта армада представляла собой реальную силу, и сейчас принцесса, как никогда, понимала, что власть была единственной целью в мире, которая стоила, чтобы за нее сражаться в смертельном бою или плести сложные интриги. Прежние развлечения казались ей теперь всего лишь глупым ребячеством. Сейчас она со всей ясностью поняла, что именно двигало Гасамом.

Наконец наступил знаменательный день выхода в море. Со всех стен свисали, развеваясь на ветру, знамена. Над храмами поднимались столбы дыма: были принесены обильные жертвы богам, чтобы те даровали успех в походе и уберегли флот. Береговым оркестрам вторили с палуб кораблей барабанщики и трубачи.

Все горожане и большая часть населения близлежащих деревень собрались около причалов, чтобы проводить эскадру Навы, которая шла на север вернуть королевству былую славу и честь. Люди пели гимны и молились богам моря и ветров. На берегу развернулась огромная ярмарка со множеством балаганов. В этом году она была устроена намного раньше обычного. Когда раздались удары установленного на флагмане огромного барабана, многотысячная толпа затихла.

Как бесчисленные конечности многоножки, на бортах кораблей появились весла, число рядов которых соответствовало количеству их палуб. Первым с тяжеловесным достоинством стал набирать ход «Дракон войны». Под взмахами весел огромный корабль возглавил шествие эскадры. В кильватер флагману, медленно и величаво, словно придворные дамы в торжественном танце, проследовали остальные корабли. Сначала шли суда с тремя рядами весел, потом с двумя, а затем — парусники, на которых вдоль каждого борта мог уместиться только один ряд гребцов. Замыкал процессию «Отблеск Луны».

Суда с грузом провианта и других запасов должны были последовать за боевыми кораблями через несколько дней. Их было очень много, так как наванской эскадре предстояло провести в море не одну неделю.

Когда эскадра легла на курс, «Дракон войны» поставил два красно-белых паруса. Следующие за ним корабли развернули паруса красного или коричневого цвета. Величественная процессия медленно начала набирать скорость,

проводимая ликующими криками собравшейся на берегу толпы.

Шазад вытянулась на кушетке под золотым навесом, установленным на палубе «Отблеска Луны», и в первый раз за многие дни смогла по-настоящему расслабиться. Она сделала все, что было в ее силах, и теперь спокойно наслаждалась морской прогулкой. Принцесса взяла с собой только одного раба и девочку-рабыню, которая сидела у ее ног, держа в руках поднос с изысканными кушаньями и бокалом охлажденного вина.

Поскольку судно шло под парусами, гребцы отдыхали, растянувшись на палубе. Представители многих рас, все они были сильными, привлекательными мужчинами. Шазад восхищалась буграми их мускулов, перекатывающихся под загорелой блестящей кожей, и запахом здорового пота, смешанного с маслом кулачных орехов, которым она приказывала им натирать тело каждое утро. Принцесса лениво размышляла о том, что надо бы выбрать того, с кем можно провести предстоящую ночь, но вдруг с удивлением осознала, что ей этого совсем не хочется.

В чем дело? Прошли недели... Да нет, месяцы с тех пор, как в ее постели был мужчина. Но Шазад как будто и не чувствовала потребности в плотских утехах. Подумав, она нашла объяснение этому: со дня битвы с варварами ее интересовал только один мужчина — Гасам.

Принцесса протянула унизанную кольцами и браслетами руку, и девочка вложила в нее запотевший кубок с вином. Эта девчонка была превосходной рабыней. Немая с рождения, она

умела необыкновенно точно и быстро улавливать любое желание своей госпожи. К тому же она прекрасно слушала и никогда не утомляла Шазад своей болтовней, которой обычно надоедали своим хозяевам даже самые лучшие рабы. А самым ценным было то, что девочка не могла выдать ее секретов. Шазад пригубила вино, произведенное в одном из ее собственных имений.

— Мина,— сказала она девочке,— у нас теперь великолепный флот, и я уверена, что мы будем по-прежнему властвовать на море. Но сомневаюсь в правильности стратегии моего отца.

Девочка кивнула. Ее огромные зеленые глаза серьезно смотрели на хозяйку из-под копны каштановых волос. Шазад говорила с девочкой, так как ей было легче всего привести в порядок мысли, когда она высказывала их вслух. Было всего несколько людей, которым она могла довериться.

— Например, я считаю, что мы слишком рано выступаем в поход. Король Хаэль со своей армией прекрасно вооруженных воинов с Равнинных Земель еще находится в пути. Я думаю, отцу следовало подождать, пока прибудет войско Хаэля, и только потом, соединив обе армии, двинуться к Флории, поручив морскую операцию кому-нибудь из своих адмиралов. Таким образом, он нанес бы Гасаму удары и с суши, и с моря одновременно. Отец утверждает, что хочет пресечь переправу воинов с Островов, но я думаю, что он просто слишком нетерпелив и горит желанием отплатить за свое унижение.

После небольшой паузы принцесса продолжала:

— Я когда-нибудь говорила тебе, что очень давно Хаэль был моим любовником? — Девочка помотала головой. — Это было задолго до того, как ты стала моей рабыней. Он был замечательным... Самым красивым из всех, кого мне доводилось до тех пор видеть. Но все же он был просто мальчиком. — Она с сожалением заглянула в бокал. — Он и Гасам — люди одной расы, но они такие разные! Это все равно, что сравнивать «Дракона войны» с «Отблеском Луны». Не сомневаюсь, Гасам не выглядел мальчишкой, даже когда был молод. Конечно, Хаэль теперь тоже возмужал и вырос. Смешно! Когда я видела его в последний раз, у него было одно копьё и кабо, что дал ему мой отец, он сопровождал караван, как простой охранник. А теперь он король. Хаэль, должно быть, стал интересным мужчиной. Возможно, таким же привлекательным, как Гасам...

В течение двух дней эскадра огибала юго-западное побережье материка. Стояла благоприятная для плавания погода, легкий бриз наполнял паруса, и гребцы садились на весла лишь для того, чтобы поддерживать себя в должной форме. Почти каждый вечер слегка штормило, но волны не представляли опасности для наванских кораблей, а дождь наполнял резервуары свежей водой, которой хватало даже для мытья. Это было воспринято как хороший знак для начала похода, поскольку за время длительного плавания, когда вода выдается небольшими порциями, ко-

рабли могли превратиться в дурно пахнущие плавучие трущобы. К вечеру третьего дня эскадра достигла Мыса Отчаяния. Огромная скала вырастала из моря, напоминая вознесенный к небу кулак разгневанного бога. Здесь по сигналу флагмана корабли бросили якорь.

Шазад приказала капитану Саану подойти к «Дракону войны». Король Пашир вышел на палубу и, улыбнувшись, помахал рукой дочери.

— Что мы здесь делаем, отец? — спросила она, глядя вверх и прикрываясь ладонью от низкого солнца.

— Ждем, — коротко ответил Пашир и не добавил больше ничего.

Конец этого дня и весь следующий эскадра стояла на якоре. Заскучавшая Шазад хотела было искупаться в чистой голубой воде, но потом решила, что не стоит делать это на глазах у мужчин. Принцесса чувствовала, что в ее новом положении ей это не подобает. А посему не оставалось ничего, кроме томительного ожидания. Как всегда, принцесса поделилась своими соображениями с рабыней.

— Король ведет себя как мужчина, не так ли? — спросила Шазад. — Он хочет показать, что у него даже сейчас остаются свои дела, в которые я не должна вмешиваться. — Она потягивала ледяное вино и мучилась от безделья. За последнее время принцесса привыкла постоянно быть занятой.

Утром следующего дня Шазад лежала на своей узкой койке, убаюкиваемая легким покачиванием яхты. На тюфяке рядом с ней тихо посапывала девочка-рабыня. Принцесса не могла понять, что ее разбудило. С палубы

слышались обычный легкий шум и приглушенные голоса часовых. Вся команда имела строгие указания не разговаривать громко, пока принцесса спит. Затем она услышала какие-то доносившиеся издалика звуки, сильные и ритмичные. Может быть, гремел гром? Если так, значит, этот гром был не похож на тот, который ей доводилось слышать во время грозы.

— Вставай,— сказала она рабыне, ласково похлопав ее по смуглому плечу. Девочка села, протирая глаза.— Что-то случилось. Поторопись, мне нужно поскорее привести себя в порядок.

Девочка встала, наполнила водой серебряный кувшин и помогла госпоже умыться, причесать волосы и одеться. После этого принцесса вышла на палубу.

Последние ночные звезды исчезали с неба, которое на востоке уже начинало розоветь. Шазад слегка дрожала, так как весной по утрам было весьма прохладно. Вне каюты звук был слышен более отчетливо. Свободные от вахты матросы собрались на палубе, их взгляды были обращены на юг.

Шазад подошла к ним. В утреннем тумане рассмотреть что-либо было можно лишь на расстоянии нескольких сотен шагов. Когда совсем рассвело, принцессе показалось, что она видит по левому борту четыре корабля, но выглядели они как-то необычно. Шазад повернулась к человеку, стоявшему рядом с ней. Она вспомнила, что это был флейтист, который задавал ритм гребцам.

— Что это? — спросила принцесса.

Музыкант улыбнулся, обнажая щель между передними зубами:

— Чиванские военные галеоны, принцесса. Два самых больших корабля.

Сейчас уже было отчетливо видно, что приближающиеся корабли имели по два корпуса с двубортной весельной оснасткой, каждый из которых превосходил размерами «Дракона войны». На соединяющих корпуса общих палубах возвышались массивные носовые и кормовые надстройки. Катамараны имели мощную парусную оснастку, нок-реи были двойной толщины. Зловещие тени метательных орудий выступали с палуб и надстроек. Шум доносился с этих чудовищ: это гигантские барабаны отбивали ритм сотням гребцов.

К принцессе подошел капитан Саан:

— Ты когда-нибудь видела таких монстров, госпожа?

— Никогда,— ответила принцесса. Шазад была крайне удивлена, и удивление было даже сильнее ее вспышки гнева.— Почему мне не доложили о том, что происходит? Что это за корабли? Я, конечно, спрашиваю не о тех, которые вижу сейчас перед собой.

— Чиванцы — слабые мореходы, поэтому предпочитают строить корабли с большой остойчивостью. Они медлительны, как само время, но на море нет ничего более могущественного. Это настоящие плавающие крепости. Однако их гребцы не могут выполнять роль легковооруженных солдат, как у нас — чиванцы сажают на весла рабов, скованных цепями.

Солнце, поднимающееся над горизонтом, окрасило паруса катамаранов в пурпур с оттен-

ком золота. Ритмичный звук барабана окончательно разбудил принцессу. Она захотела побывать на борту этих чудовищ. Матросы на паруснике оживленно обсуждали приближающиеся корабли. Большею частью их отзывы о мореходных качествах чиванских судов были пренебрежительными: говорили об их больших размерах и неуклюжести, медлительности и плохой маневренности, а также о том, что эти галеоны были попросту огромными плавучими тюрьмами. Однако об этом упоминали с оглядкой, вполголоса. И все же наванские моряки были поражены видом тяжеловесной силы, которую олицетворяли собой морские монстры чиванцев.

Шазад никогда не была в Чиве, и единственными представителями этой страны, с которыми ей доводилось встречаться, были послы и торговцы. Она знала, что Чива — очень богатое государство, что там отправляют кровавые мрачные религиозные культы и приносят богам человеческие жертвы. Чиванцы торговали и вели войны в основном с южными соседями. Во время правления двух предыдущих монархов Чива установила дружеские отношения с Навой.

Через несколько минут на мачте «Дракона войны» появился сигнал о том, что Шазад должна прибыть к королю. Саан отдал приказ, и «Отблеск Луны», обогнув строй, пришвартовался к флагману. Шазад вернулась в свою маленькую каюту и подозвала Мину:

— Быстро! Мне нужно выглядеть наилучшим образом!

Один из чиванских кораблей бросил якорь возле «Дракона войны». Верхняя палуба ги-

гантского катамарана возвышалась по крайней мере на пятнадцать футов над флагманом. С помощью длинной выносной стрелы с катамарана на борт «Дракона войны» опустили изысканный трап, который сопровождающие его чиванские матросы закрепили на борту флагмана, упав ниц перед королевскими особами.

— Ты уверен в безопасности этого приспособления, отец? Оно может упасть, и мы разобьемся.

— Думаю, они знают, что делают. Вряд ли чиванцы станут подвергать риску главу союзной державы. Следуй за мной, дорогая, и старайся не смотреть вниз!

В то время как король и его дочь вели этот разговор, их лица оставались совершенно бесстрастными. Пашир великолепно выглядел в своих парадных доспехах и красной мантии, его волосы и борода были выкрашены в черный цвет. Шазад надела роскошное платье, предназначенное для летних приемов на свежем воздухе, обильно наложенная косметика придавала ее лицу подобие маски, как требовал придворный этикет при приеме иностранных гостей.

Шазад шла в трех шагах позади отца. Когда принцесса ступила на трап, она увидела, что он покрыт красивой зеленой тканью. На палубе чиванского корабля матросы дули в конусообразные морские раковины с низким звуком. Эти звуки сопровождали удары маленьких барабанов и звон колокольчиков. На вершине трапа стоял человек, одетый в набедренную повязку из дорогой ткани. На его плечи была

наброшена яркая накидка из перьев. Когда Пашир и Шазад взошли на борт, он поклонился и отступил назад. Пожилой мужчина, стоявший на коленях у трапа, при их появлении поднял руки ладонями вверх и закричал высоким дребезжащим голосом:

— Тысячу раз приветствую тебя, король Пашир, славный правитель Навы, брат короля Диваза Девятого, короля Чивы! Приветствую пятьсот раз тебя, принцесса Шазад, дочь короля Пашира из Навы, дочь сердца короля Диваза Девятого чиванского! Приветствую вас тысячу пятьсот раз на борту «Пяты Диваза на шее предводителя варваров».

Язык, на котором старик произносил приветствие, был южным диалектом, который Шазад заставляли учить в детстве.

— Все возможные почести тебе, король Пашир, и тебе, принцесса Шазад,— сказал человек в накидке из перьев.— Я контр-адмирал принц Мачаз, сто двадцать пятый сын короля Диваза Девятого.

Шазад не удержалась и моргнула, тут же разозлившись на себя за то, что не смогла сдержать свое удивление, и порадовавшись, что отец не заметил ее оплошности. Пашир говорил ей, что принцесса крови должна быть способной не моргнуть даже тогда, когда муха усядется на ее глазное яблоко.

— От лица королевства Навы мы приветствуем тебя, принц Мачаз! Добро пожаловать на наш королевский флот! Офицеры нашего флота выражают надежду на успешные совместные боевые действия,— произнес Пашир.

Стоящий за его спиной глашатай выкрикнул приветствие, используя принятые ритуальные выражения.

Мачаз снова поклонился.

— Это,— сказал он, указывая на человека, одетого почти так же, как он сам,— морской министр Чивы, принц Штичили, восемьдесят девятый сын короля Диваза Девятого и командир другого нашего корабля «Вечно победоносный король Диваз».

В процессе длительного ритуального приветствия королю Паширу в соответствии с их табелем о рангах были представлены остальные чиванские аристократы. Затем Пашир представил своих старших офицеров, которые сопровождали королевскую семью на чиванский корабль.

Наконец обмен любезностями закончился, и Мачаз предложил королю и его дочери осмотреть корабль. На небольших жаровнях, расставленных по всему кораблю, курились благовония. Однако даже их резкий пряный запах не мог заглушить вонь множества тел прикованных к скамьям гребцов. Без сомнения, в отличие от наванских собратьев с «Отблеска Луны», их не заставляли принимать ежедневные ванны.

Офицеры и команда катамарана, собравшиеся на огромной палубе, преклонили колени перед королем и его дочерью. Кроме двух громадных надстроек на каждом конце палубы было еще несколько строений, украшенных в своеобразном чиванском стиле. Матросы в ярких набедренных повязках и головных уборах из перьев имели лакированные доспехи из

расщепленного бамбука, обтянутые кожей рептилий, и были вооружены короткими мечами и секирами с каменными и бронзовыми лезвиями. Большинство людей, как успела заметить Шазад, носили тяжелые кольца в продырявленной нижней губе и в одной или двух ноздрях и крупные серьги. Все тело чиванцев было покрыто татуировкой. На палубе также стояли несколько женщин, одетые лишь в кильты и головные уборы из перьев. На этих женщинах татуировки было еще больше, чем на мужчинах. Сначала Шазад подумала, что это рабыни, но потом с удивлением обнаружила, что они носят оружие. Эти женщины-воительницы имели огромное количество шрамов на теле, руках и бедрах, а кольца и украшения висели у них не только в ноздрях или ушах, но и в проколотых сосках груди. Мачаз прогуливался с ее отцом, а к Шазад подошел принц Щтичили.

— Позволь мне сопровождать тебя, принцесса,— сказал он.

Теперь, когда формальная церемония приветствия была завершена, на его лице играла приветливая улыбка.

— Я буду рада, принц Щтичили.— Она испытала определенное затруднение, произнося первый звук его имени, которого не было в наванском диалекте.

— Пожалуйста, называй меня Ли, принцесса,— так обычно зовут меня друзья.

Шазад с трудом могла представить себе, что подобное дружелюбие исходит от человека, во все лицо которого была вытатуирована семи-конечная звезда.

— Я восхищена вашим кораблем. У нас в Наве нет ничего подобного.

Принц рассмеялся, показывая подпиленные концы зубов:

— Мы научились кораблестроению у вас, наванцев, много веков назад. В то время мы умели плавать только на плотях. Сначала мы не доверяли кораблям с большой осадкой и всегда помещали рядом с ними плоты для увеличения остойчивости. Но в конце концов все же достигли кое-каких результатов.

— Но это не может получаться так просто! — воскликнула Шазад.

Они вошли под навес из пальмовых листьев, где был накрыт роскошный стол.

— Ну конечно же, нет, — признал принц Ли. — Однако опыт наших мореплавателей доказал преимущества таких судов.

Они сели, скрестив ноги, за низкие столы и начали трапезу. Вначале последовало несколько тостов за здоровье монархов и победу в походе. Ли предложил Шазад небольшой вертел с нанизанными на него кусочками мяса и фруктов. Кушанье выглядело крайне изысканно и оказалось весьма вкусным.

Трапеза был долгой и приятной. Оркестр непрерывно исполнял бравурные мелодии. Музыка казалась Шазад несколько шумной, завывающей и беспорядочной, но она уже начинала привыкать к чиванским излишествам. Вскоре появилось женщины-танцовщицы, которые исполнили сложный танец. Принц объяснил, что танец отображает древнюю легенду о смещенном с трона короле, коварной бо-

гине, множестве героев и любовников и рассказывает о кровавых событиях.

После трапезы Ли повел Шазад на прогулку по кораблю. Они начали с гребного отделения, где ей показали ряды скамеек, к каждой из которых был прикован цепями гребец. Ритм поддерживал стук барабана, а допустившего сбой гребца немедленно настигал кнут надсмотрщика. Зрелище было довольно тягостным и вместе с тем величественным. Крепкие, мускулистые гребцы походили на части единой огромной машины. Зловоние здесь было просто невыносимым.

На палубе Шазад показали огромные военные метательные машины, которые по размерам превосходили самые большие из наванских орудий. Такие катапульты стояли лишь на стенах Касина. Носовая и кормовая надстройки катамарана были около двадцати футов в высоту и могли увеличиваться в размерах за счет штурмовых сооружений. Чиванские воины были одеты в праздничные одежды. Среди них Шазад увидела лучников, чьи стрелы были украшены перьями красочных птиц, а наколенники — вулканическим кремнем, который выглядел как черное стекло. Шазад спросила принца о поразивших ее женщинах-воительницах.

— Этих женщин начинают обучать военному искусству с детства. Они родом из племен, выплачивающих Чиве положенную дань детьми, — объяснил Ли. — Будущих воительниц растят обособленно, и они не знают другой цели в жизни, кроме служения королю. Шрамы на телах говорят об их участии в кровопролит-

ных сражениях, а также о занимаемом ими положении в отряде.

— Но они не могут быть такими же сильными, как воины-мужчины,— заметила Шазад.

Произнося эти слова, она с размаху ударила своим маленьким кулачком по животу женщины, на лице которой было больше шрамов, чем у ее соплеменниц. Рука принцессы ощутила железную твердость мускулов и рубцы от шрамов. Ей показалось, будто кулак наткнулся на обтянутый кожей рептилии щит.

— Они не уступают мужчинам, ибо свирепы, умеют воевать и не знают пощады,— сказал Ли.— Война — единственное, чем они занимаются. У них нет земель, мужей и детей, которые могли бы отвлекать женщин от выполнения их обязанностей. На их тела еще в детстве начинают наносить татуировку — таким образом будущих воительниц приучают переносить боль. С раннего возраста их привлекают к вопросам захваченных в сражениях пленников, а также заставляют добывать раненых в битве врагов. Так что они имеют приличный опыт еще до того, как получают звание воина.

— Потрясающе,— прошептала Шазад, завожженная блеском огромного рубина, который покачивался под соском одной из женщин. Этих рабынь, должно быть, высоко ценили в Чиве. Она заметила, что воительницы не носили продетые в губу украшения. Это понравилось принцессе, так как продырявленные губы казались ей омерзительными.— Не могла бы я приобрести нескольких таких женщин?

— Боюсь, что это невозможно,— сказал Ли.— Они собственность короля и не подле-

жат продаже. Однако я с удовольствием одолжу их тебе на время этой кампании.

Принцесса радостно улыбнулась:

— Больше всего я хотела бы получить вот эту. — Она обратилась к стоящей рядом женщине с серыми глазами: — Как тебя зовут?

— Кровавая Секира, — ответила та.

— У них нет настоящих имен, только прозвища, полученные в боях, — объяснил Ли. — Эти женщины беспрекословно подчиняются своим офицерам и поклоняются королю Чивы как богу. Точно так же они будут относиться и к тебе.

Перед тем как покинуть корабль, Шазад задала вопрос, который беспокоил ее с момента представления чиванских вельмож:

— Принц Ли, вы восемьдесят девятый сын короля Диваза, а принц Мачаз — только сто двадцать пятый. Почему же он занимает более высокое положение?

— У нас происхождение матери более важно, чем время рождения ребенка, — ответил принц Щтичили.

Король и его дочь, сопровождаемые свитой, возвратились на флагман. Ступив на его палубу, Шазад была поражена, насколько маленькой показалась та. Принцесса намеревалась сменить парадное одеяние на платье, более подходящее для морского похода, но сначала решила поговорить с отцом.

В богато обставленной каюте с Пашира снимали роскошные доспехи. Шазад присела на диван, заваленный подушками, и взяла из рук личного раба короля бокал с вином. Пашир также пригубил напиток. Принцесса знала, что его врач подмешивает в вино лекарственные

травы, которые должны предотвратить болезни, свойственные возрасту короля. Она всегда опасалась, что это зелье может вредно воздействовать на рассудок ее отца.

— Итак, дочь моя, что ты думаешь о наших союзниках? — Пашир выглядел весьма довольным собой.

— Они, без сомнения, весьма колоритны. Интересно, они на самом деле каннибалы, как болтают в Касине? Мне показалось нетактичным впрямую спросить об этом.

— До меня тоже доходили такие слухи, — ответил король, усаживаясь рядом с ней на диван. — Но омайанцы, вне всяких сомнений, говорят то же самое и о нас. Однако я пристально следил за теми блюдами, что подавали на банкете. Как бы то ни было, сюда их привели более серьезные цели. Что ты думаешь об их гигантских кораблях?

— Они на редкость внушительны и выглядят чрезвычайно грозно. Но на них нет таранов.

— В самом деле?

— Неужели ты не заметил? Я не претендую на роль знатока, но ясно вижу, что эти монстры не предназначены для морских сражений. Я считала, что мы пойдем на север атаковать транспортные суда Гасама и попытаемся вынудить его воевать с нами на море.

— Конечно, это входит в наш план, — осторожно произнес король.

— Ты намереваешься атаковать город, не так ли? Ты собираешься войти в бухту Флории и взять крепостные стены приступом? — спросила принцесса.

— Именно это я и собираюсь сделать,— кивнул Пашир.— Если разведка покажет, что причалы и гавань хорошо охраняются, мы используем штурмовые возможности чиванских кораблей. Стены Флории, которые выходят на море, довольно низки. Плавающие крепости чиванцев будут под стать им.

Шпазд от волнения прикусила кончик языка. Впервые король сказал ей так много.

— Но, отец, почему ты не хочешь подождать прибытия короля Хаэля? Имея превосходство как на суше, так и в море, ты смог бы наголову разбить Гасама. Почему ты решил штурмовать город прямо сейчас?

Пашир снисходительно улыбнулся, но все же удостоил дочь терпеливого объяснения:

— Девочка, король Хаэль сообщил мне в письме, что спешит на помощь с большим войском. Это может как соответствовать правде, так и нет. Если это на самом деле так, его армия будет вынуждена пересечь Зону — неизведанную и крайне опасную территорию. Кто знает, что с ним может там случиться? Даже если ему удастся пройти через Зону, сохранив большую часть своих людей и кабо, он все равно может появиться слишком поздно. Если он прибудет вовремя с достаточными силами, мы с радостью примем его помощь, но я не могу на это серьезно рассчитывать.

— Но Гасам может оказаться сейчас в состоянии отразить наши атаки. Если его риск, когда он перевозил своих воинов с Островов до окончания сезона штормов, оправдался, то ему, возможно, удастся удержать город.

Пашир небрежно махнул рукой:

— Гасам удивил меня однажды. Мы ожидали увидеть толпу варваров, а перед нами предстала довольно организованная армия. Но это было на суше. На море до сих пор Нава удерживает свое господство. Сухопутные войска можно подготовить к обороне за несколько недель, но чтобы взрастить флот, уходит целая вечность. И потребуется не одно десятилетие, чтобы создать и научиться должным образом использовать военно-морские силы.

— Думая так, мы уже проиграли одну битву,— обронила принцесса.

— Достаточно, дочь,— сухо прервал ее король.— Транспортные суда доставят войска для взятия причалов и крепостных стен. Гасам не выдержит такой атаки.

Шазад была вне себя от негодования. Вместо того чтобы посвятить ее в свои планы, король снова принял дурацкие советы своих приближенных.

— Отец, Гасам и его воины — дикари-кочевники. Им не нужен город! Если ты одержишь над ними верх, что помешает им уйти по суше? И тогда они снова захватят первый попавшийся на их пути город. Что ты будешь делать тогда? Преследовать их на земле со своим флотом?

— Молчи! — рявкнул король.— Я уже достаточно наслушался твоих дерзких речей! Возвращайся на свой корабль. Ты, без сомнения, заслужила право наблюдать за тем, как мы разобьем дикарей Гасама. Я признаю, что твоя работа по восстановлению флота была неоценимой. Но даже от тебя я не потерплю сопротивления моей воле!

Шазад поднялась и покорно откланялась. Она ничего не могла сейчас сделать, и ей совершенно не хотелось возвращаться в Касин.

— Прости меня, отец. Смысл моей жизни — служить тебе. Это правда, что я не могу перестать беспокоиться о твоём благополучии. Мне не удастся отогнать мысли о том, что ты рискуешь больше, чем требуют того обстоятельства. Прости, если забота о тебе заставила меня говорить чересчур запальчиво.

— Ты прощена, — сказал Пашир, несколько смягчаясь. — Не бойся, все наши действия тщательно продуманы. Ты будешь свидетелем того, с какой легкостью я разобью Гасама.

Вернувшись на борт «Отблеска Луны», Шазад, бормоча вполголоса проклятия, позволила немой рабыне снять с нее парадные одежды.

— У меня какое-то странное чувство, Мина. Отец снова собирается вступить в бой, основываясь на своих домыслах, что Гасам будет воевать так, как хочет этого король Пашир. Он предполагает, что Гасам не представляет тактики ведения морского боя, хотя он захватил портовый город, и одни боги знают, сколько в нем оказалось предателей, готовых служить новому господину.

Девочка помогла ей смыть с лица косметику. Шазад еще не успела переодеться, как в каюту постучал капитан:

— Принцесса, к тебе прибыли люди с чиванского корабля.

Она вышла на палубу. Возле борта корабля покачивалась длинная лодка, нос которой был выполнен в форме трехглавого змея. Возле

рулевого и гребцов стояли десять женщин-воительниц.

— Это мои новые телохранители,— сказала она капитану.— Мне одолжили их наши союзники.

— Где я их размещу? — спросил капитан, почесав затылок.

— Они могут спать на палубе. Я слышала, что эти женщины гордятся тем, с какой стойкостью переносят любые неудобства.

Матросы пооткрывали от изумления рты, когда увидели, как женщины-воины, сильные и гибкие, как кошки, карабкаются на борт яхты.

— Кровавая Секира, подойди ко мне,— приказала Шазад на южном диалекте.

Женщина и ее подружки осматривались, бросая вокруг надменные взгляды, в которых сквозило явное презрение к уставившимся на них мужчинам. Услышав голос Шазад, она повернулась к ней. От тела воительницы резко пахло потом.

— Кровавая Секира, у тебя больше всего шрамов, так что назначаю тебя командиром вашего отряда. Ты согласна?

— Да.

— Прекрасно. Ты будешь отвечать за всех. Но теперь вы должны обращаться ко мне «принцесса», или «госпожа», или «хозяйка». Передай это свои подругам.

— Это не в наших обычаях...

— Я знаю, каковы ваши обычаи. А сейчас позволь рассказать тебе о наших. Я не обладаю такой физической силой, как ты, но зато в моем распоряжении достаточно сильных мужчин. И если кто-нибудь осмеливается обидеть меня, я

приказываю распять дерзкого на кресте. У него появляется прекрасная возможность в течение четырех или пяти дней искренне раскаяться в содеянном. Ты хорошо понимаешь меня? Твой король не станет портить отношения между нашими государствами, если я прикажу казнить одну из вас... Или даже весь десяток.

По глазам принцессы женщина ясно поняла, что та не шутит.

— Да... Моя госпожа.

— Очень хорошо. И еще мне не нравится, как от тебя пахнет. Пока вы находитесь на борту моего корабля, каждый день будете мыться с головы до ног и натирать тело маслом кулачных орехов, как делают все мои гребцы.

— Как пожелаешь, госпожа.

— Вы, наверное, думаете, что вас обманули и вам не придется участвовать в настоящей битве. Если так, вы обрадуетесь тому, что я сейчас скажу. Действительно, не предполагается, что мой парусник примет участие в сражении, кроме того, мой отец хочет, чтобы я находилась вне досягаемости орудий противника. Однако я не собираюсь подчиняться этому приказу. Я уверена, что мы окажемся в гуще событий, а также ожидаю, что ты оправдаешь свое великолепное прозвище.

Широкая улыбка осветила лицо женщины, обнажая подпиленные зубы, украшенные бронзовыми вставками.

— Мы не разочаруем тебя, госпожа!

Глава одиннадцатая

А

рмия Хаэля уже более недели пересекала безжизненную пустыню. Скучную картину плоской выжженной поверхности разнообразили только низкие причудливые холмы и круглые кратеры, устоявшие под действием ветров благодаря растительности, которая окаймляла их склоны подобно пыльному вытоптанному ковру.

Каждый день Хаэль благодарил духов этой неприветливой земли за то, что они послали им вебба. Эти всадники на птицах отыскивали колодцы и источники воды там, где о них нельзя было даже догадаться. Еще больше Хаэля удивило, когда Джоз сказал ему, что вебба никогда не используют одну и ту же дорогу дважды, чтобы враги не могли пройти по их следам.

Почти всегда вебба разделяли воинов армии Хаэля на группы и вели их к разным источникам, так как в Пустынных Землях не было таких водоемов, которые смогли бы утолить жажду нескольких тысяч людей и животных одновременно.

— Завтра,— сказал Джоз вечером десятого дня,— после того как достигнем Запретного Кратера, мы вступим на плодородную землю и начнется территория Каньона. Там обитает малочисленный народ, занимающийся возделыванием земли, но среди них есть могущественные колдуны. Так что надо будет трижды подумать, перед тем как ограбить кого-либо из их соплеменников — эти колдуны способны накликать беду.

— Я вообще не собираюсь кого-либо грабить,— ответил Хаэль.

Джоз пожал плечами:

— Тебе решать. По-моему, глупо не воспользоваться силой.

— Почему это место называют Запретным Кратером, а другие, мимо которых мы двигались, не имели названия?

— Эти места прокляты,— пояснил Джоз.— Но проклятье Запретного Кратера — самое

страшное. Над ним витают сонмы злых духов. Эти земли считаются гибельными.

— Гибельными? — переспросил Хаэль. — Ты хочешь сказать, что, попадая сюда, люди умирают?

— Точно не знаю, — почесал лоб Джоз. — За тысячи лет никто из нас не ступал на эти земли. Боги и предки запретили нам это.

На следующий день они подъехали к кратеру, кромка которого отчетливо выделялась на фоне безоблачного неба. Он был значительно больше тех возвышенностей, что попадались до сих пор на пути всадников, и его края еще не сровнялись с землей. Хаэль остановил колонну.

— Я хотел бы заглянуть внутрь, — сказал король, ощущая непреодолимое притяжение этого загадочного места. Чутье подсказывало Хаэлю, что рядом с кратером нет никаких духов — ни добрых, ни злых.

— Нет! — крикнул Джоз. — Не делай этого! Ты умрешь!

— Не беспокойся за меня, — улыбнулся Хаэль. — Я умею говорить с духами и уверен, что духи этого места не причинят мне зла.

— Нам пойти с тобой? — спросил Бамиан.

— Нет. Ждите здесь. Думаю, я скоро вернусь.

Хаэль повернул своего кабо и направился к краю кратера. Джоз и другие вебба, будто не слышали слов короля, затаили молитвенный плач. Хаэль в глубине души надеялся, что их молитва защитит его от несчастья.

Он не мог с уверенностью сказать, что именно притягивает его к этому месту. Воз-

можно, это было простое любопытство, которое всегда толкало его в новые неизведанные места и опасные приключения. Если тут была какая-то тайна, то он должен хотя бы отодвинуть скрывающий ее покров.

Кабо без труда взобрался на склон. Он не ощущал никакой тревоги, это место не внушало ему опасений. Хаэль придержал скакуна, чтобы внимательно рассмотреть грязно-белые края кратера, так как ему показалось, что их создал человек. Король приподнялся в стремени, коснулся поверхности рукой и ощутил под ладонью мелкие острые камешки. Несомненно, это был бетон, но не мягкий и пористый, а твердый, секрет изготовления которого был давно утерян. Кое-где на поверхности монолита проступали красно-коричневые пятна, указывающие на инородные вкрапления.

Хаэль заглянул внутрь кратера, и сердце его учащенно забилося. Он не был глубоким, всего лишь несколько локтей в глубину, но ширина его оказалась значительно больше. Король почувствовал, что много веков назад здесь произошла какая-то невообразимая катастрофа. Возможно, долгие годы это место было пристанищем злых сил, давая тем самым почву для страшных легенд и слухов. Однако магическое влияние либо уже исчезло, либо стало совсем незаметным.

Хаэль направил кабо внутрь кратера, дно которого было усеяно огромными бетонными глыбами. Их хаотическое нагромождение напоминало ледяные торосы северной земли. Никаких следов жизни, а значит, король был не только первым человеком, но и, возможно,

первым живым существом, проникшим сюда за долгое время.

Когда путь ему преградила громадная глыба с красно-коричневыми включениями, Хаэль спешил. Он был немного знаком с ремесленниками, изготавливавшими оружие и другие предметы из металла, и из их рассказов узнал о металлах довольно много и даже видел некоторые образцы, привезенные купцами.

Подобрав кусочек камня, король царапнул им по одному из красноватых включений. Красная корка ржавчины отвалилась, и поверхность сверкнула серебряным блеском. Хаэль поднял лицо к небу, желая поблагодарить богов этой земли, хоть он и не знал их имен. Сталь! Самый драгоценный материал на земле! Он, не мешкая, снова вскочил в седло и внимательно обследовал дно кратера. Повсюду были разбросаны глыбы бетона, и почти из каждой выглядывали драгоценные включения. Сталь, лежавшая на поверхности, проржавела за много веков и с хрустом рассыпалась от прикосновений, но та, что была залита бетоном, не поддавалась влиянию времени.

Хаэль даже побледнел от волнения. Если привести сюда людей и установить плавильни, тогда можно добывать столько стали... Его королевство стало бы самым богатым в мире! Войско, вооруженное стальным оружием, не знало бы поражений!.. Но все это, к сожалению, очень непросто. Нужно время. И ум, тонкий, изворотливый... А пока эту невероятную новость надо хранить в строжайшей тайне.

Вебба вскрикнули от изумления, когда увидели возвращающегося назад Хаэля. Они не

ожидали, что он выйдет живым из Запретного Кратера.

— Ты действительно могущественный колдун, если смог вернуться невредимым из этого проклятого места,— почтительно склонил голову Джоз.

— Это на самом деле необыкновенное место,— сказал Хаэль.— Думаю, ваши боги хотели, чтобы я его увидел.

После этого случая вебба стали относиться к Хаэлю с еще большим уважением.

Тремя днями позже они столкнулись с обитателями Каньона.

Земля здесь не была такой уж плодородной, но по сравнению с пустыней, которую они прошли совсем недавно, местность казалась прекрасной. Это была холмистая страна с небогатой бурой растительностью. На склонах росли невысокие деревья. В долинах текли узкие ручейки. Воду из них брали кожаными ведрами и поднимали ее на террасы, сплошь покрытые прорастающими злаками и овощами. Люди, населявшие эти места, были маленькими, худощавыми и темнокожими. Они походили на вебба и говорили на сходном диалекте, но гордые всадники на птицах ни за что на свете не признали бы своего родства с кроткими и трудолюбивыми земледельцами.

Все это напомнило Хаэлю родной остров. Его кругозор значительно расширился с тех пор, как он был младшим воином на Гэйле, но земледелие по-прежнему казалось ему не особенно достойным занятием, немногим лучше пребывания в рабстве. Почему люди занимаются этим, прикованные к своим жалким де-

лянкам, когда могут свободно передвигаться по равнинам, бороздить морские просторы?

Крестьяне с любопытством глазели на неизвестно откуда появившихся всадников. Хаэль строго-настрого приказал своим людям не задевать местных жителей, но попыток сблизиться с ними не предпринимал. Знакомство с местными жителями, без сомнения, вылилось бы в бесконечные церемонии и задержки. Кабо, повалив кое-где ограды, пощипали траву и напились воды из ручьев, не нанеся, однако, значительного ущерба. Хаэль хотел было расплатиться за причиненный вред, однако Джоз счел это совершенно бессмысленной тратой.

— Эти увальни могут починить свои ограды сами и совершенно бесплатно, великий бруйо,— сказал Джоз, обращаясь к Хаэлю так, как на языке вебба называли Беседующих с Духами.— Это все, на что они способны. Ты не представляешь, как они рады тому, что никто из нас не тронул ни их самих, ни их жилища!

— И все-таки я не хочу оставить после себя плохую память. Обратном мы будем возвращаться этим же путем, и мне не нужно, чтобы они разбегались при нашем появлении. Кстати, мне следует обсудить с ними одно небольшое дело.

— Дело? — с изумлением переспросил Джоз.— С крестьянами? Какое дело может обсуждать с ними воин, если, конечно, он не хочет попользоваться плодами их труда или имуществом?

— Это дело бруйо,— ответил Хаэль.

С тех пор как они покинули Запретный Кратер, он старался запоминать каждую деталь местности, по которой они проходили,—

это могло пригодиться на обратном пути. Обитатели Каньона могут обеспечить его рабочей силой, необходимой для добычи ценного сырья. Они, в отличие от его воинов, привыкли выполнять тяжелую работу и жили в нескольких днях пути от невероятно богатого сталью Кратера.

Короля, правда, тревожило, что проведение там крупных работ выдаст тайну чудесного места, и он старательно обдумывал, как избежать этого. Можно провести работников к Кратеру запутанным путем, можно завязать им глаза. Они выполнили бы работу и вернулись обратно, даже не догадываясь, где побывали. Пищу, воду и все необходимое можно было бы доставлять туда с караваном, и с ним же вывозить в Равнинные Земли добытое сырье. Для перевозки металла понадобятся привычные к климату пустыни нуски. Кабо слишком ценны, чтобы использовать их как вьючных животных.

А как освободить сталь от бетона? Внезапно Хаэля осенило: надо доставить к месторождению кузнечный горн и сделать необходимые инструменты из первой добытой стали. Для этого не понадобится много топлива. Куда легче будет разбивать бетон, если вооружить рабочих инструментами из стали. Это была блестящая идея! Кому в голову могла прийти мысль использовать такую драгоценность для изготовления столь простых вещей, как кирка и лопата? Из стали делалось оружие для состоятельных людей. Только ювелиры имели инструменты из стали, но те были крошечными. После того как запасы Запретного Кратера

истощатся, можно будет переплавить рабочие инструменты... Хаэль был полностью поглощен этими мыслями, когда неожиданно появились обитатели Каньона.

— Горбуны! — воскликнул Джоз.

Он указал на холм вдалеке, где показались маленькие точки — фигурки всадников. Они не двигались, но по их построению было ясно: они готовы к боевым действиям.

— Кто это? — спросил Хаэль.

— Обитатели Каньона, — ответил Джоз. В его голосе не слышалось испуга, однако и радости тоже. — Они захотят узнать, кто ты и что тебе нужно в этих местах.

— Это понятно, — кивнул Хаэль. — Если бы кто-нибудь заявился на мои земли в сопровождении шеститысячной армии, я бы тоже потребовал от него объяснений. Но не думаю, что нам будет трудно понять друг друга.

Джоз покачал головой:

— Они могущественные колдуны и несут в себе зло. Но ведь ты не боишься колдовства? — с надеждой спросил он. — Человек, осмелившийся побывать в Запретном Кратере, к которому благоволили боги этого проклятого места, не сможет не поладить с обитателями Каньона. А нам теперь настало время покинуть тебя. Обитатели Каньона не очень дружелюбно относятся к моим людям. Мы продолжим свой путь на северо-восток, и если вы снова окажетесь в наших краях, я всегда буду рад встретиться с тобой.

— Пусть наши народы всегда живут в мире друг с другом, — сказал Хаэль, пожимая ему на прощание руку.

Скоро всадники на птицах скрылись вдаль, и ничто, кроме клубов пыли, взбиваемых крепкими ногами их диковинных скакунов, не напоминало об их присутствии.

Хаэль и его люди двинулись вперед. По мере приближения к горбунам и их всадникам можно было лучше рассмотреть этих животных. Горбуны оказались довольно неуклюжими высокими созданиями с длинными изогнутыми шеями и клинообразными головами с короткими рогами. Их называли горбунами из-за многочисленных мешков с жиром, которые болтались на их спинах. У этих животных был густой волнистый мех, окрашенный в неяркие цвета пустыни: серовато-коричневый, рыжевато-бурый, черно-серый. От них исходил резкий неприятный запах. О выносливости горбунов складывали легенды. Они могли питаться там, где кабо погибали с голоду, могли идти много дней без воды. Кроме того, на них можно было ездить верхом.

Когда люди Хаэля подошли достаточно близко к холму, горбуны начали спускаться по его склону. Животные были украшены тканями с бахромой и блестящими безделушками. На всадниках были свободные развевающиеся одежды, призванные защитить от палящего солнца, ярких кричащих цветов, головы всадников прикрывали капюшоны. Вооружены они были луками и копьями, некоторые — длинными мечами, притороченными к седлам.

Всадников был всего десяток, так что никому из людей Хаэля и в голову не пришло принять какие-то меры предосторожности. Кабо явно не понравился вид и запах горбунов, и

они нервно переступали с ноги на ногу. Горбуны остановились в нескольких шагах от Хаэля, их всадники откинули капюшоны. По рядам воинов прокатился изумленный ропот.

Из всех людей, которых доводилось видеть в своих странствиях Хаэлю, эти люди выглядели, несомненно, наиболее странно, и в первую очередь тем, что у них была голубая кожа. Сначала Хаэль подумал, что это краска, но тут же понял, что цвет кожи — натуральный. Настолько же необычными оказались глаза незнакомцев — голубые, карие, серые, зеленые, желтые и даже пурпурные. Волосы всадников были длинными, выющимися и отливали серебром.

— Каньон приветствует вас, — сказал один из странных людей, высокий и тонкий, как все остальные, с ярко-желтыми глазами. — Мы хотели бы знать твое имя, откуда ты и зачем пришел на наши земли. — Человек говорил на непривычно звучащем южном диалекте, возможно, это была какая-то древняя его разновидность.

— Я король Равнинных Земель Хаэль. Мы идем издалека, пересекли пустыню и горные вершины. Мы идем воевать, но в вашу землю пришли с миром. Нам необходимо попасть в Наву, где король Пашир ждет моей помощи. Мы не причиним вам зла. Наше единственное желание — как можно быстрее миновать эти земли.

— Чимэй, — приказал всадник с желтыми глазами, — узнай, говорит ли этот человек правду.

Вперед выступил горбун, и кабо Хаэля отпрянул в сторону, но король удержал своего скакуна.

— Мне нужно до тебя дотронуться,— произнес всадник.— Не бойся.

Голос, к удивлению Хаэля, принадлежал женщине. Пол этих людей определить было довольно сложно, лицо этой женщины почти ничем не отличалось от лиц ее спутников, лишь губы были чуть более пухлыми. У всех обитателей Каньона были правильные черты лица, а мужчины не носили бороду. Их волосы были причесаны одинаково, а длинные развевающиеся одежды скрывали тела.

Горбун незнакомки был намного выше кабо, поэтому ей пришлось нагнуться, чтобы прикоснуться кончиками пальцев ко лбу Хаэля. Эта женщина не носила каких-то особых знаков, указывающих на ее особый дар, но Хаэль сразу же понял, что она Беседующая с Духами. Ее глаза были закрыты, а губы беззвучно шевелились. Это продолжалось в течение двух-трех минут, затем глаза женщины широко распахнулись. Они оказались нежно-фиолетового цвета. Она отдернула руку и отпрянула назад.

— Он лжет? — спросил незнакомец, первым обратившийся к ним.

Хаэль порадовался, что очень немногие из его воинов говорили на южном диалекте. Наиболее горячие головы наверняка уже пустили бы в ход оружие, услышав такие слова о своем короле.

— Нет,— ответила женщина, покачив головой.— Он говорит правду. Но он... Я не могу сказать точно... Я чувствую в нем силу. Духи... Они пронизывают его, как воды Коля текут по Каньону.

— Я, как и ты, могу разговаривать с духами,— сказал Хаэль.— А еще я король и воин. У вас нет причин бояться нас.

На самом деле единственным человеком, который испытывал беспокойство, был он сам. Он никогда не встречался с подобной разновидностью магии. Эта женщина могла прикоснуться ко лбу человека и определить, лжет он или говорит правду. Он знал людей, которые говорили, что умеют читать мысли, но эта женщина владела этим искусством по-настоящему. Прикоснувшись ко лбу Хаэля, она сразу же узнала о том, что отличало его от других людей. Он впервые поверил, что жители Кань-она обладают столь могущественным даром.

— Об этом надо знать наверняка,— произнес человек с желтыми глазами.— Пока ты не захочешь причинить нам вреда, тебе будут рады в наших землях. Позволь нам быть твоими проводниками. Недалеко отсюда протекает река Коль.— Услышав название реки, незнакомцы подняли кончики пальцев к губам, а затем к бровям, выказывая, вероятно, этим благоговейное уважение.— Там вы найдете много воды, чтобы утолить жажду людей и животных. Мы будем идти вдоль реки несколько дней, а потом вы повернете на северо-запад, в сторону Навы.

— Я искренне благодарен вам,— сказал Хаэль.

Наконец-то ему показалось, что их путешествие близится к концу. Путь от наванской границы до Касина был неблизким, но его армия будет находиться в цивилизованном государстве, их прибытия с нетерпением ожидает

сам король, и в этой стране они получают любую помощь, какая им потребуется.

— Тогда в путь. Мы можем дойти до реки еще до наступления темноты.

Хаэль перевел все своим воинам, умолчав о том, что женщина владела даром ясновидения.

— Я Манва,— представился незнакомец.— Из города Священного Благополучия. Ты уже знаешь Чимэй, нашу Беседующую с Духами.— Затем он представил остальных, и Хаэлю впервые удалось как следует к ним присмотреться. Половина всадников оказались женщинами.— С кем воюет король Навы? Прежний король этой страны много лет назад посылал сюда отряд, чтобы потребовать у нашего властителя платить ему дань. Мы отправили их домой не солоно хлебавши, и, не сомневаюсь, ни у кого из них никогда не возникнет желания вернуться сюда вновь.

— Я был знаком с одним из этих людей,— сказал Хаэль.— Он говорил о том, что вы с помощью колдовства убили их военачальника.

Чимэй улыбнулась:

— Мы защищаемся как умеем. И кто может запретить нам использовать наше умение?

Хаэль тоже улыбнулся, но про себя. Люди никогда не признавались в том, что не обладают тем могуществом, которое им приписывают другие, и скрытый намек выглядел куда более значительно, чем громкое хвастовство. Он сам нередко пользовался этой тактикой.

— Владения короля Пашира на северо-западе подверглись нападению грабителей с Островов. Они захватили портовый город и обосновались там, поэтому Пашир просит,

чтобы мои всадники приняли участие в этой войне.

— Тогда он еще долго не будет нападать на наши земли,— заметила Чимэй.

— Нас это вполне устраивает,— сказал Манва.— У нас хватает хлопот с Граном и Соно.

Это были южные королевства джунглей, с которыми торговал Хаэль.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы обратили свое могущественное колдовство против Соно,— сказал Хаэль.— Они изготавливают для нас великолепные седла.

Женщина и мужчина рассмеялись — смех звучал так же мелодично, как и их речь. «Их музыкальные голоса, грациозные жесты, приятная внешность составляют слишком резкий контраст с животными, на которых они ездят»,— подумал Хаэль. Эти скакуны не шли ни в какое сравнение с кабо, которые были столь красивы и изящны, что на них прекрасно выглядел даже самый неуклюжий всадник.

По пути обитатели Каньона беседовали с Хаэлем. Все они обладали особой манерой разговора. Ни один не говорил о серьезных делах, как будто опасаясь, что его собеседник узнает от них что-то важное. Королю казалось странным, что, обитая среди почти первозданной природы, его спутники скорее обладают манерами утонченных придворных.

Солнце стояло еще высоко над горизонтом, когда они достигли реки Коль. Воины Хаэля вскрикнули от удивления, увидев такую огромную реку. На Равнинных Землях реки были узенькие, разливающиеся только после сильных дождей. Река оказалась широкой (не

менее ста шагов), полноводной и стремительной. Берега Коля поросли густой травой.

— Напоите кабо и пустите их пощипать траву,— приказал Хаэль.— Потом разбейте лагерь.

Топлива для костров у них не было. Король увидел, что на берегу разбросано достаточно сухой древесины, выброшенной мощным потоком, и хотел было распорядиться собрать ее, но тут же вспомнил, с каким благоговением относятся к реке жители Каньона — она, несомненно, была для них святыней.

— Прошу извинить меня,— сказал он, осознав, что вел себя неправильно.— Я отдал приказание, не подумав. Есть ли какие-то ритуалы, которые я должен исполнить перед тем, как воспользоваться дарами этой великой реки?

Чимэй снова улыбнулась, на этот раз не скрывая своего расположения:

— Нет, реку мало беспокоит то, что делаем мы, смертные. Это самонадеянно с нашей стороны — считать, что мы можем обидеть ее своими действиями. Однако мы благодарны тебе за то, что ты подумал о наших традициях.

— Я стараюсь не оскорблять богов и духов других народов. Я также стремлюсь, находясь на их землях, придерживаться их традиций.

Король спрыгнул с кабо. Он и его люди провели верхом длинный нелегкий день и сильно устали. Жители Каньона также спешили. Горбуны опустились на землю, и всадники задом наперед соскользнули с их спин.

— Когда мы увидели вас, вы ехали вместе с вебба,— заметила Чимэй.— Вы должны быть

хорошими дипломатами, если вам удалось завязать дружеские отношения с этими людьми.

— А вы вступаете с ними в контакты? — поинтересовался Хаэль.

Манва присвистнул:

— У всех есть контакты с вебба, хотя бы они того или нет. Но общаться с ними нелегко: вебба малочисленны, но необычайно высокомерны. Они думают, что езда на каких-то глупых птицах делает их великими, а на самом деле они всего-навсего воры и грабители. Но, конечно, в пустыне они действительно непревзойденные воины, и вы правильно сделали, что завязали с ними дружбу.

Вечером, когда все сидели вокруг потрескивавшего костра, Хаэль рассказал о пути, который они проделали, о тех чудесах, что им довелось увидеть: гигантском страже ущелья и непонятных письменах, водоеме со статуей прекрасной богини.

— У нас существуют легенды о Страже, каменном великане, что охраняет проход в скалах, — сказала Чимэй. — Однако мы впервые слышим о чудесном оазисе. Ничего удивительного, что вебба держат его в тайне.

— Мы слышали о тебе, король Хаэль, — сказал Манва. — Мы регулярно торгуем с королевствами юга, даже когда находимся в состоянии войны с ними. Торговцы рассказывали о новом властителе северных земель, который создал королевство из народов первобытных племен и держит в повиновении огромную территорию.

— А что еще они говорили обо мне? — спросил Хаэль.

Манва усмехнулся:

— Они также сообщили, что ты... небогат.

Хаэль рассмеялся:

— Эти люди ошибаются! Я богат людьми и кабо, деревнями и землей. У меня самые широкие просторы, самое высокое небо и самые красивые горы — лучше, чем у любого другого монарха. У меня есть семья: трое прекрасных детей и жена, которую я люблю и которой доверяю больше всего на свете. Может ли какой-нибудь другой король похвастаться тем же?

— Тогда ты самый удачливый из всех известных нам властителей, — сказала Чимэй. — А сейчас скажи мне, почему ты, покинув обожаемую жену и детей, уехал так далеко, подвергая себя и своих воинов серьезной опасности? Почему ты спешишь на помощь королю Паширу, хотя его королевство находится так далеко от твоих земель?

Это был нелегкий вопрос. Обычно Хаэль старался уйти от ответа на него, но сейчас что-то заставило его ответить искренне. Казалось, он говорит только с Чимэй, хотя вокруг костра сидели остальные обитатели Каньона. Король Равнин рассказал о своем детстве на острове Гэйл, о предательстве Гасама и Лариссы, о том, как попал в Наву и там встретился с Паширом. Он рассказал о великом зле, которое чувствует в Гасаме.

Все жители Каньона слушали Хаэля очень внимательно, а когда он закончил, они некоторое время молчали. Затем заговорил Манва:

— Хорошо, когда узнаешь о том, что происходит в мире, от осведомленного человека. Большею частью мы слышим рассказы из вторых

и третьих уст, слухи, истории, поведенные нам торговцами, которые часто сознательно искажают истину, чтобы повысить спрос на свои товары. Возможно, тебе покажется важным то, что мы сможем тебе рассказать.— Манва повернулся к молодому человеку, сидевшему возле него: — Хосвэй, принеси мне длинный тюк.— Затем он снова повернулся к Хаэлю: — Король Хаэль, имел ли ты когда-нибудь отношения с государством Имайзия, что расположено на востоке?

— Я слышал о нем. Торговцы с далекого северо-востока рассказывали о землях с таким названием.

— У нас,— вступила в разговор Чимэй,— существует древняя традиция считать, что восток — это место, где обитает зло. Долгое время мы полагали, что там вообще нет людей. У других народов есть предания о том, что их предки пришли оттуда, спасаясь от войны или какой-то катастрофы.

— На Островах, где был мой дом,— сказал Хаэль,— вообще ничего не было известно о востоке. Мальчиком я думал, что материк — это что-то вроде очень большого острова. Народы, которыми я сейчас правлю, тоже с недоверием относятся к тем землям, хотя я не могу назвать ни одной определенной причины этого.

Юноша вернулся, неся огромный тюк. Манва положил его около себя.

— Около года назад,— сказала Чимэй,— это привез с собой торговец с северо-востока, проезжающий через наши земли. Он заболел и отстал от своего каравана. Нашему це-

лителю удалось вылечить торговца, и в благодарность он отдал нам эту вещь. Она сделана в Имайзии, что находится на берегах Великой реки.

Чимэй достала из тюка плоский сосуд, напоминавший флягу. Оттуда она высыпала себе на ладонь щепотку серо-черного порошка и бросила его в костер. Порошок исчез с резкой вспышкой огня и громким шипением, оставив после себя облако дыма с отвратительным запахом.

— Я вижу, ты не удивлен? — протянула Чимэй. В ее голосе слышалось явное разочарование. — Ты видел его раньше?

— Иногда торговцы привозят к нам этот пылающий порошок. Они преподносят его в качестве подарка, утверждая, что это совершенно новая и необычайно ценная вещь. Но никто из нас не смог догадаться о том, как его можно использовать. Торговцы говорят, что этот порошок привезен ими из страны, по которой течет Великая река.

— Ему есть применение, — сказал Манва. — Я сейчас покажу. — Он достал из тюка странное устройство, какого Хаэль раньше никогда не видел. Оно состояло из куска дерева необычной формы, к которому была прикреплена трубка из материала, похожего на керамику. Встав, Манва насыпал немного порошка в трубку. Затем он вынул из мешка небольшой шарик, завернутый в лоскуток ткани, и специальной палочкой протолкнул его вслед за порошком. — Теперь смотри внимательно.

На противоположном конце трубки располагалось небольшое углубление с крошечным

отверстием. Над ним находился механизм, состоящий из изогнутого кусочка меди с выпуклым концом, который крепился к деревянной части с помощью шарниров. Манва отвел большим пальцем медный выступ, изнутри послышался щелчок. Бронзовый выступ подвинулся немного назад, и наружу показалась маленькая бронзовая распорка. Из мешка Манва достал красноватую пульку и поместил ее в трубку с заднего конца.

— Это очень сильное оружие, — сказал мужчина. — И сейчас оно заряжено. — Он оглянулся вокруг. Наступили сумерки, но звезд еще не было видно. Где-то в пятидесяти шагах, там, где паслись горбуны, было заметно какое-то движение. — Ты видишь, что там?

— Полосатик, — поморщившись, сказал Хаэль. Этих мерзких животных ненавидели все пастухи.

— У одного из наших горбунов порезана нога, и полосатик чувствует запах крови. Смотри!

Манва поднял оружие и приложил широкий конец деревянной части к плечу. Прищурившись, он прицелился. Затем его палец нажал на маленькую бронзовую скобку. Послышался громкий звук, похожий на раскат грома, из трубки вырвался язык пламени. Люди Хаэля в смятении повскакивали на ноги, но снова уселись, узнав, что это было что-то вроде развлечения. Они не заметили того, что видел Хаэль: полосатик, задергав ногами, свалился на бок.

Один из обитателей Каньона встал и подошел к животному, которое через несколько секунд затихло. Вскоре он возвратился, воло-

ча животное за задние ноги. В свете костра Хаэль осмотрел его — на теле полосатика была сквозная рана, как от удара копьем: маленькое входное отверстие и зияющее выходное, через которое были видны осколки разлетевшейся вдребезги кости. В воздухе все еще витал резкий, щекочущий нос запах дыма.

— Как действует это оружие? — спросил Хаэль.

Он взял диковинный предмет из рук Манвы и как следует присмотрелся к нему. Вещь оказалась поразительно легкой: трубка на самом деле была сделана из керамики, но удивительно прочной — королю еще не доводилось такой видеть. Когда Хаэль постучал по ней лезвием кинжала, она зазвенела. Манва показал Хаэлю механизм оружия, который состоял из нескольких бронзовых деталей и одной изогнутой стальной пластинки.

— Маленькие шарики, которые нужно вставлять в углубление, вспыхивают от удара стальной пластинки. Пламя через отверстие поджигает главный заряд. Он заставляет шарик с огромной скоростью вылетать из трубки. Это оружие убивает любое животное и пробивает любые доспехи. — Манва подбросил вверх один из смертоносных шариков, а Хаэль, протянув руку, поймал его. Шарик был легким и по размерам не превосходил кончика его большого пальца. — Для них используют свинец, если удастся его достать, — пояснил Манва. — Еще шарики можно делать из глины, но они пригодны только для охоты.

— Это оружие производит сильное впечатление, а шум и вспышка увеличивают ис-

пуг,— сказал Хаэль.— Однако за время, которое необходимо, чтобы зарядить оружие и выстрелить, лучник успеет выпустить десяток стрел.

— Мне тоже так кажется,— признался Манва,— но торговец сказал, что на востоке есть целые армии, вооруженные таким образом, и они сметают все на своем пути. Это оружие не продается, его не вывозят в другие земли, но тому торговцу удалось провезти его тайком: он надеялся, что удастся выгодно продать его западному королю.

— Армии государств с востока, о которых ты говоришь, проходили по этому пути? — спросил Хаэль.

— У нас есть только слухи от торговцев, которые двигались в этом направлении. Как я уже говорил, им нельзя особенно доверять. Появилось слишком много купцов, больше, чем требуется в их странах, поэтому они прикладывают все усилия, чтобы набить себе цену.

Хаэль возвратил шарик:

— Я по-прежнему не могу понять, что делает его таким убийственным?

— Шарик настолько мал и летит так быстро, что практически незаметен,— объяснила Чимэй.— Он может нести смерть на расстоянии более ста шагов, хотя при этом трудно попасть в цель.

— Здесь есть над чем подумать,— произнес Хаэль.— Я благодарен вам за то, что вы поделились со мной вашими знаниями. Возможно, имеет смысл совершить когда-нибудь дальнейшее путешествие на восток, чтобы посмотреть, как это оружие используется в бою.

Этой ночью он размышлял над тем, что ему довелось увидеть. Как любой опытный воин, он испытывал определенное недоверие к увиденному: достаточно большое время подготовки к стрельбе, короткая по сравнению с луком дистанция для поражения цели. И еще: в отличие от других видов оружия, это не показалось ему красивым. Но это были мысли воина. Хаэль постарался заставить себя размышлять как король. Он представил своих воинов, вооруженных этим приспособлением. Какие могли быть у этого положительные стороны?

Первое, что пришло ему в голову, была удивительная прочность оружия. Сложные в изготовлении луки, которые использовали его воины, и другие виды известного ему оружия требовали тщательного ухода. Трубка с огнем выглядела довольно простой и на первый взгляд не нуждалась в каком-либо уходе. На ее изготовление почти не требовалось металла, однако Хаэль не имел понятия, как можно сделать столь прочную керамику. Использование такого оружия уменьшало расходы на армию. Сложные луки выходили из строя после нескольких лет постоянного использования. Стрелы были дорогими, а процесс их изготовления очень трудоемким. Свинцовые или глиняные шарики значительно дешевле, и их можно использовать много раз.

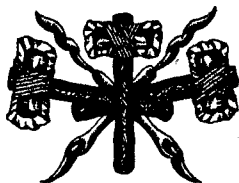
Это касалось оружия. А как насчет того, кто из него стреляет? Это выглядело более простой задачей. Оружие показал ему Манва, но это также могла быть Чимэй или любой другой человек, даже ребенок. Для этого не требовалось особых физических усилий. Лука-

ми, мечами и копьями оружием могли пользоваться только сильные мужчины. Для рукопашного боя требовалось немалое мужество и выносливость. А трубку с огнем мог использовать каждый. Она не была достаточно точной на расстоянии, превышающем сто шагов, но когда сражались армия против армии в чистом поле, не было нужды в высокой меткости.

Глаза Хаэля широко раскрылись, и он едва не вскочил, представив открывающиеся перед ним радужные перспективы. В его королевстве было не так уж много опытных, умелых воинов. Для создания боеспособного войска требовался тщательный отбор. А этими трубками с огнем мог с успехом пользоваться каждый, имеющий ноги, две руки и зрение, способное отличить противника от соратника. Это означало, что если оружие было несложным в изготовлении, то каждый мужчина королевства мог быть солдатом. Тут же в голову Хаэля пришла безумная мысль о женских отрядах...

Он снова заставил себя улечься, но в эту ночь так и не смог заснуть.

Глава двенадцатая

В

олны, пенясь, разбивались о прибрежные скалы, заливая небольшие лагуны, в которых копошилось, борясь за существование, бесчисленное множество мелких морских животных.

Дальше, к северу, Шазад увидела устье реки и волнорез, защищающий маленькую гавань Флории. Город блокировал флот Навы.

Чиванские корабли, значительно более медлительные, чем наванские, должны были прибыть только через один-два дня. Город, казалось, не замечал осады. Правда, Шазад могла видеть только верхнюю часть крепостной стены, обращенной к морю, небольшую полоску земли к югу от города и часть холма, застроенного белыми домами. Флория считалась очень красивым городом — по крайней мере, так было до ее захвата варварами.

— Принцесса! — закричал матрос. — Я вижу сигнал!

Шазад пересекла палубу и подошла к перилам. На реях ближайшего корабля развевались цветные флаги. Все стоящие за ним корабли повторяли этот сигнал.

— Что это означает? — спросила принцесса.

— Замечены приближающиеся с северо-запада корабли неприятеля, — пояснил капитан корабля.

— Саан, мы направляемся туда. Я хочу знать все, что происходит.

— Как прикажешь, госпожа.

По команде капитана подняли парус, и корабль повернул на север. Необходимости использовать весла не было, поэтому гребцы отдыхали. Женщины-воительницы вели между собой оживленную беседу, подправляя боевую раскраску и приводя в порядок головные уборы, украшенные перьями.

— Не слишком-то обнадеживайте себя, — предупредила их Шазад. — Сегодня у нас вряд ли будет возможность вступить в бой.

Часом позже корабль приблизился к северному флангу линии осады. Рядом с крайним кораблем она увидела цепочку быстро приближающихся узких теней.

— Каноэ варваров,— заметил Саан.— Но я никогда не видел таких больших. В прошлом году для перевозки своих воинов Гасам использовал купеческие корабли. Каноэ — это что-то новое.

— Почему они двигаются так быстро? — спросила принцесса.

— На каноэ гребут одним широким веслом, и скорость достигается за счет частых коротких гребков.— Он немного подумал и добавил: — На обычных лодках гребут двумя веслами сидя или стоя, и гребок получается очень длинным. Маленьким каноэ управляют на коленях, а большим — стоя в полный рост. Преимущество такой гребли в том, что весло может подниматься и опускаться намного быстрее.

— Значит, они могут перегнать наши галены? — спросила Шазад.

— Это мы сейчас как раз и выясним,— ответил ее собеседник.

— Саан, поставь корабль на якорь у входа в гавань. Встань так, чтобы мы не попали под обстрел катапульт, стоящих на стенах,— приказала принцесса.

— Как прикажешь, госпожа.— Капитан отдал необходимые распоряжения.

Шазад наблюдала за тем, как с юга приближаются суда островитян. Большинство воинов с Островов находились на больших каноэ. Наперерез первому из них двигалось двухпалубное судно. С него полетели стрелы, но каноэ пока

еще оставалось вне пределов досягаемости. Оно направлялось прямым ходом ко входу в гавань, но не было сомнений, что судно и каноэ столкнутся гораздо раньше. Женщины-воительницы и команда «Отблеска Луны» наблюдали за происходящим, словно за увлекательным состязанием. Они кричали, оживленно жестикулируя, как будто их вопли могли повлиять на ход событий.

Ближайшие корабли устремились к каноэ. Несколько выпущенных из катапульт камней описали в воздухе плавные параболы, но, как и стрелы, своей цели не достигли. На больших кораблях гребцы работали в предельном темпе, который они не могли поддерживать долго. Паруса и мачты были спущены, чтобы придать кораблям большую устойчивость.

Когда стрелы стали долетать до первого каноэ, оно уже достигло берега. Сейчас Шазад заметила еще одно преимущество гребли одним веслом: на корме каноэ, как и на кораблях, стояло рулевое весло, однако оно позволяло верткому суденышку менять направление гораздо быстрее. Судно пыталось протаранить каноэ, но оно тут же изменило курс и проскользнуло мимо. Несколько стрел, достигших каноэ, ударились в высокие щиты сидевших в нем воинов.

Крупные суда напоминали старых жирных полосатиков среди скачущих спиралерогов. Одно за другим каноэ проскакивали мимо кораблей и достигали берега.

— Что мы должны делать, госпожа? — спросил Саан. Он был явно озадачен.

— Сейчас мы все равно не сможем им воспрепятствовать. Держитесь неподалеку. Не

думаю, чтобы они стали нас атаковать. Каноэ наверняка задержатся, чтобы подождать флот, который движется гораздо медленнее.

Капитан выполнил ее указание, и флотилия каноэ прошла мимо на расстоянии полета стрелы. Сидящие в них островитяне с удивлением смотрели на маленький корабль с женщинами-воинами на борту.

Первые каноэ пересекли линию волнореза, где были встречены радостными криками толпы, собравшейся поглазеть на прибытие островитян. Большинство каноэ уже прошли мимо «Отблеска Луны», но два суденышка несколько отстали.

— Нападем на эти каноэ,— показала на них рукой Шазад.

Капитан отдал команду начальнику гребцов, а тот дал указание горнисту. Женщины-воины переместились на нос и затянули монотонную военную песню. К принцессе подошли, держа в руках щиты, два матроса. В их задачу входило защищать принцессу от стрел неприятеля.

Шазад была нервная дрожь, но она усилием воли взяла себя в руки. Она бы никогда не позволила простым людям заметить, что принцесса чего-то боится. На Шазад был костюм для верховой езды, который она обычно надевала, когда поднималась на борт судна. У принцессы не было никакого оружия, кроме плети, однако многие уже успели узнать, как умело она может ею пользоваться.

Рулевой направил судно к ближайшему каноэ. Шазад заметила, что находившиеся в нем островитяне были высокими и гибкими, с во-

лосами цвета бронзы или золота и красновато-медной кожей. В руках они держали длинные копья и высокие черные щиты.

— Это шасинны! — воскликнула она. — Оставьте их и займитесь другим каноэ!

Саан отдал приказ рулевому сменить курс. Второе каноэ пыталось увернуться, но «Отблеск Луны» был гораздо меньше и, следовательно, маневреннее огромных галеонов. Приземистые темнокожие дикари с длинными черными волосами, украшенными костями и зубами акулы, были вооружены копьями с бронзовыми наконечниками, некоторые — кинжалами и пращами. Однако скученность на борту каноэ не позволяла им воспользоваться метательным оружием.

— Приготовьтесь протаранить их! — крикнул Саан. — Убрать весла!

На лицах дикарей, услышавших его слова, можно было прочесть тревогу, злость и страх.

Миниатюрный таран «Отблеска Луны» врезался в каноэ возле кормы. Воины и гребцы попадали на дно лодки, некоторые свалились за борт. Матросы забросили на каноэ abordажные крюки и подтянули его вплотную к паруснику. Тогда-то и разгорелся настоящий бой.

Шазад пришлось сделать над собой усилие, чтобы беспристрастно наблюдать за ходом боя. Она была поражена. Островитяне в каноэ превосходили числом ее людей, но борта «Отблеска Луны» были выше, создавая, таким образом, удобную позицию для наступающих.

Чиванские женщины дрались с неудержимой яростью, что стало совершенной неожиданностью.

данностью для дикарей. Казалось, они представляли собой единый сгусток мускулов и мгновенных реакций. На них никак не отражалось утомление от длительного морского перехода.

Несколько женщин-воительниц спрыгнули на корму каноэ, оттесняя островитян и прокладывая дорогу своим подругам. Дикари прекратили попытки взобраться на борт парусника и теперь старались отцепить абордажные крюки. Гребцы опустили щиты и взялись за весла, но сверху на них обрушились воины с «Отблеска Луны». На борту лодки завязалась ожесточенная схватка.

Увидев, что остальные островитяне уже выпрыгивают на берег, Шазад метнулась к перилам и закричала:

— Оставьте нескольких живыми! Я хочу получить пленников!

Кровавая Секира крикнула что-то своим подругам, и те сменили тактику боя. Одна из них прикрывала вторую, та выхватывала у противника оружие, а третья выводила его из строя. Все они держали наготове веревки, чтобы связывать пленников.

Бой продолжался не больше десяти минут. На дне каноэ, залитом кровью, валялось множество трупов. Через пробоину в корме прибывала вода. Нескольким дикарям повезло: они смогли избежать клинков противника и теперь плыли по направлению к берегу. Полдюжины их товарищей тяжело стонали, лежа на палубе «Отблеска Луны». Чиванские женщины водружали на носу парусника отрубленные головы врагов.

Последние каноэ скрывались за волнорезом. Как и предполагала Шазад, никто из них не пришел на помощь соплеменникам. Это бы поставило их лицом к лицу с наванским флотом, который быстро приближался к месту скоротечной схватки.

— Саан, направляй парусник к флагману, — приказала принцесса. Она была весьма довольна, что ей удастся сдержать дрожь в голосе.

— Госпожа, у нас убиты двое гребцов и один матрос, а также две охранницы...

— Выполняйте приказ! — отрезала она. — Об убитых и раненых доложите позже. — Почему этот человек беспокоил ее по столь незначительному вопросу?

В эту минуту к принцессе подошла Кровавая Секира. На губах женщины-воина играла довольная улыбка.

— Это было прекрасно, моя госпожа! Но почему ты не разрешила нам атаковать шасинов? Мы были бы не прочь взять в плен нескольких красивых дикарей. Никогда не видела столь привлекательных мужчин!

— Я тоже. Но очень скоро ты поймешь, почему я не хочу сейчас связываться с шасинами.

Шазад направилась в свою каюту, где ее ожидала немая рабыня. Девочка стояла на коленях, ее лицо было опущено, руки лежали на бедрах. Мина пыталась скрыть, что всего несколько мгновений назад вылезла из-под кровати принцессы, куда забилась от страха. Когда рабыня взглянула на свою хозяйку, ее глаза расширились от изумления.

Она сделала руками движение, будто выкручивала белье.

Принцесса взглянула на свою одежду, дотронулась до волос и поняла, что вся насквозь пропитана потом.

— Любопытно,— пробормотала она.— Как я ухитрилась так вспотеть, почти не двигаясь с места? Бой — странная штука... Иди сюда, Мина. Помоги мне раздеться и оботри мое тело губкой. Надеюсь, у меня еще осталась чистая одежда.

Шазад не была уверена, что отец захочет сейчас с ней разговаривать, поэтому часом позже почувствовала огромное облегчение, увидев на борту «Дракона войны» широко улыбающегося ей отца. Саан ждал, пока она приводила себя в порядок. Сейчас на принцессе было обычное дорожное одеяние, а свежeweмытые влажные волосы она покрыла тонкой золотой сеткой. Морские офицеры, стоявшие рядом с ее отцом, с завистью поглядывали на головы, которые украшали нос «Отблеска Луны».

— Приветствую единственный корабль, добывший трофеи! — крикнул Пашир.

В голосе отца принцесса уловила какую-то неестественность.

— Я кладу их к твоим ногам! — выкрикнула она в ответ слова древнего наванского приветствия.

— Взойди на борт и получи почести от суверена, — завершил ритуальную фразу Пашир.

Шазад легко взбежала по трапу и ступила на борт. Король обнял ее и повернул лицом к офицерам, стоявшим на палубе. Те громоглас-

но приветствовали принцессу. Офицеры высшего ранга делали это по долгу службы, а младшие командиры и матросы — совершенно искренне. Принцесса заметила офицера, в глазах которого читалось неподдельное восхищение. Шазад попыталась вспомнить его имя: это был капитан флота Харах, морской офицер, с которым она разговаривала в первый день своего назначения. Он был одним из тех, кто разделял ее взгляды.

Тонем завзятой интриганки Шазад прошептала:

— Не используй меня в качестве шлетки, которой ты желал бы отстегать своих командиров, отец. Они не виноваты в том, что военные корабли двигаются медленнее, чем «Отблеск Луны».

Король глубоко вздохнул:

— Этому мошеннику Гасаму снова удалось меня перехитрить. Неужели ему помогают демоны?

«Точнее будет сказать, что ему помогают твои болваны-военачальники», — подумала принцесса, а вслух произнесла:

— Он использовал свою природную смекалку и советы людей, знающих толк в деле. Боюсь, во Флории не оказалось недостатка в предателях. В порту были захвачены несколько кораблей со всей командой и офицерами на борту. Гасам знал возможности наших судов задолго до того, как мы вышли в море.

— Экая скотина! — проворчал король, но так тихо, чтобы его не услышали придворные. Затем усталым голосом добавил: — И тем не менее сил нашего флота достаточно для оса-

ды. Единственное, что нам остается,— штурмовать город.

Шазад призвала на помощь всю приобретенную при дворе выдержку, чтобы удержаться от стога. Он так ничего и не понял!

* * *

Закат окрасил красным паруса огромных чиванских галеонов, плывущих по проливу. Там, где наванские корабли проходили беспрепятственно, судам Чивы приходилось продвигаться крайне осторожно, чтобы не сесть на мель.

— Только эти плавучие крепости могут блокировать порт,— сказал Харах.

Шазад пригласила его отужинать на борту «Отблеска Луны». Раненых и пленных уже переправили на борт флагмана. Принцесса и ее гость расположились на юте и наслаждались трапезой из свежепойманной рыбы и фруктов.

— Вот именно, что могут,— пробормотала принцесса.

Она уже поведала Хараху обо всех своих сомнениях, умалчивая, разумеется, о некоторых подробностях, о которых решила бы рассказать только отцу.

— Война всегда несет с собой риск и неопределенность,— вежливо улыбнулся Харах.

— Да, но мудрый военачальник старается не подвергать свое войско излишней опасности,— заметила Шазад.— Ни один король не должен начинать ни одной военной кампании, если не уверен в победе. Я считаю, что всегда необходимо продумывать запасной вариант действий на случай неудачи.

— Но эту войну развязали не мы, принцесса. Дикари захватили наванский город, и твой царственный отец не смог оставить это безнаказанным.

Шазад протянула кубок, и прислуживающая им девочка вновь наполнила его вином.

— Надеюсь, ты не сочтешь меня изменницей, Харах, если я скажу, что мой отец справляется с делами намного хуже, чем пятнадцать лет назад. По-моему, не следовало так спешить. У нас было достаточно времени, чтобы начать одновременные действия на суше и на море.

— Помимо этих дикарей опасность грозит нам и со стороны Омайи. Пашир не сможет оставить столицу без должной защиты, пока король Оланд претендует на наванскую территорию,— смутился Харах.

— Было бы куда разумнее сначала предотвратить угрозу со стороны Омайи,— сказала Шазад.

— И оставить Флорию варварам?

— А что здесь такого? С Гасамом можно было бы заключить перемирие. Сейчас он стал бы нам неплохим союзником...

— Союзником? — переспросил капитан. В его голосе слышалось явное изумление.

— Конечно. Он мог бы помочь нам на суше, а мы за это отдали бы ему на разграбление территорию Омайи. Это заняло бы у дикарей несколько лет. Короли всегда откупались от корыстолюбивых наемников, отдавая им какие-то земли побежденных.

— Но после того как они захватили наванский город, это было бы...

— Капитан Харах, если ты сейчас начнешь говорить мне о чести, я сильно разочаруюсь в тебе.

Шазад поворачивала в пальцах кубок с вином, восхищаясь его игрой в лучах заходящего солнца. Харах на некоторое время умолк.

— Принцесса,— наконец вымолвил он,— скажи, чего ты хочешь от меня?

— Когда капитаны этих чиванских монстров будут полностью уверены, что не сядут на скалы, мы начнем штурм города. Может случиться так, что город будет взят без труда, но вполне возможно, что победа достанется нам лишь после долгого, изнурительного боя. В общем-то меня это волнует не так уж сильно. Когда все будет позади, мы вернемся домой и устроим в столице великое празднество по случаю победы. Но все может обернуться и иначе.

— И как ты считаешь, что случится, если все действительно произойдет по-другому?

— Гасам невероятно изобретателен, и нас еще наверняка поджидает впереди много неожиданностей. В любом случае король должен быть под надежной защитой. Сейчас сюда движется много штурмовых отрядов, и, по-моему, нет необходимости посылать в бой морских пехотинцев с «Дракона войны».

— Я капитан этого корабля.

— Да, это так. Так что будь чрезвычайно бдительным и не упusti какую-нибудь хитрость Гасама. Я хочу, чтобы ты все время находился рядом с королем и наблюдал за его ближайшим окружением. Я не доверяю этим людям. Они могут попытаться убить его и захватить

флот или сдать его за приличное вознаграждение Гасаму. Даже если тебе будет приказано сражаться на берегу, оставайся со своими людьми возле короля.

— Ты предлагаешь мне не подчиняться приказам?

Шазад в раздражении хлопнула ладонью по столу:

— Я приказываю тебе защищать короля! Если битва будет проиграна, мой отец может попытаться покончить с собой. Если ты заметишь это, силой доставь его на «Отблеск Луны». Как и многие мужчины, мой отец придает слишком большое значение такому понятию, как честь. Редкостная глупость! Что значит одна битва? Что значит потеря нескольких тысяч человек? Мы вернемся домой и будем готовиться к новой кампании. У нас есть столица, есть армия, в конце концов, в нашем распоряжении — целое королевство! Если понадобится, я буду воевать с Гасамом хоть три десятка лет! Не одну королевскую династию привело к краху заблуждение, что победа или поражение в войне зависят от результатов одной битвы.

Харах некоторое время размышлял над ее словами, а затем сказал:

— Думаю, ты рассуждаешь мудро и обладаешь здравым смыслом, принцесса.

— А мне все чаще кажется, что я единственный человек в королевстве, им обладающий. Ты исполнишь мою просьбу?

— Да, принцесса.

— Хорошо. Позже я скажу, что тебе нужно делать дальше. Если я не возьмусь за это

дело, защитить королевство будет некому. Мой отец окружен глупцами. Я бы никогда не позволила подобным людям даже близко подходить к себе. Безумие выбирать приближенных из знати, традиционно окружающей престол. Я бы охотнее согласилась иметь слугой смышленного третьего сына помещика из провинции, чем держать возле себя полоумного герцога! — Принцесса окинула взглядом пролив. Чиванские галеоны были готовы присоединиться к флоту Навы. — Уже поздно. Можешь вернуться к своей команде, капитан Харах.

Ее собеседник поднялся, склонившись в низком поклоне. Когда капитан удалился, Шазад попросила принести шкатулку с письменными принадлежностями. На рассвете в столицу уйдет быстроходное судно, и она хотела отправить с ним свои послания.

* * *

Как некая неотвратимая сила природы или волна прилива, наванский флот медленно надвигался на город. Во главе флотилии шли лодки со штурмовыми отрядами. Они должны были захватить плацдарм на побережье и помешать врагу установить катапульты.

Шазад заняла место рядом с Сааном на наблюдательной площадке, сооруженной по ее указанию на топе мачты. Она жаждала быть в гуще событий. К перилам этой площадки была прикреплена подзорная труба, сделанная руками лучшего наванского оптика.

Внезапно нос вырвавшейся вперед лодки взлетел вверх, и воины кубарем посыпались в

воду. Через мгновение такая же участь постигла и лодку, идущую следом. Остальные начали маневрировать, чтобы замедлить ход.

— Что случилось? — спросила принцесса Саана, который, прикинув к подзорной трубе, наблюдал за происходящим.

— Подводные заграждения, — ответил капитан, уступая ей место. — Скорее всего, наклонные колья, вкопанные в песок.

Некоторые солдаты, упавшие в воду, напорлись на эти заграждения. Волны окрасила кровь, тонущие люди хватались друг за друга, издавая душераздирающие вопли. Шазад отвела глаза от трубы. Капитан указал на транспортные суда — находившиеся на них солдаты садились в лодки.

— Это подкопщики и ныряльщики, — объяснил Саан. — Они ликвидируют препятствия. Похоже, нам предстоит длинный и нелегкий день...

Солнце едва поднялось над линией горизонта. Шазад с интересом наблюдала за работой подкопщиков. Они обвязывали торчащие колья веревками и, в то время как ныряльщики опускались на дно, подкапывали их и прикрепляли концы веревок к шлюпкам, после чего гребцы, налегая на весла, вытаскивали подводные заграждения. Некоторые колья были врыты слишком глубоко, и вытянуть их оказалось невозможно. Тогда веревки забрасывали на галеоны. Все это происходило под непрерывным потоком стрел противника. На кораблях, находившихся вблизи подводных заграждений, спешно устанавливали переносные щиты для прикрытия десанта от обстрела лучников.

До сих пор Шазад представляла себе битву только как кровопролитное сражение, сейчас же перед ее глазами предстала тяжелая, кропотливая работа. И это тоже была война. Принцесса с удовлетворением отметила, что эти люди прекрасно знали свое дело. Вообще-то она надеялась, что до битвы не дойдет. Наванцы могли иначе поразить противника. Шазад знала, что варвары, великолепные воины, не считали нужным заниматься тщательной подготовкой к бою.

Волнорез и прибрежную полосу наванцы заняли очень быстро и легко, но сейчас на волнорез начали карабкаться дикари. Принцессе казалось, будто они свободно поднимаются по вертикальной стене, однако на самом деле люди часто срывались в воду, поднимая фонтаны брызг.

— Откуда они появились? — спросила Шазад.

— Должно быть, приплыли на плотах с катапультами.

В это мгновение одно из ограждений «Отблеска Луны» было разрушено, и со стены на парусник снова посыпался град стрел.

— Взгляни вон туда, госпожа, справа от башни.

Принцесса повернула подозрную трубу в указанном направлении. На крепостной стене Флории расположились на кушетках, наблюдая за битвой, два человека. Издалека они казались крошечными, но даже с такого расстояния Шазад смогла узнать Гасама и его королеву. Принцесса до боли в висках напрягла зрение, но ей так и не удалось рассмотреть черты ее лица. Единственное, что не вызывало сомне-

ний, так это то, что на королеве не было почти никакой одежды.

Долгий день продолжался. Шазад несколько раз покидала свой наблюдательный пункт, чтобы перекусить и освежиться. Она с сожалением думала, какой вред солнце и ветер принесут ее нежной коже. Принцесса недоумевала, как Ларисса могла так долго лежать на стене почти обнаженной и с непокрытой головой. После полуденной трапезы к Шазад подошла Кровавая Секира.

— Госпожа, мы участвуем в войне или в строительных работах? Я никогда не видела столько рабочих и рабов, претендующих на то, чтобы называться воинами.

— А ты не хотела бы помочь им? — спросила Шазад.

— Нет, но...

— На юге вы воюете иначе?

Женщина усмехнулась:

— На юге мы деремся! Битва — единственное достойное занятие для воина!

— Тогда зачем твоему королю все это? — спросила принцесса, указывая на покачивавшиеся на волнах чиванские галеоны.

— На островах и полуостровах есть крепости, которые удерживают соперничающие друг с другом мелкие князьки, дикари и пираты. Большие корабли нужны для штурма этих крепостей, — сказала Кровавая Секира.

Шазад подумала: «Интересно, кого считает дикарем Кровавая Секира?»

— Терпение, моя дорогая, — вздохнула Шазад. — Скоро прольется так много крови, что ты и представить себе не можешь...

Солнце село, но работа продолжалась при свете факелов и ламп, заправленных маслом кулачных орехов. Подкопщики и ныряльщики трудились в поте лица, и Шазад зачарованно следила за этим зрелищем. Это было не похоже на все то, что она видела до сих пор. Скудное освещение не позволяло стрелкам с берега правильно определять расстояние, и обстрел прекратился. Шазад приказала Саану подвести парусник ближе к берегу.

Судно приблизилось к месту, где разбирались подводные заграждения. Принцесса видела, как блестят от пота и морской воды тела воинов, чувствовала резкий запах, исходивший от их тел. Складывалось впечатление, что они не чувствуют усталости. На поверхности воды плавали деревянные обломки и множество трупов. Течение сносило их на юг — к утру они уже исчезнут из поля зрения.

Шазад не видела огней на городской стене. Гасам и его королева, если они еще были там, наблюдали за происходящим из темноты. Однако, скорее всего, они покинули стену. До утра бой не начнется, и еще не известно, произойдет ли он утром. Принцесса отдала приказ отвести корабль на прежнее место и, почувствовав, что устала до полного изнеможения, удалилась в свою каюту.

К следующему утру от заграждений был расчищен достаточно большой участок. Когда солнце осветило горизонт, Шазад вернулась на свой наблюдательный пункт. Вымпелы на флагмане и других кораблях были сначала подняты, а затем приспущены. Барабаны и трубы сыграли сигнал, и флот начал продвигаться ко входу в гавань.

На этот раз не все корабли двинулись одновременно. Сначала ко входу в порт направились двухпалубные суда, затем — трехпалубные. «Дракон войны» пока оставался на своем месте.

— Саан! — воскликнула принцесса. — Подведи судно как можно ближе к волнорезу. Я хочу следить за ходом событий в гавани.

— Как пожелаешь, госпожа, — ответил капитан. — Но если дикари снова начнут стрелять, я буду вынужден повернуть обратно. Это приказ твоего отца.

— Делай, как я сказала!

Шазад не видела на волнорезе лучников, возможно, потому, что волнорез уже находился в руках наванцев. К тому же принцесса сомневалась, что неприятель станет расходовать стрелы на ее суденышко, когда перед ним был целый флот Навы.

Они плыли как раз вдоль волнореза, когда первый корабль вошел в гавань. Вражеские воины столпились на причалах. Они размахивали оружием и распевали боевые песни. Плоты с катапультами исчезли.

Что-то просвистело над головой Шазад. Принцесса подняла голову и увидела огромный зазубренный снаряд, летящий к городу. Он упал за крепостной стеной, задев ее вершину. Это стреляли с катапульты ближнего чиванского галеона.

— Эти суда наконец-то начинают оправдывать своё присутствие, — заметил подошедший к ней Саан.

Первый корабль вошел в порт под приветственные крики наванских солдат, стоявших

на волнорезе. Нос судна был защищен огромным бронированным щитом. Над гребным отделением располагался легкий деревянный навес. Как только нос судна показался в гавани, начала стрелять большая вражеская катапульта. Камни ударялись о бронированный нос корабля и отскакивали от него с ужасным грохотом. Один из камней попал по веслам и раскрошил несколько из них в щепки. Шазад услышала раздающиеся с корабля крики.

За этим судном следовало еще одно. На него тоже обрушилось множество камней из катапульт. Второй корабль не был защищен так хорошо, как первый. Камни, попавшие в него, вывели из строя не одного из членов экипажа, находившихся на его борту. Несколько гребцов были убиты, но судно даже не замедлило ход.

Два последующих корабля также попали под обстрел, а когда в гавани показалось пятое судно, в действие вступили огромные метательные орудия, установленные на стенах. Первый же камень, обрушившийся на корабль, пробил насквозь его палубу. Этот снаряд был в десять раз крупнее тех, которыми стреляли остальные катапульти.

Послышались крики ужаса. На судне началась паника. Нос корабля накренился, и вода хлынула через борт. За считанные секунды было выведено из строя рулевое колесо.

— О нет! — закричал Саан. — Посмотри на это, госпожа!

В гавань на полной скорости входил еще один корабль. Его огромный медный таран поддел тонущее судно за корму и поднял его

почти вертикально. Затрещали, разламываясь, доски, люди попадали в воду, и многие начали тут же тонуть. С берега слышались радостные вопли дикарей.

Теперь в гавань входили другие трехпалубные суда. Их по-прежнему осыпали снарядами из катапульт, но град камней поредел — на перезарядку орудий требовалось много времени. Огромные палубные катапульты кораблей начали обстреливать плоты и крепость. Ужасный шум ознаменовал первые удачные попадания. Теперь пришел черед ликовать и радоваться наванцам. Чиванские галеоны засыпали город снарядами.

Шазад наблюдала в подзорную трубу за тем, что происходило на берегу. Половина катапульт уже не действовала. Некоторые из них спешно разбирали и переправляли в город. Принцесса догадалась, что их собираются поставить на городскую стену, откуда они продолжат осыпать флот снарядами. Из строя было выведено лишь одно камнеметательное орудие. Но, как уже успела заметить Шазад, от них было не очень много толку. На чиванские корабли по-прежнему были нацелены гигантские катапульты. Снаряды, попадавшие в цель, приводили к большим потерям, но эти катапульты не могли выпускать их более десятка в течение часа.

— Эти орудия обслуживают не шасинны, — заметила Шазад.

— Они считают это обязанностью слуги, а не воина. Я думаю, что дикари вряд ли вообще видели осадные машины до того, как пришли на материк. А эту работу вместо них выполня-

ют рабы и те, кто перешел на сторону врага,— объяснил Саан.

— Вот что я сделаю,— сказала Шазад, направив подзорную трубу на стену, где вчера возлежали Гасам и его королева.

Принцесса подумала, что сейчас они, наверное, находятся в одной из боковых башен. Шазад рассматривала маленькую площадь возле причалов. Там толпились шасинны и другие островитяне. Возле корабельных доков было заметно оживленное движение. Затем оттуда появились длинные лодки.

— Каноэ! Я как раз подумал о том, куда они могли деться,— сказал Саан.

— Зачем им каноэ в такой неразберихе? — поинтересовалась Шазад.

Суда в гавани пытались построиться во фронт городской стене. Вошедшее первым трехпалубное судно спешно очищали от обломков протараненного им корабля. В воде по-прежнему барахтались еще живые люди и плавали трупы.

Лишенные возможности маневрировать, корабли эскадры стали прекрасными мишенями для стрелков каноэ, которые осыпали их палубы градом стрел и дротиков. Корабельные катапульты были бессильны против юрких суденышек. Многие из кораблей подверглись абордажной атаке. С первого взгляда было понятно, что команды каноэ умеют вести бой в такой обстановке. Прикрываясь щитами, они с удивительным проворством карабкались на борт галеонов.

— Что ты думаешь? — спросила принцесса у Саана, отводя глаза от подзорной трубы. У

нее занемело все тело, и Шазад вдруг осознала, что уже очень давно наблюдает, не отрываясь, за ходом военных действий.

— Неплохо придумано, — ответил моряк, почесывая заросший щетиной подбородок. — Этот Гасам хоть и дикарь, но очень сообразителен. Или у него неплохие советники. Он лишает наши корабли всех их преимуществ. Огромные суда приносят толку не больше, чем утлые лохани. Это совсем не похоже на настоящую морскую баталию. Среди наших солдат и офицеров немало опытных, умелых бойцов, но когда на борт взбирается такая толпа свирепых дикарей, на судне не может не возникнуть паника. Поверь, госпожа, в рукопашном сражении первостепенную роль играет дикая жестокость.

Шазад вспомнила предыдущую баталию у стен этого города. Островитяне теснили наванцев до тех пор, пока те не утратили способности сопротивляться. Внезапно ее осенило.

— Саан, почему они не пытались с помощью катапульта поджечь наши корабли? — спросила она.

— Я сам думал над этим, принцесса. Я же говорю, что это не похоже на настоящий бой. Мне кажется, король Гасам хочет захватить наши суда.

У Шазад от изумления едва не остановилось сердце.

— Хочет захватить наши суда? Но...

— У Гасама есть армия, которая во многом превосходит нашу. Прошу простить меня за эти слова, принцесса... Но флота у него нет, если не принимать в расчет каноэ. Одна-

ко он получит корабли, если сумеет выиграть у нас этот бой.— Капитан говорил бесстрастным тоном, но лицо его было бледным и мрачным.

— А разве капитаны не прикажут потопить суда до того, как те будут захвачены противником? Разве они не связаны присягой? — спросила Шазад, сама осознавая нелепость своих вопросов.

— Принцесса, я полагаю, мне не нужно объяснять тебе, что представляет собой большинство старших офицеров флота. В случае поражения они не станут топить корабли и уж тем более лишать себя жизни. Они скорее сдадутся на милость победителя и будут служить Гасаму. Будь уверена, в благодарность за сохранение своих жизней они с наслаждением станут лизать ему задницу...

Шазад с такой силой сжала перила палубы, что костяшки ее пальцев побелели.

— Что он за человек? — спросила принцесса, хотя сама прекрасно понимала, чем Гасам был не похож на всех других королей-завоевателей.

Внезапно послышался странный звук, который заставил застучать кровь в ее висках.

— Что это? — спросила она, в недоумении оглядываясь.

— Это «Разрушитель», госпожа. Такое название дали наши моряки чиванскому галеону взамен его бесконечного непроизносимого имени. Второй корабль называют «Победоносным».

У входа в гавань показался поистине гигантский корабль. Удары, которые услышала Шазад,

издавал огромный барабан, задающий ритм гребцам.

— Перила его палубы на высоте двадцати футов от поверхности моря,— восхитилась Шазад.— Наверняка варвары не смогут забраться на него со своих лодчонок.

— Я тоже надеюсь на это, принцесса,— сказал Саан.

Он взглянул вниз, чтобы проверить, все ли в порядке на корабле. Матросы выглядели встревоженными, но в то же время были довольны, что не участвуют в битве. Чиванские женщины были настроены совсем по-другому. В течение всего дня они слышали звуки сражения, но не имели возможности вступить в бой, тогда как их подруги на борту «Разрушителя» сейчас готовились к схватке.

«Победоносный» стоял у входа в гавань. Его катапульты, установленные на специальных подвижных платформах, вели непрерывный огонь по стенам города. За «Разрушителем» следовала целая флотилия транспортных судов.

— Что за глупость? Зачем они сюда плывут? У них ведь нет никакого вооружения! — воскликнула Шазад, указывая на корабли.

— Я думаю, что чиванские монстры войдут в гавань и будут прикрывать десант. Транспортные суда подойдут вплотную к чиванским галеонам, и тогда солдаты смогут перебраться по их палубам и помочь десанту. Может быть, этот план еще сработает...

— Но почему в бой вступил только один чиванский галеон? Нет, не отвечай. Я и сама вижу, что для второго здесь просто нет места.

Эта гавань слишком мала для всего наванского флота да еще двух кораблей чиванцев.

— Госпожа, могу ли я предложить тебе кое-что, не опасаясь быть немедленно казненным? — спросил Саан.

Подумав, Шазад ответила:

— Саан, ты преданный и верный человек. Говори, я заранее прощаю тебя.

— Ветер сейчас дует с севера. Позволь мне поднять парус и доставить тебя в Касин! Беда не приходит одна, и я думаю, что наши неприятности еще не закончились...

Шазад глубоко вздохнула, потом закрыла глаза и попыталась сосредоточиться среди окружавшего ее невероятного гвалта. Соблазн был велик. Она все равно никак не могла повлиять на ход событий. Однако принцесса отрицательно покачала головой:

— Нет. Я останусь здесь до конца, Саан.

Огромный ливанский катамаран вошел в гавань. Его появление вызвало на берегу немедленную бурную реакцию. Дикари потрясали копьями, поднимали вверх щиты и выпускали боевые кличи. Защитники на стенах заняли свои позиции.

Сопровождаемый менее крупным судном «Разрушитель» вышел на середину гавани и развернулся носом к городским воротам. Наванские корабли в это время продолжали вести ожесточенный бой с каноэ. Одно судно, похоже, было уже захвачено неприятелем, и сейчас его отводили от других наванских кораблей. Потом его взяли на буксир каноэ, которые двинулись в сторону причалов.

— Когда же чиванцы наконец вступят в бой? — с тревогой спросила Шазад.

— Я думаю, они ждут прибытия короля, госпожа, — ответил Саан. — Что это? — капитан вдруг указал рукой на вход в гавань. — Не может быть!

На полной скорости в гавань входил «Дракон войны». Корабль шел на веслах красиво, словно на маневрах. Напротив городских ворот судно начало разворачиваться. Корма «Дракона войны» находилась теперь в сорока ярдах от парусника Шазад, по другую сторону от волнореза. Судно бросило якорь на южном фланге наванского флота. К «Дракону войны» немедленно направилась дюжина каноэ.

— Отец! — закричала Шазад. — Уходи отсюда!

Из-за стоявшего вокруг грохота король, разумеется, не мог слышать ее слов. К тому же он, даже услышав, наверняка пропустил бы их мимо ушей. На борту «Дракона войны» появились сигнальные флажки, и чиванский галеон начал медленно продвигаться вперед. Развив большую скорость, судно рисковало врезаться в каменные причалы.

Подойдя вплотную к городской стене, катмаран отдал швартовы. Когда с обоих корпусов судна на стену города были перекинuty штурмовые лестницы, послышались одобрительные крики наванцев. Вверх по ним ринулись штурмовые отряды, спешившие на помощь морскому десанту и сухопутным войскам. Шазад впервые в жизни видела большое судно с малой осадкой, способное штурмовать городские укрепления.

Принцесса почувствовала воодушевление. Может быть, им сегодня и улыбнется удача? Дикари, должно быть, напуганы одним только видом этой всесокрушающей силы. Возле городских ворот наблюдалось некоторое волнение, и она навела подозрную трубу, чтобы выяснить, что происходит. Но видимость почему-то оказалась плохой. Взглянув на запад, Шазад увидела, что солнце садится. Неужели день мог промелькнуть так быстро? Ей казалось, что совсем недавно первый наванский корабль вошел в гавань.

— Они открывают ворота, принцесса, — сказал Саан.

— Но почему? — спросила Шазад.

Знали ли дикари, как защищать город от штурма? Вскоре принцесса увидела, как из городских ворот показалась цепочка воинов с черными щитами, вооруженных длинными шасинскими копьями. Варвары собирались для контратаки.

— Шасинны! — прошептала Шазад охрипшим от волнения голосом. — Вот для чего берег их Гасам!

На узкой полоске берега шло ожесточенное сражение. Повсюду слышался лязг оружия. На защищавшихся в огромном количестве продолжали сыпаться снаряды, но на своем пути они чаще всего встречали щиты, от которых с грохотом отскакивали. Над городом царила какофония звуков: ликующие крики, пение, плач, стоны. Раненые воины, пошатываясь, брели вдоль причалов и падали, спотыкаясь о тела убитых товарищей.

В это время штурмовые отряды пытались прорваться в город, но их усилия пока не увенчались успехом. Шазад видела, что на месте предполагаемого штурма городских стен Гасам приказал соорудить настилы, и теперь там стояли шасинны. Вместо отдельных групп воинов, отчаянно пытающихся отразить натиск неприятеля, штурмовые отряды столкнулись с небольшой армией. Скоро шасинны захватили верхнюю часть штурмовых лестниц, и сейчас там шел жестокий бой. Шасинны подняли свои щиты, образовав укрытие, защищающее их от стрел, которые летели с катамарана.

В течение нескольких минут штурмовые отряды были вытеснены с городской стены, и шасинны теперь вели ожесточенную борьбу на штурмовых лестницах. Бой проходил на огромной высоте, но дикари были свирепы и действовали с потрясающей жестокостью. Казалось, кровь сама по себе брызжет с накопечников их острых копий. Шасинны на причалах метали дротики на борт катамарана. Шазад никогда бы не поверила, что это оружие с бронзовыми наконечниками может с такой невероятной точностью поражать цель с огромного расстояния. Дротики островитян легко пробивали щиты и доспехи, поражая наванских воинов.

— Почему наши моряки не обрубят швартовы и не отступят? — закричала Шазад.

— Потому что копьеносцы убьют каждого, кто хотя бы попытается сделать это, — ответил Саан.

Шазад видела, как офицеры приказали солдатам обрубить канаты, удерживающие ката-

маран. Когда один из воинов приблизился к ним с поднятым топором, его пронзили сразу три копья. Солдат упал на палубу, корчась от боли. Несколько наванцев выступили вперед, прикрываясь в качестве щита крышкой люка. За ними следовали солдаты с топорами. Солдатам удалось наконец обрубить канат, но уже было слишком поздно. Шасины штурмовали палубу корабля и его надстройки.

Шазад отвернулась от подозрной трубы и, посмотрев на Саана полными боли глазами, сказала очень тихо:

— Отец еще может попытаться вывести оставшиеся корабли из гавани. Все кончено...

— Нет, это еще не конец, — не согласился Саан, указывая рукой на кормовую надстройку «Разрушителя».

Там развевались сигнальные флажки. Снова послышалась барабанная дробь. В гавань входил второй чиванский катамаран.

— Уже стемнело. Как они собираются воевать в темноте?

Как будто отвечая на вопрос принцессы, из-за стен города вынесли факелы, осветившие причалы. На кораблях наванцев подвешивали к бортам лампы, заправленные маслом кулачных орехов. Шазад увидела, что дикари захватили еще два корабля, один из которых был трехпалубным. Захваченные суда они отводили к удаленным причалам. Принцесса разглядела, как от дальнего причала отделилась зловещее темное пятно.

— Что это? — спросила Шазад.

Саан взглянул в подозрную трубу:

— Насколько я могу судить — двухпалубное судно. Скорее всего, оно досталось дикарям, когда они захватили город.

— Как движется это судно? Я не вижу весел. Еще не так темно, чтобы я не могла их заметить.

Саан около минуты приглядывался к судну:

— Сзади находятся каноэ, которые толкают судно.

Двухпалубное судно медленно продвигалось по гавани. Оставшиеся у наванцев корабли были обращены кормой к волнорезу, а «Разрушитель» пришвартован к причалу. Таким образом, центр гавани оставался свободным. Гребцы каноэ тянули протяжную песню. Корабль прокладывал себе путь среди плавающих в воде трупов и еще живых людей. Остальные каноэ спешили освободить ему дорогу. Корабль направлялся к «Победоносному», который в эту минуту медленно входил в гавань. С борта двухпалубного судна спрыгнул в воду какой-то человек и поплыл к берегу.

— Неужели они собираются идти на таран? — спросила Шазад. — Этот корабль слишком мал для того, чтобы... — Принцесса запнулась, увидев поднявшийся над судном столб дыма.

— Похоже, госпожа, нам больше не придется беспокоиться о том, что стало темно...

Над бортами судна показались язычки пламени. Гребцы заработали с удвоенной силой, повернув каноэ вспять. Корабль, двигаясь по инерции, почти вплотную подошел к «Победоносному». Внезапно его палуба с грохотом

разлетелась на куски, и оттуда рванулся вверх столб огня. На чиванский корабль, как из жерла вулкана, изверглись горящие бочки, наполненные маслом кулачных орехов. Огромный корабль мгновенно превратился в огненный шар. Даже на расстоянии двухсот ярдов Шазад ощущала жар от этого ужасного костра.

С берега слышались ликующие вопли. Шасинны окончательно захватили «Разрушитель». Принцесса увидела на его кормовой надстройке группу воинов. Над головами они подняли большой щит, на котором стоял человек. Освещенный языками пламени, он поднял вверх свое стальное копьё, и вся гавань и городская стена огласилась гимном победы варваров. Шазад вернул к действительности голос Саана.

— Боюсь, что теперь действительно все кончено, принцесса. Фарватер заблокирован, и эскадра не сможет покинуть гавань. Мы в западне. Полное поражение... Нам следует немедленно уходить отсюда.

Как замороженная, Шазад наблюдала за тем, что происходит в гавани, пытаясь разглядеть посреди всего этого хаоса и неразберихи что-либо, что может дать хоть какой-то лучик надежды.

— Но большинство кораблей еще в строю! — воскликнула она.

— Ненадолго. Посмотри, госпожа! — На волнорезе шла ожесточенная борьба между шасиннами и наванскими штурмовыми отрядами. — Скоро шасинны захватят волнорез, а оттуда переберутся на корабли. Это конец. Я могу давать команду к отходу?

Шазад повернулась к нему, ее глаза горели гневом.

— Ты останешься здесь! Мы никуда отсюда не двинемся, пока на борт не ступит король!

Не теряя времени, она сбежала вниз по лесенке.

— Кровавая Секира! — закричала она. — Ты и твои девочки следуйте за мной на волнорез!

Принцесса сорвала с себя жакет, сковылавший ее движения, и прыгнула в воду. Сделав несколько гребков, она почувствовала ногами дно и вскарабкалась на волнорез. Все ее люди были заняты борьбой с шасиннами, помочь ей было некому. Обувь пропиталась водой и тянула принцессу вниз. Ей бы следовало разуться, но на это не было времени. Когда она бегом преодолела короткое расстояние до «Дракона войны», Шазад показалось, что ее легкие охвачены огнем. Борта корабля возвышались над Шазад. Подоспевшие первыми чиванские женщины подхватили принцессу и подняли ее на свои плечи. Оттуда Шазад вскарабкалась на борт корабля. За ней следовали женщины-воины.

На корме толпились люди, и среди них Шазад разглядела отца. За этот день он постарел на два десятка лет. Окружавшие его люди что-то злобно и возбужденно выкрикивали. Единственное слово, которое она могла разобрать, было «Сдавайся!». За спиной короля появился человек с кинжалом в руке. Шазад указала на него рукой, и одна из чиванских женщин, подскочив, нанесла ему по голове удар топором.

Король повернулся и с изумлением уставился на дочь.

— Шазад?! Что ты здесь делаешь? Почему ты не на...

— Отец, немедленно поднимайся на борт «Отблеска Луны!» — закричала принцесса.

— Нет! — воскликнул один из адмиралов. — Мы должны сдать! Может быть, нам предложат выгодные условия, если...

— Если ты сдашь врагу своего короля? — зловеще спросила Шазад. — Убейте его! Убейте всех этих подонков!

Чиванские женщины с воодушевлением принялись выполнять ее приказание. Палубу корабля обгарили потоки крови.

— Но, Шазад... — произнес Пашир голосом, в котором явственно слышалась дрожь. — Я должен...

Принцесса не слушала. Она перегнулась через перила и взглянула вниз. Морские пехотинцы еще обороняли судно, но шасинны, ловко орудуя копьями, уже занимали полубак.

— Харах! — изо всех сил крикнула Шазад, увидев капитана.

Он повернулся. По его лицу струился пот. На нем был шлем из бивней туну; кираса, сделанная из акульей кожи, носила множество отметин от вражеских копий. Мускулистые руки Хараха покрывали кровоточащие раны. Он что-то крикнул своим людям и подбежал к Шазад.

— Принцесса? — воскликнул он, отдавая честь.

— Собери своих людей и помоги доставить короля на борт «Отблеска Луны!» — Она указала

ла на быстро приближающихся шасиннов: — Смотри! Сейчас они будут здесь!

Харах отвернулся, достал свисток и дунул в него несколько раз. Морские пехотинцы быстро собрались вокруг своего командира. Шазад с восхищением наблюдала за этой сценой. Как приятно, когда подчиняются мгновенно и беспрекословно! Однако ей еще о многом предстояло подумать, перед тем как покинуть этот корабль. Воины из каноэ перебирались по абордажным крюкам на палубу. Это были люди со светлой кожей и бритыми головами, она видела таких впервые.

Харах и его люди взбежали по лестнице. Некоторые из них упали, сраженные вражескими копьями.

— Принцесса? — спросил Харах, ожидая дальнейших приказаний.

— Твоя задача — сопровождать моего отца на «Отблеск Луны». Парусник стоит по другую сторону волнореза. Любой ценой его нужно доставить в столицу.

Харах немедленно отдал приказание своим людям. Они, не обращая внимания на протесты, подхватили короля и передали его своим товарищам, стоявшим внизу. Шазад на радостях схватила Хараха за окровавленные плечи и крепко поцеловала в губы.

— Будь уверен — за это я сделаю тебя генералом! А сейчас немедленно уходим отсюда. Мы еще должны успеть отдать приказ к отходу малых судов. Таким образом мы хоть немного насолим Гасаму...

Она подошла к перилам. Харах приподнял ее и передал в руки женщины-телохраните-

ля, а затем и сам спрыгнул за борт. Дикари уже почти полностью захватили корабль и теперь убивали последних морских пехотинцев, которым Харах приказал прикрывать их отход. Шазад видела Саана, махавшего им рукой с борта «Отблеска Луны». Звуки боя приближались.

Кровавая Секира повернулась к Шазад, но в это мгновение в ее горло вонзился топор. Свалился мертвым последний наванский офицер, и корабль оказался занят шасиннами. Чиванские женщины собрались вокруг принцессы, чтобы защитить ее и дорого продать свои жизни. Посреди царящей вокруг неразберихи Шазад смогла разглядеть по другую сторону волнореза поднимающихся на борт «Отблеска Луны» людей. Саан поднимал паруса. Харах не предпринял попытки вернуться и спасти Шазад. «Он точно выполняет мой приказ,— подумала принцесса.— Если бы таких людей было больше, наванцы не проиграли бы столь бездарно эти сражения...»

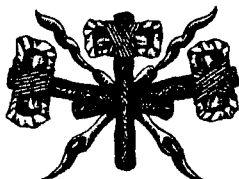
Чиванские женщины падали одна за другой, сраженные копьями противника. Когда ликующие дикари окружили ее, Шазад не стала сопротивляться. Ее поставили на колени. Что-то холодное коснулось ее шеи. Подняв глаза, принцесса увидела сверкающий наконечник копья. В шею уперлось еще одно копье. Копья скрестились прямо под ее подбородком. «Если они хоть немного надавят, моя голова мгновенно слетит с плеч»,— мелькнуло в голове Шазад. Однако ее не испугала эта мысль. Она даже хотела, чтобы ее убили. Внезапно копья отодвинулись от ее шеи, и кто-то под-

нял принцессу на ноги. Позже она поняла, что приставленные к шее копья были у шасиннов своеобразным ритуалом взятия в плен. Подталкивая ее сзади остриями копий, Шазад повели по направлению к городу. «Испытания еще не закончены», — с грустью думала принцесса. Однако она совершила то, что считала совершенно необходимым: король Навы был спасен.

Глава тринадцатая

Н

а рассвете «Победоносный» и остатки корабля-торпеды все еще испускали столбы дыма. Остов двухпалубного судна, пораженного снарядом из катапульты, лежал на боку. Вокруг плавали трупы и обломки кораблей.

Шазад прислонилась спиной к городской стене и подставила всходящему солнцу иззябшее тело: шасинны сняли

с нее всю одежду, оставив принцессу совершенно обнаженной.

Тяжелое деревянное ярмо, надетое на шею, не позволяло принцессе расслабиться. Ныли запястья, скованные наручниками, цепь в которых была заменена жестким брусом. Кроме нее возле стены сидело еще около полусотни пленников. Большинство из них были подкопщиками. Пленных солдат, матросов и морских пехотинцев собрали в другом месте. На земле лежало множество оставленных без какого-либо ухода раненых. Время от времени к ним подходил воин-островитянин и, присмотревшись, с помощью меча или копья быстро избавлял от мучений того, кто, по его мнению, и так бы не задержался на этом свете.

Тело принцессы покрывали синяки и кровоподтеки. Боль и усталость заполнили все ее существо. Когда-то она вместе с другими знатными наванцами с удовольствием предавалась эротическим играм, во время которых принцессе нравилось быть «рабыней» и подчиняться чужой воле, зная, что игра по ее желанию может быть закончена в любое мгновение. Но Шазад всегда догадывалась, что настоящее рабство совсем не походило на их игры.

Внезапно по коже принцессы пробежал холодок: прямо перед собой она увидела чьи-то широко расставленные ноги.

— Поднимайся, женщина,— приказал властный голос.

Она подчинилась. Несмотря на тяжесть колодки, пригibasшей вниз ее шею, Шазад под-

няла голову и взглянула в глаза говорившему. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Голова человека была гладко выбрита, за исключением длинной пряди на темени, пропущенной сквозь золотое кольцо. В его ушах также висело несколько золотых колец. Кожаная куртка, подпоясанная широким ремнем и украшенная кораллами, указывала на достаточно высокое положение говорившего. Скорее всего, он был надсмотрщиком. Что-то подсказывало принцессе, что родом он был не с Островов.

— Как твое имя? — спросил надсмотрщик.

Вокруг собралась большая толпа любопытных островитян. Шазад ничего не ответила. Тогда надсмотрщик кивнул кому-то стоявшему за ее спиной. Внезапно принцессу как будто ожгло пламенем: на ее спину обрушился удар бича. Надсмотрщик подошел к ней вплотную.

— Почему ты не отвечаешь?

— Сейчас меня хлестнули сильнее, чем во время религиозного ритуала, — огрызнулась Шазад.

Внезапно она изловчилась и ударила колодкой, висевшей на ее шее, по челюсти надсмотрщика и, услышав хруст кости, почувствовала мрачное удовлетворение. Мужчина рухнул на каменные плиты причала. В голове Шазад мелькнула мысль, что сейчас ее наверняка убьют. Ожидания принцессы не оправдались — напротив, толпа взвыла от восторга, словно наконец-то увидела зрелище, которого ожидала долгие годы.

— Смотри на меня! — приказал властный женский голос.

Шазад медленно повернула голову. Перед ней стояли две женщины в окружении шасинских воинов. На одной из незнакомок были надеты только узкая набедренная повязка и множество дорогих украшений. Принцесса подумала, что в своей жизни не видела более красивой женщины, а уж в красоте Шазад понимала толк.

— Я королева Ларисса,— услышала она сквозь крики и шум толпы голос незнакомки.— Как ты осмелилась оказать сопротивление надсмотрщику?

В руках королевы был бич. Именно ее хлесткий удар оставил кровоточащий след на теле принцессы. Рукояткой бича она прикоснулась к подбородку Шазад, приподняв его вверх. Принцесса, на шею которой было надето ярмо, почувствовала от этого движения сильную боль.

— Кто ты, женщина? — спросила королева. Ее голос, несмотря на властность, звучал нежно и мелодично.

— Я наванская принцесса Шазад,— ответила пленница.

В толпе послышался удивленный ропот. Королева повернулась к своей спутнице. Это была темноволосая женщина с кожей цвета меда. Ее шею охватывал широкий ошейник. Женщина подошла и внимательно всмотрелась в лицо Шазад.

— Из-за этих синяков, царапин и кровоподтеков я не могу с уверенностью сказать, что она не лжет, госпожа,— произнесла спутница королевы.

— Ты как будто родилась в ошейнике, Дэниаз. Помнится, когда мы были детьми, ты

больше всех любила играть в рабов,— язвительно заметила Шазад.

— А ты прекрасно выглядишь в оковах,— не менее ехидно отозвалась Дэниаз.— Если моя госпожа решит тебя выпороть за проявленную строптивость, я попрошу, чтобы она поручила это мне. Я точно знаю, что тебе это понравится.— Она повернулась к королеве: — Это действительно принцесса Шазад.

— Ты пойдешь со мной.

Шазад пришлось выполнить приказание королевы. Острые осколки разбитых плит причала, впиваясь в босые ступни принцессы, причиняли ей сильную боль. На какое-то время забыв о своем унижении, она не отрываясь смотрела на длинные ноги королевы Лариссы и ее великолепные бедра. Это зрелище повергло ее в смятение. Никогда прежде Шазад не встречала в своем окружении женщин, способных затмить ее красотой. И именно сознание этого вызывало в ней еще большую боль, чем уколы каменной крошки и тяжесть оков.

— Этим утром ко мне пришел воин,— сказала, не оборачиваясь, королева.— Он сообщил мне, что его люди взяли в плен женщину. Когда рассвело, они увидели, что пленница одета как знатная дама. Тогда он вспомнил, что ее пленили при попытке бегства с наванского флагамена. Воин решил, что эту женщину можно отдать мне в услужение. Но, кажется, нам в сети попала действительно золотая рыбка.

— Сними с меня это ярмо,— потребовала Шазад.

— А почему я должна это делать? — подняла брови Ларисса.

— Я принцесса крови, а не какая-нибудь девка. Со мной следует обращаться так, как требует этого мое положение, — вспыхнула Шазад.

— Глупости! Ты такая же наша пленница, как и все остальные, — обронила королева.

— Цивилизованные люди не могут так поступать, — нахмурилась Шазад. Она тяжело дышала, так как дорога круто поднималась вверх.

Везде, где они проходили, люди низко склонялись перед королевой. Одни лишь шасинны ограничивались воинским приветствием.

— Я не принадлежу к вашему цивилизованному миру. Более того, чем больше я встречаю цивилизованных людей, тем больше радуюсь, что я не такая, как они. Хотя, не скрою, мне нравилось читать твои письма. Было забавно разбираться, где в них вымысел, а где правда.

— Но это означает, — заметила Шазад, по-прежнему тяжело дыша, — что ты становишься цивилизованным человеком. Тонко завуалированную ложь твоих посланий можно даже назвать изысканной. Но в них явно чувствовалась рука Дэниаз. Тем не менее я думала, что нам будет суждено подружиться.

— Мои пленники и рабы никогда не могут быть моими друзьями, — холодно произнесла Ларисса. — Ты принадлежишь мне. Не забывай об этом.

К огромному облегчению Шазад, они наконец подошли ко дворцу. Принцесса сочла его

убранство крайне безвкусным. Сам дворец был очень красивым зданием, но королева варваров заполнила его теми вещами, которые нравились ей, а она, без сомнения, не отличалась утонченным вкусом.

Ларисса обратилась к одной из рабынь, одетой в легкое прозрачное одеяние, указывающее на то, что она надсмотрщица.

— Искупай эту женщину и приведи в порядок ее волосы,— приказала королева.— Потом надень на нее ошейник и приведи в мои покои.— Ларисса окинула Шазад холодным взглядом и удалилась, сопровождаемая злорадно улыбающейся Дэниаз.

Надсмотрщица повела принцессу в помещение, где находилась ванна. Она не была похожа на те роскошные ванны, к которым привыкла Шазад. Этой, скорее всего, пользовалась домашняя прислуга, но как бы то ни было, она была значительно лучше большой лохани на борту «Отблеска Луны». Рабыни помогли Шазад смыть с тела грязь. Впервые за много дней Шазад почувствовала себя по-настоящему чистой. Она не обращала внимания на многочисленные ссадины, причинявшие ей сильную боль. Самым большим наслаждением было освободиться от ярма. Она надеялась, что колодку и наручники больше на нее не наденут.

После того как тело Шазад тщательно вытерли полотенцами, надсмотрщица приказала ей сесть на низкую скамью. В то время как одна из служанок расчесывала спутанные волосы принцессы, другая прикладывала все усилия, чтобы скрыть синяки и ссадины на ее

теле. Однако все эти действия куда больше напоминали уход за животным, нежели заботу об особе королевской крови. Так на родине Шазад золотили рога кабо и тщательно расчесывали им гривы и хвосты перед тем, как отправиться на верховую прогулку. Похоже, Лариссе, как и Шазад, нравилось все красивое, только их понятия о красоте сильно отличались.

Последние иллюзии Шазад рассеялись, когда ее привели в маленькую кузню и надели на шею металлический ошейник с цепью. Принцессу заставили встать на колени возле наковальни, снабженной специальной подставкой. После этого Шазад отвели в покои Лариссы. Ошейник составлял единственную деталь туалета принцессы.

— Вот так-то лучше,— заметила королева, оглядев Шазад с возвышения, на котором она лежала, оперев голову на скрещенные руки. Возле Лариссы сидела Дэниаз, массирующая плечи и шею своей госпожи.— Отведите ее вот туда.— Ларисса указала на противоположную стену, в которую была вмурована короткая цепь.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Шазад.

— Я так хочу,— просто ответила королева.

Она поднялась с кушетки. На обнаженном животе и груди Лариссы остались складки от ткани, на которой она только что лежала. Скоро они исчезли, и Шазад с сожалением вынуждена была признать, что никогда не видела у женщин такого красивого оттенка кожи.

— Я собирала сведения о тебе, принцесса,— продолжала Ларисса.— У меня в Касине есть свои шпионы. От них я узнала о том, как ты наводила порядок на флоте.

— Однако этот порядок мало повлиял на исход кампании,— с горечью произнесла Шазад.

— Будешь говорить только тогда, когда я задам тебе вопрос,— холодно прервала ее Ларисса.— В твоих рассуждениях я не нуждаюсь. Как я уже сказала, мне известно, что у тебя сильная воля и ты очень независима. Это, несомненно, означает, что ты обязательно попытаешься сбежать. По этой причине я буду держать тебя на привязи до тех пор, пока не буду уверена в твоей покорности. Времени у меня достаточно. Кроме того, мне доставляет удовольствие приручать таких непокорных созданий, как ты. Уверена, я найду способ сломить твою волю.

В комнату кто-то вошел. Дэниаз и другие рабы вскочили на ноги и согнулись в низком поклоне. На лице королевы появилась улыбка.

— Что это? Твоя новая игрушка?

Шазад почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах. Она узнала голос Гасама.

— Это моя новая рабыня. Еще недавно — наванская принцесса Шазад, дочь короля Пашира.

Король подошел к Шазад и опустился на одно колено. Он был очень высок, и ей пришлось приподнять голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Как это произошло? Еще вчера я видел тебя на маленьком кораблике, с которого ты наблюдала за ходом сражения. Сейчас у меня

тоже есть подозрные трубы. Вы, наванцы, умеете изготавливать прекрасные вещи. Но скоро все ваши мастера будут работать на меня.— Он обворожительно улыбнулся, но в глубине его глаз принцесса видела ужасающую бездну.

— Вынуждена поздравить тебя с одержанной победой, король Гасам,— сказала Шазад тоном дипломата, в котором отсутствовал даже намек на ее теперешнее состояние.

— Битва была великолепной, не правда ли? Это моя лучшая победа,— улыбнулся Гасам.

— Да, твоя победа была впечатляющей.

— Ты верно выбрала слово,— согласился король.— Однако после сражения в гавани остались следы битвы. Я послал пленных очистить ее, а то уже появился запах тлена. Я люблю кровь, но только свежую. Поэтому сражения на суше мне нравятся значительно больше. Когда уходишь с поля боя, пожиратели падали очищают его от трупов.

— Эта битва была великолепным зрелищем,— вмешалась Ларисса.— Никто из тех, кто видел ее или принимал в ней участие, никогда этого не забудет. Крушение кораблей, то горящее судно... Не сомневаюсь, все это войдет в легенду.

— Меня всегда восхищало твое умение облечь мысли в слова, моя королева,— промолвил Гасам.— Ты должна написать письмо моему брату Паширу. Пусть он знает, что его дочь находится у нас — живая и невредимая.

— Мой отец заплатит за меня хороший выкуп,— заверила короля Шазад. Правда, в душе

она сильно сомневалась в этом: возможно, война оказалась разорительной для Навы.

Гасам усмехнулся:

— Почему-то все мои высокопоставленные пленники воображают, что их королевства обладают чем-то таким, что я не смогу взять силой. Я не собираюсь отдавать тебя твоему отцу. Теперь я обладаю тобой и всеми его сокровищами — их я просто еще не успел у него забрать.

— Обидно, что нам не удалось захватить в плен самого короля, — заметила королева.

Гасам пожал плечами:

— Это не имеет большого значения. Если бы я взял в плен Пашира, наванский трон захватил бы кто-то другой — так скоро, как известие об этом достигло бы столицы. Кому-то все равно придется исполнять роль короля Навы до тех пор, пока там не воцарюсь я. Этим человеком может быть и Пашир.

Слова Гасама сильно задели Шазад. Она испытывала страх, отвращение — и сексуальное возбуждение, какое, видимо, испытывает любящая женщина в присутствии сильного, волевого и красивого мужчины. Принцесса видела, как король-победитель взглянул на Дэниаз, и попыталась придать своему лицу непроницаемость настоящей придворной дамы. Однако она чувствовала, как из глубины ее существа поднимается непреодолимый жар, и уповала на то, чтобы не запылали и ее щеки.

— Как ты решил поступить с чиванскими воительницами? — спросила мужа Ларисса.

— Они великолепны, — ответил он, — но отказываются служить мне. Все же я попытаюсь подчинить их себе — это разумнее, чем про-

сто уничтожить. Эти строптивые создания стоят затраченных на них усилий.— Он повернулся к Шазад: — Почему так трудно найти общий язык с этими женщинами? Большинство оставшихся в живых солдат Навы высказали горячее желание служить под моим началом.

— Они поклоняются чиванскому королю,— ответила принцесса.— Он их бог.

— Если они поклонялись, как богу, своему повелителю, то теперь их богом стану я.— Король повернулся к Лариссе: — Что я должен для этого сделать?

Она задумчиво нахмурила брови:

— Вот что. Сыграй на их гордости. Во-первых, они испытывают стыд из-за того, что их взяли в плен живыми. Пускай они как можно сильнее почувствуют свое унижение. Затем скажи им, что их король обманул их и предал. Ты король-бог, и только ты достоин той преданности, которой они дарили неблагодарного... Как его зовут?

— Диваз Девятый,— подсказала Дэниаз.

— Диваза Девятого. Не сомневаюсь, что они будут рады подчиниться тебе. Эти женщины не представляют себе другого существования. Они верные воины короля-бога, и только. А сейчас у них только две возможности: служба новому королю или смерть.

— Что бы я без тебя делал, моя маленькая королева? — довольно усмехнулся Гасам.— Обладая силой, я владею телами людей, но тебе подвластно большее — их души. Я сделаю так, как ты сказала.

— Эти женщины станут достойным пополнением твоей армии, мой господин,— замети-

ла Ларисса. — Однако вчера ты захватил и других пленников. Надеюсь, среди них найдутся искусные гребцы и матросы?

— Здесь нам повезло больше, — сказал король. Отойдя от Шазад, он взял со стола сосуд с пенящейся жидкостью янтарного цвета и налил себе полный стакан. — Большинство матросов и морских пехотинцев присягнули мне на верность. Потери среди наших воинов мы восполним с помощью гребцов с чиванского галеона. Следующим летом я собираюсь начать военные учения.

— Как ты будешь использовать чиванский корабль? — спросила Ларисса.

— Он мне не нужен. Есть много других способов брать портовые города. Это судно требует слишком много гребцов и вооружения. Я думаю, его надо разобрать, а дерево использовать для изготовления новых кораблей. У меня есть идея построить корабль с одним рядом весел, но с более широкой палубой, чтобы на ней поместилось как можно больше воинов.

— Будет ли это судно обладать достаточной скоростью, имея всего один ряд весел? — спросила Ларисса.

— Будет, если на каждое весло посадить по два или три гребца. Мы больше не станем использовать таран. Вместо того чтобы захватить корабль неприятеля, мы топим его. Нужно освоить технику абордажа. А для этого требуется очень много людей.

Шазад была поражена до глубины души. Эти люди были полностью поглощены одной целью, что совсем не свойственно наванцам. Прин-

цесса уже начала думать, что варвары не растрачивают себя на земные блага и помышляют только о войне, могуществе, безраздельной власти над людьми. Кто мог противостоять им, обладавшим природной живостью ума? Ей снова пришла в голову горькая мысль о том, что ее народ вырождается, подвергшись влиянию плотских наслаждений, и вполне заслужил участь быть завоеванным этими одержимыми идеей безраздельной власти варварами.

* * *

«Отблеск Луны» вошел в гавань Касина в полдень. Король предпочел не возвращаться в столицу крадучись, словно вор, под покровом ночи. В этом не было необходимости, так как известие о поражении еще не достигло города. Зеваки увидели парусник принцессы, входящий в порт Касина. На борту были приготовлены крытые носилки, чтобы доставить короля прямо во дворец. Перед тем как корабль пришвартовался, Харах обратился к собравшимся на палубе матросам и морским пехотинцам. Им приказали снять доспехи и тщательно уничтожить все следы, которые могли бы указать на проигранное сражение.

— Не вздумайте хоть словечком обмолвиться о том, что произошло, — сурово предупредил их Харах. — Король прежде всего хочет посоветоваться со своими доверенными людьми. Если кто-либо из вас распустит язык, будьте уверены, я немедленно узнаю об этом, и тогда болтун позавидует тем, кто попал в лапы при-spешников Гасама. Всякому, кто спросит о

принцессе, говорите, что она захворала в пути и вынуждена находиться под присмотром лекарей.

Король покинул «Отблеск Луны» последним, возлежа на крытых носилках. Его телохранители не подпускали к ним никого, кроме капитана Хараха.

— Как ты думаешь, что стало с моей маленькой Шазад? — горестно вопрошал Пашир, обращаясь к капитану морских пехотинцев. Казалось, он постоянно думал о дочери, словно о маленьком ребенке.

— Я видел, как ее взяли в плен, — в который уже раз повторил Харах. — Когда мы покидали волнорез, она, по крайней мере, была еще жива — варвары уводили ее с «Победоносного». Не сомневаюсь, скоро они потребуют за нее выкуп.

— Я заплачу любую цену, только бы вернуть мою девочку. Мое бедное дитя! — В голосе правителя слышалась не свойственная ему нежность. — Она была лучшим моим советником, а я, вместо того чтобы послушать ее, внимал идиотским доводам своих придворных. Боги наказали меня за глупость!

Эти слова вселяли в Хараха определенную надежду. Возможно, король снова сможет стать прежним Паширом.

— Она спасла тебе жизнь, мой король! Возможно, она спасла и наше королевство. Принцесса могла бы избежать плена, но она сочла более важным спасти главу государства и приказала мне любой ценой доставить тебя в Касин. — Капитан знал, что напоминание об их с принцессой взаимном доверии и дружбе будет

совсем нелишним. Харах еще не забыл, что Шазад обещала произвести его в генералы.

— Я во что бы то ни стало должен вернуть ее, — снова и снова повторял Пашир.

Во дворце король покинул носилки и удалился в свои покои, попросив Хараха подождать его. Король приказал слугам привести себя в порядок, так как собирался немедленно собрать Совет — по крайней мере тех его членов, которые не были захвачены в плен во Флории или убиты в прошедшем сражении.

Нежась в горячей ванне и потягивая вино с добавленными в него настоями лекарственных трав, король обдумывал сложившуюся ситуацию. Как действовать дальше? Он сомневался, что придуманный Шазад ход, когда она привлекла жрецов, сработает еще раз. Однако попробовать стоило. Если из этой затеи ничего не получится, пострадает доверие к жрецам, а не к нему.

В окружении короля было несколько представителей высшей знати, которые, узнав о его недальновидности, немедленно попытаются занять трон. Их надо привлечь к ответу до того, как они успеют что-либо предпринять. Пашир прикидывал, кому поручить ключевые посты в государстве. Это должны быть люди, приближенные к королю настолько, что в случае прихода к власти другого правителя их карьера при дворе будет поставлена под угрозу. В таких придворных недостатка не было. И конечно, он приблизит к себе капитана Хараха: этот человек на деле доказал свою преданность.

Как долго ему удастся поддерживать среди людей патриотические настроения? И тут король вспомнил о Хаэле. Где он сейчас? Он прекрасно помнил мальчика, много лет назад гостившего у него во дворце. Пашир тогда был еще герцогом... Положение короля могло значительно упрочиться при появлении Хаэля с его знаменитыми верховыми лучниками. Пожалуй, имеет смысл немедленно послать гонцов на юго-восток. Если они встретят Хаэля, то скажут ему, чтобы тот поторопился. Но удастся ли им его встретить?

Четырьмя часами позже Пашир покинул свои покои и вышел к Хараху:

— Следуй за мной в Зал Совета,— коротко бросил король.

Принявший ванну, причесанный, с заново подкрашенными волосами и бородой, сытно отобедавший, король выглядел на полтора десятка лет моложе того человека, что почти тайно прибыл во дворец. Хараху еще никогда не предоставлялась такая великолепная возможность укрепить свои позиции. Он надеялся, что его удача не будет кратковременной. Харах был одет в форму королевского стража, доспехи до блеска начищены, на боку висел короткий меч морского пехотинца.

Члены Совета при появлении короля склонились в поклоне. Он уже успел поговорить со жрецами, и те согласились на его требования, так как иного выхода для себя не видели. Жрецы должны были сказать, что боги послали им еще одно знамение. Король занял свое место среди членов Совета.

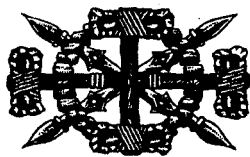
— Я принес вам недобрые известия,— начал он.— Я...— Вдруг он увидел человека, которого не должно было сейчас здесь быть ни при каких обстоятельствах. Это был офицер в запыленной форме.— Как ты оказался здесь, лорд Ашгар? Ведь ты должен находиться на границе с королевством Омайя?

Когда офицер, служивший на границе, без разрешения покидал свой пост, это считалось ни с чем не сравнимым нарушением.

Лорд Ашгар встал с места:

— Сир, у меня тоже плохие известия. Под натиском короля Оланда прорваны северо-восточные границы твоего королевства. Король Омайи завладел обширными территориями нашего государства.

Пашир приложил все усилия, чтобы не показать своих чувств. Это было настоящей катастрофой. Пальцы его правой руки медленно сжались в кулак. Где же Хаэль?!

Глава четырнадцатая

А

рмия Хаэля заканчивала свой переход через Пустынные Земли.

Проводники довели воинов до отрогов могучей горы, что отделяла высокогорье от низменных западных земель.

Путь через отроги был нелегким. Казалось, они сплошь состояли из древней, готовой в любое мгновение рассыпаться в прах породы, поэтому передви-

гаться приходилось с большой осторожностью. К тому же на пути им не попало ни одного источника. Когда всадники Хаэля преодолели последний склон и ступили на плодородную равнину, настроение людей несколько улучшилось. Армия остановилась, чтобы напоить животных из мелкого, но достаточно бурного потока, который нес свои воды в сторону западного моря.

Когда кабо утолили жажду, к Хаэлю подъехал Джоким:

— Наверное, стоит послать охотников за дичью, мой король? Здесь ее должно быть очень много.

— Нет, мы не будем этого делать, пока не узнаем, кому принадлежат эти земли. Предупреди людей о том, что мы вступили на территорию Навы и вести себя надлежит крайне осторожно.

Стояло прекрасное утро. Разведчики вернулись с донесением, что впереди они обнаружили небольшие поселения и пограничный наванский форт с гордо реющим над полуразвалившимися кирпичными укреплениями королевским знаменем. Опасность редко угрожала Наве с юго-востока, поэтому основные средства государственной казны шли на поддержание западной границы.

Навстречу армии Хаэля из форта выдвинулась процессия из сотни пеших воинов, возглавляемая всадником. Он был одет в выцветший плащ поверх кольчуги, а в правой руке держал шлем из кожи туну. По всей видимости, это был командир пограничного отряда наванцев.

— Полагаю, ты король Хаэль? — сказал он, ответив на приветствие. — Кто еще мог бы появиться из пустыни с несколькими тысячами всадников? Я капитан Твула. Нам было приказано ожидать тебя в ближайшее время, поскольку считалось, что, скорее всего, ты пересечешь наванскую границу именно здесь. Добро пожаловать в форт! Твои люди могут встать лагерем возле его стен. Скоро стемнеет, и вам все равно придется остановиться.

Хаэль подумал, что этому человеку редко выпадает возможность с кем-нибудь поговорить:

— Благодарю тебя, капитан. Могу ли я выслать охотников, чтобы добыть дичи?

— Разумеется. К сожалению, мы не сумеем накормить так много воинов. Недалеко к югу отсюда прекрасное место для охоты. К тому же на территории Навы вы получаете право пополнять свои запасы за счет королевской казны на любом государственном складе.

Хаэль приказал разбить лагерь возле форта, а сам последовал за Твулой. В распоряжение короля был предоставлен уютный домик с прелестным садом на крыше. Хаэль устроился под тростниковым навесом, и слуги принесли подносы с охлажденным вином и изысканными закусками. Он заметил, что прислуживали начальнику гарнизона привлекательные молодые люди.

— Я прошу прощения за убогость моего жилища, — сказал наванец, освобождаясь от доспехов. — Живя в такой глуши, приходится мириться с некоторыми неудобствами. Местные жители — просто дикари. Они немногим

отличаются от тех, что живут по другую сторону холмов.

— Что нового слышно о ходе военных действий? — спросил Хаэль, которого мало волновали излияния капитана.

— Мы здесь знаем крайне немного. Последнее сообщение было доставлено около трех недель назад, когда король готовил эскадру к северному походу. Не знаю даже, вышла она из Касина или еще нет. Никто не заботится о том, чтобы мы были в курсе происходящих событий. Этот форт не имеет важного значения для Навы с тех пор, когда Луна была белой.

Хаэль поразился, когда услышал старинное выражение, редко используемое в холмистых землях. Луна была белой задолго до появления огненных копий, то есть много-много веков назад.

— Королевский флот не выйдет в море до тех пор, пока я не подойду к столице, — сказал Хаэль. — Как долг путь отсюда до Касина?

— На кабо это расстояние можно преодолеть дней за восемь, конечно, если в пути не произойдет ничего непредвиденного. Я бы многое отдал за то, чтобы отправиться с вами. На войне всегда есть возможность отличиться, быть замеченным королем и не прозябать больше в этой мерзкой дыре.

«Чуть больше недели», — подумал Хаэль. Что ж, они ускорят шаг и уложатся в шесть дней. Такой темп будет полезен для кабо, так как во время путешествия по пустыне они были вынуждены двигаться только шагом. Хаэля утешало, что теперь он сможет пополнить запа-

сы фуража на королевских складах и таким образом восстановит силы кабо перед серьезным сражением. Когда придет время, его армия будет полностью готова к бою.

На следующее утро Хаэль попрощался с Твулой. Капитан из кожи вон лез, чтобы показать, какой он радушный хозяин и опытный офицер. Хаэль недоумевал, как этот потомственный военный оказался в такой глуши, но полагал, что этому, несомненно, были свои причины.

Воины Хаэля были довольны быстрым темпом движения — это поднимало их настроение. Их также немало веселило, с каким ошарашенным видом разбегались в стороны напуганные крестьяне. Жители наванских поселений с ужасом взирали на неизвестно откуда появившуюся грозную армию. Только немногие старшие офицеры королевской армии Навы знали о приближении воинов Хаэля, но им, разумеется, и в голову не пришло предупредить об этом местных жителей.

Хаэль, используя предоставленную ему королем Паширом возможность, брал все, что считал необходимым для своей армии, — от корзин и одеял до новомодных в Наве знаков различия офицерского состава. В основном, конечно, проходящей армии требовалось продовольствие. Королевские чиновники готовы были рыдать от досады и рвать на себе волосы, когда видели, сколько пищи и фуража потребляет и забирает с собой войско Хаэля. Со складов вывозились тонны муки, сушеных фруктов и вяленого мяса. Целые стада домашних каггов и квиллов были пущены под

нож, чтобы накормить голодных воинов. На все жалобы и протесты Хаэль резонно отвечал, что его всадники совершили трудный переход, чтобы прийти на помощь королю Паширу, и это дает им право получать все, что они только могли пожелать. Далее он вскользь замечал, что все это они при необходимости могли бы взять и без особого разрешения, силой. После этого возражения обычно смолкали.

По мере продвижения армия Хаэля проходила через земли, более богатые по сравнению с теми, которые им уже довелось увидеть. Города имели крепкие крепостные стены, через реки были перекинuty красивые каменные мосты. Воинам Хаэля, привыкшим пересекать вброд любую водную преграду, эти мосты казались верхом совершенства, и поначалу они отказывались верить, что это чудо — творение рук человеческих. С раскрытыми от изумления ртами они смотрели на небольшие святилища богов, установленные вдоль дорог. Воины Хаэля были уверены, что фигурки из цветной керамики, находившиеся в них, — крошечные человеческие существа.

Правда, очень скоро часто встречающиеся культовые сооружения наванцев перестали вызывать удивление воинов, которые теперь, следуя мимо, достаивали их лишь мимолетных взглядов. Однако все же им довелось испытать еще одно потрясение — когда их окружила толпа горожан, которые жаждали поглазеть на неожиданно появившуюся армию союзников, причем как можно ближе.

Женщины не отказывали себе в удовольствии прикоснуться к руке или бедру молодых красивых всадников.

— Их мужчины никуда не годятся, — с чувством превосходства заметил один из командиров Хаэля. — Ничего удивительного, что они находят привлекательными настоящих воинов.

— Сейчас у нас нет времени на развлечения, — остановил его Хаэль. — Однако уверен, что после сражения наванские женщины смогут в полной мере показать свое гостеприимство, и им останутся удовлетворены даже самые горячие головы.

— Что ж, сюда стоило прийти хотя бы ради этого, — сказал командир. Он был из племени амси и очень гордился своими длинными черными волосами, к которым прикреплял бесчисленное множество маленьких серебряных колокольчиков и украшений из металла, что привозили на Равнины торговцы с юга.

— Уверен, что жажда боя и наживы в вас не менее сильна, — заметил Хаэль. — Очень скоро вы сполна удовлетворите все свои желания.

На расстоянии трех дней пути от столицы к Хаэлю прибыл гонец от Пашира. Он вручил королю союзников послание, скрепленное государственной печатью Навы.

— Это послание доставлено морем! — доложил гонец.

— Морем? — переспросил Хаэль. — Значит, эскадра уже в пути?

— Да, уже много дней, — сказал наванец.

— Что это может значить? — спросил Джоким Хаэля после того, как тот отпустил гонца.

— Пока еще не знаю. Возможно, Пашир хочет, чтобы я двигался к Флории и блокировал ее со стороны суши, в то время как он сам будет вести осаду города с моря.

— Вести осаду города? — протянул Джоким. — Но это нельзя назвать битвой. Сражение в чистом поле — вот для чего мы сюда пришли!

Хаэль сломал печать и, вскрыв цилиндр, расправил свиток.

«Королю Хаэлю, — начиналось послание, — шлет свои приветствия его давний друг, принцесса Шазад...»

— Кто это? — поинтересовался Джоким.

— Дочь Пашира. Я действительно знаком с ней с давних времен.

Он продолжил читать письмо:

«Мой отец не стал дожидаться твоего прибытия и повел эскадру на север, веря в то, что штормов в этом сезоне уже не будет. Сейчас мы стоим на входе в гавань Флории. Воины Гасама снуют мимо наших судов на каноэ. Кажется, нам нечего противопоставить этим маневренным суденышкам. Наслушавшись советов своих придворных и не приняв во внимание мои предостережения, отец предполагает завтра утром начать штурм города с моря. Я знаю, что он совершает огромную ошибку, и прошу тебя приложить все усилия, чтобы поскорее присоединиться к нам. Я предчувствую ужасную катастрофу, похожую на ту, что произошла несколько месяцев назад, когда отец и его советники недооценили боеспособность

армии Гасама. Я своими глазами видела свирепость и воинское мастерство шасиннов. Ты сам был одним из них и знаешь, что я имею в виду. Я еще раз прошу тебя поторопиться, так как считаю, что очень скоро нам понадобится твоя помощь».

Письмо было написано без принятых цветистых оборотов, что не было ранее свойственно слогу принцессы и указывало на ее отчаянное нынешнее положение.

Командиры, окружившие Хаэля, выглядели озабоченными.

— Как ты будешь действовать теперь, когда получил это письмо, мой король? — спросил Бамиан.

— Точно так же, как собирался поступать раньше, — ответил он, сворачивая свиток. — Если король Пашир совершил какой-то неосмотрительный поступок, это не означает, что за него должны расплачиваться мои люди. Мы дойдем до Касина, и на месте я разберусь в реальном состоянии дел. А теперь продолжим путь — нам следует поторопиться.

Тем не менее Хаэль не мог не думать о письме. Конечно, Шазад больше не была той самоуверенной и взбалмошной молодой девушкой, которую он знал когда-то. В то время она была совсем юной, а он вообще был мальчишкой. Хаэль с некоторым облегчением подумал, что в характере принцессы все же осталось что-то с тех давно прошедших времен. Ведь, судя по посланию, она отважилась сопровождать Пашира в морском походе.

На утро седьмого дня продвижения армии Хаэля по территории Навы разведчики доло-

жили королю о замеченном ими странном явлении.

— Небо выглядит как-то не так, — сказал разведчик-амси.

— Что случилось? — поинтересовался Джо-ким.

Они поднялись на ближайшую возвышенность, и перед Хаэлем открылась картина, которая привела в замешательство его разведчиков. Небосклон к западу был весь покрыт облаками причудливой формы, а под ними, на сколько хватало глаз, тянулась темно-синяя полоса с редкими белыми проблесками.

Хаэль громко рассмеялся.

— Это же море! — воскликнул он. — Суша здесь заканчивается, и внизу нет ничего, кроме воды. — Однако король видел, что его слова непонятны жителям равнин, не представлявшим, что воды может быть так же много, как песка в южных землях их родины. — Ну представьте себе, что мы стоим на земле. Над нами — небо, а внизу — очень много воды.

— Это как большое озеро? — спросил Ба-миан.

— Не совсем. Но нет нужды это описывать — вы увидите все собственными глазами. Вперед! Думаю, мы сумеем выйти на побережье к полудню.

Длинная колонна начала спуск с возвышенности на прибрежную равнину. Всюду плодородная земля носила следы кропотливого труда, девственные уголки природы увидеть было почти невозможно. Широкий тракт, по

которому двигалось воинство Хаэля, был вымощен красноватыми гранитными плитами. Через каждые несколько миль располагались емкости с водой для домашнего скота, а также камни, указывающие направление к столице и другим крупным городам Навы. Спустившись к прибрежной полосе, жители равнин были поражены размерами океана, его звуками и незнакомыми волнующими запахами. Некоторые из воинов выехали к кромке океана и заставили своих кабо зайти в воду. Людей, как и животных, немало удивило то, что вода соленая.

Снующие вдоль берега лодки казались воинам союзной армии забавными морскими животными. А когда они подошли к столице наванского государства, то подумали, что ее окружают не стены, а скалы. Крепостные стены Касина тянулись от кромки воды огромного залива до холмов на востоке, пересекая узкую полосу побережья. Воины Хаэля были поражены размерами главного города Навы, который показался им равным всем деревням и городам, что им довелось увидеть на своем пути.

— Способна ли армия взять такую крепость? — спросил кто-то из воинов.

— Это возможно, — заверил его Хаэль, — но достаточно трудно. Город, подобный этому, можно взять измором, если в твоём распоряжении сильная армия и флот. Его также можно взять штурмом или хитростью при наличии союзников в стане обороняющихся.

На крепостных стенах Касина развевались знамена, до слуха воинов доносились звуки

труб. Хаэль приказал своим людям поприветствовать кабо и соблюдать субординацию. Знаменосцы выехали вперед, чтобы следовать за Хаэлем и старшими командирами. Воины стряхнули пыль со своих одежд, достали спрятанные в седельных сумках украшения и придали лицам выражение непреклонной решимости. Они не желали ударить в грязь лицом перед столичными жителями.

Когда колонна находилась в нескольких сотнях ярдов от городских ворот, из них показалась группа богато одетых нобилей, выехавшая приветствовать армию Хаэля на величественных кабо. Некоторые из встречающих были облачены в придворные одежды, другие — в военную форму и доспехи. На их широко улыбающихся лицах была написана неподдельная радость. Выдвинувшийся вперед герольд начал произносить длинное официальное приветствие, сопровождаемое благожелательными жестами знати.

В конце речи герольд пригласил славного короля Хаэля и его не менее прославленную армию войти в столицу Навы. Когда процессия достигла ворот, на вершине крепостных стен показались жители города, громко приветствовавшие армию Хаэля. Войдя в город, его воины вынуждены были буквально протискиваться сквозь толпы горожан, издающих радостные крики и размахивающих флагами Навы. С балконов и крыш домов всадников осыпали лепестками цветов. Владельцы таверн протягивали воинам чаши, кувшины и бурдюки с крепкими напитками. Так как Хаэль не догадался заранее запре-

тить это, его войны с удовольствием принимали любые подношения.

— Похоже, они на самом деле рады нам! — выкрикнул Джоким, пытаясь перекрыть гул толпы.

— Больше, чем просто рады, — сказал Хаэль.

«Они натерпелись страха, — подумал король. — Эти люди приветствуют нас не просто как союзников, а как спасителей».

Проехав по площадям и рынкам, по широким бульварам, мимо огромных храмов, от которых поднимались вверх густые столбы дыма, исходившие от приносимых в благодарность богам жертв, всадники остановились перед резиденцией наванского короля, где широкая лестница вела к главному зданию дворцового ансамбля. Хаэль увидел короля, стоявшего на ней, и спешился.

— Подождите меня — приказал Хаэль своим командирам.

Ему навстречу спускался молодой наванский офицер в мундире королевского гвардейца. Когда он подошел ближе, то на какое-то мгновение застыл, причем на его лице можно было прочесть плохо скрываемое замешательство.

— Приветствую... Э... Короля Хаэля. Я капитан Харах. Его Величество король Навы приказал сопровождать тебя.

Хаэль стал подниматься по лестнице. Сопровождавший его Харах тихо промолвил:

— Прошу простить мое смущение, король Хаэль. Но твоя внешность...

— Ты хочешь сказать, что я выгляжу как шасинн, против которых вы сражались?

— Да... Этот взгляд, бронзовые волосы, глаза... И особенно твое копье! Те из наших воинов, кому посчастливилось выйти живыми из битвы, до сих пор видят эти копья в кошмарных снах.

Хаэль улыбнулся. Подобные речи были куда больше ему по вкусу, чем лесть придворных.

— Я на самом деле происхожу из племени шасиннов. Тебе рассказала об этом принцесса Шазад?

— Да, об этом упоминал и Его Величество король. Однако твой вид все равно внушает трепет. Я в прошлом командовал отрядом морской пехоты и хорошо запомнил шасиннов.

— Ты участвовал в морском походе?

— Да.

— И поход закончился поражением?

— Именно так,— сказал капитан вполголоса.— Но об этом лучше вести разговор без свидетелей.

Приблизившись, Хаэль смог как следует разглядеть короля Пашира и был чрезвычайно поражен его видом. Во время их предыдущей встречи король Навы выглядел властным осанистым мужчиной средних лет. Человек, стоявший теперь перед Хаэлем, был стариком, который пытался мужественно бороться с присутствующим его возрасту сонмом болезней. Наложенная на лицо косметика и крашенные волосы лишь частично скрывали происшедшие с ним перемены. Пашир обнял Хаэля, и толпа внизу приветствовала этот дружественный жест громкими криками.

— Очень рад видеть тебя, Хаэль,— сказал Пашир.— Сегодня во дворце в твою честь будет

устроен пир. Не беспокойся о размещении своих воинов — в их распоряжении казармы наванской армии.

— Некоторые из моих воинов предпочтут разбить палатки на открытом воздухе, — сказал Хаэль. — Большая часть амси никогда в жизни не спали под крышей.

— Они могут поступать, как им больше по вкусу. Я бы хотел предоставить тебе и другие блага, но, как ты сам понимаешь, обстоятельства не особенно способствуют нашему веселью.

— Я заметил, что на стенах располагается куда больше стражи, чем во время моего первого прибытия в Касин. Неужели Гасам угрожает твоей столице?

Пашир вздохнул:

— Нет, не Гасам. Гасам засел во Флории, где теперь собирается использовать жалкие остатки того, что совсем недавно было моим прекрасным флотом. Я вел себя как последний дурак, Хаэль. Будучи непростительно гордым и тщеславным, я попытался, не дожидаясь твоей помощи, напасть на Гасама с моря — и потерпел очередное жестокое поражение. Но этого оказалось мало. Мои отношения с Омайей в течение многих лет оставались крайне неопределенными. Король Оланд, узнав о моем поражении в прошлой кампании, воспользовался моментом и захватил мои территории к северу от реки Яще-риц.

— Действительно, веселого мало, — заметил Хаэль. — Но я бывал в Омайе. Это земля пастухов, а не купцов и земледельцев, как Нава.

Ее население крайне немногочисленно. Вы наверняка без труда сумеете разобраться с Омайей после того, как решите свои проблемы с Гасамом.

Пашир улыбнулся:

— Ты научился мыслить как мудрый правитель, мой друг Хаэль. Это хорошо. Но когда я думаю о том, что Гасам и Оланд могут объединиться против меня, не стыжусь признаться, что испытываю истинный страх. Я не знаю, как сейчас обстоят дела в Чиве. Однако прекрасно понимаю, что не могу особенно рассчитывать на их помощь после того, как их флот потерял в битве у Флории два штурмовых катамарана, высоко ценимых королем Дивазом.

Они прошли в уединенную приемную, где был накрыт стол с закусками. Пашир усадил гостя за маленький столик, а сам устроился напротив. Одной стены в помещении не было, и перед Хаэлем открывался красивый внутренний дворик с бьющим в его центре фонтаном.

— Твое положение сейчас на самом деле незавидно, король Пашир,— произнес Хаэль.— Но я пришел помочь тебе вести борьбу с Гасамом. Мои земли, как и твои, граничат с Омайей. Через это государство пролегают наши торговые пути на северо-запад. Ни у меня, ни у тебя не заключен договор о мире с Омайей, но в мои ближайшие планы совершенно не входило портить с ней отношения. Я пришел сюда по твоей личной просьбе, чтобы помочь тебе справиться с вторжением островитян.

— А может, и для того, чтобы свести старые счета с Гасамом? — не удержался Пашир.

— Он наш общий враг! Я бы не повел в Наву своих людей только для того, чтобы отомстить Гасаму.

— А если Оланд все-таки объединится с Гасамом, война против них станет нашим общим делом? — продолжал настаивать Пашир.

— Что ж, тогда мне придется пересмотреть мои отношения с Омайей.

* * *

В распоряжение Хаэля была предоставлена целая анфилада комнат, и он отправился туда, чтобы хоть немного отдохнуть перед пиршеством. Когда он вошел, слуги отвесили ему низкий поклон. И тут он увидел еще одного человека.

— Чаула! — Мужчины крепко обнялись.

— Хаэль, друг мой! — Писец отодвинулся от короля Равнин на расстояние вытянутой руки, чтобы как следует разглядеть своего старого друга. — Я бы не сказал, что ты сейчас одет, как подобает истинному королю. Садись, давай что-нибудь выпьем. Ты не против, если мы не станем обмениваться церемонными любезностями? Мне так хочется рассказать тебе обо всем, что произошло со времени нашей последней встречи, но вначале я обязан поведать тебе о недавних событиях.

— Конечно, Чаула. Ты был у Флории?

— О да. Это не было морским сражением в прямом значении этого слова, Впрочем, ты наверняка уже об этом слышал. Я не очень разбираюсь в военной науке, поэтому тебе

был бы желателен другой рассказчик. А вот и он!

Хаэль взглянул на человека, входившего в комнату:

— Я уже встречался с капитаном Харахом.

Гвардеец присоединился к собеседникам.

— Я не знаю, что сообщил тебе король Пашир,— сказал Чаула.— Но боюсь, что он не взял на себя смелость назвать вещи своими именами.

— Он сказал, что вел себя как идиот,— без обиняков ответил Хаэль.

— Это не совсем так,— заметил Харах.— Он просто человек в возрасте, которому хочется думать, что он все еще тот бравый офицер, каким был тридцать лет назад. И даже после первого поражения он не мог поверить в то, что его осилил какой-то невежественный дикарь.

— Расскажите все, что знаете,— попросил Хаэль.

Оба наванца поведали ему о приготовлении к морскому походу, самом походе и катастрофе, его завершившей. Хаэль иногда перебивал их вопросами, интересуясь их собственной оценкой происходившего: ему хотелось знать точку зрения различных сторон.

— Это даже хуже, чем я ожидал,— произнес Хаэль, когда рассказ был закончен.— Король Пашир не упомянул ни о том, что Шазад, спасая его, попала в плен, ни о том, что все офицеры на борту его флагмана были убиты. Чаула, мне понадобятся твои лучшие карты северных районов Навы, на которых будут обозначены территории, занятые сейчас Омайей.

Писец поднял стоящий на полу обтянутый кожей ларец и поставил его перед собой.

— Они здесь.

— Происходило ли недавно продвижение войск Омайи? Они захватили что-нибудь еще?

— Сегодня утром гонцы доложили, что омайяны по-прежнему находятся к северу от реки Ящериц.

— Как вы оцениваете их боевое умение? — спросил Хаэль.

— Я в основном сражался на море, — сказал Харах. — Но нас предупреждали, что омайяны чаще всего используют легкую пехоту: стрелков из пращи, лучников, метателей дротиков. Немногочисленные пикинеры вооружены длинными копьями и маленькими щитами. Омайанская армия легка на подъем и передвигается очень быстро.

— А используют ли они кавалерию? — поинтересовался Хаэль.

— Да, у них есть отряды легковооруженных всадников, — ответил Чаула. — Число их не постоянно, но никогда не превышало двух или трех тысяч. Правители Омайи издавна имели небольшую регулярную армию, а остальную часть составляют рекруты и наемники. Поэтому трудно предположить заранее, сколько воинов будет в их распоряжении. Должно быть, королю Оланду удалось заручиться поддержкой большей части своих вельмож, если он осмелился напасть на земли Навы.

— Наверное, им придавало смелости прошлогоднее поражение нашей армии, — предположил Харах. — А узнав о поражении под Флорией, они могут обнагнать еще больше.

— Король опасается союза Гасама и Омайи. Вы думаете, это вероятно?

— Все возможно, — вздохнул Чаула. — Однако у них слишком разные цели, поэтому не исключено, что они начнут драться друг с другом. Если же они все-таки объединят свои усилия, то Чива тоже захочет получить свой кусок пирога — наши южные земли, и тогда, возможно, в войну будут втянуты уже четыре государства.

Хаэль некоторое время пребывал в задумчивости, а затем воскликнул:

— Не могу поверить! И это мой молочный брат Гасам, над невероятным тщеславием которого смеялись все младшие воины шасиннов! Похоже, он не успокоится, пока не втянет в войну весь мир.

— Сейчас настали смутные времена, — сказал Чаула. — История на редкость коварна. Все может оставаться неизменным в течение веков. Затем в мире возникает великая личность, и все меняется. Знакомясь со старинными рукописями, я заметил, что такие деятели редко появляются в одиночку, обычно их двое или трое, потому что им всегда находят достойные противники. Ты сказал, что Гасам утвердил свое влияние, ну а ты сам, мой друг Хаэль? — Писец указал на оружие короля. — Когда я впервые встретил тебя, твоей единственной собственностью был вот этот меч да копье шасиннов. Сегодня ты возвращаешься во главе шеститысячной армии всадников. Ты правишь огромным королевством — оно не досталось тебе по наследству, ты создал его сам. Твои деяния уже

стали легендой. Так что сейчас в мире существуют двое людей, которые смогут повлиять на дальнейшее его развитие.

— Родись принцесса Шазад мужчиной, она стала бы третьей великой личностью нашего времени,— заявил Харах.

— Она, насколько я могу судить по содержанию ее письма, сильно изменилась с тех пор, как я был здесь в последний раз.

— Я не знаю, происходит это по милости звезд, богов или под влиянием какого-либо земного явления, однако времена, подобные нынешним, позволяют неординарным личностям осознать свои возможности, которые, как правило, не могут проявиться в обычное время. Плохо это или хорошо, но, похоже, мир сейчас резко меняется.

* * *

В следующие несколько дней Хаэль посещал пиры и приемы, устроенные в его честь, а также военные советы. Он осмотрел предоставленное его воинам жилье и следил за тем, чтобы у них не возникало никаких неприятностей. Достаточно скоро он перенес лагерь своих воинов за городские стены. Однако короля беспокоило состояние его воинов, большая часть которых заболела какой-то непонятной болезнью. Правда, никто из них не жаловался. Удовлетворив первое любопытство, воины Хаэля перестали интересоваться жизнью города.

Хаэль побывал на верфи, где мастера работали с удвоенной энергией, стремясь построить суда взамен потерянных у стен Фло-

рии. Другой серьезной проблемой были люди. Искусные гребцы ценились очень высоко, и купеческая гильдия не соглашалась отдавать своих гребцов, считая, что это подорвет престиж Навы как великой морской торговой державы.

В лагерях за городом Хаэль наблюдал, как только что набранные рекруты проходят обучение под зорким оком младших офицеров.

— Почти все опытные солдаты Навы погибли,— пожаловался как-то Харах, покачиваясь в седле рядом с Хаэлем. Моряк больше привык к палубе корабля, нежели к седлу, и был не очень умелым наездником. Хаэль и Харах проверяли лагерь, где проходил подготовку отряд рекрутов, набранных в селениях.— Посмотри на этих крестьянских парней! Они держат копье так, словно это грабли!

— Они научатся,— сказал Хаэль, искренне надеясь на то, что не ошибается.— По крайней мере, они не знают, что такое горечь поражения. У них нет никаких сомнений в собственной силе.

Говоря это, Хаэль реально представлял себе шансы этих воинов в бою против шасиннов. Только его верховые лучники могли противостоять свирепому и прекрасно обученному войску Гасама. Но даже если новобранцы смогут хоть некоторое время удерживать боевой порядок, этого окажется достаточно.

В один из вечеров Хаэлю пришлось отсидеть от начала до конца на военном совете, который показался ему бесконечным. Члены совета брали слово и произносили невероятно длинные речи, в которых пытались дока-

зять собственную значимость, не принимая на себя хоть какой-то ответственности. В разгар обсуждений прибыл гонец. Пока король читал письмо, в зале воцарилась напряженная тишина. Затем он заговорил:

— Вынужден сообщить, что подтвердились мои самые худшие опасения. Шпионы во Флоррии докладывают, что Эймус, брат короля Оланда, прибыл туда в сопровождении большой свиты. Теперь не подлежит сомнению, что варвары и Омайя объединились в союз против Навы.

Это сообщение практически не повлияло на поведение членов совета. Потерявший терпение Хаэль наклонился к королю и шепнул:

— Разгони этих олухов и позови сюда Чаулу и капитана Хараха.

Король, выглядевший невероятно утомленным, выполнил его просьбу. Чаула и Харах вошли в зал, низко поклонившись. В руках Чаулы был ларец, из которого он достал карты. Хаэль выдвинул стол на середину зала. Он попросил зажечь все лампы, и они с Чаулой развернули карты, придавив их края чернильницами, бокалами и вообще всем тяжелым, что подвернулось под руку.

Хаэль поднялся:

— Король Пашир, я должен вступить в сражение, не дожидаясь, пока половина моих людей сляжет от болезни,— начал он.— С тех пор как я прибыл в Наву, ведется слишком много разговоров. Взглянем лучше на эти карты.

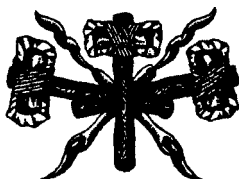
Король нахмурился:

— А не продажны ли мои ближайшие советники?..

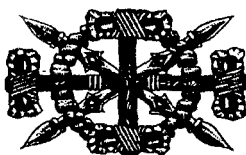

— Мой друг Пашир, я надеюсь, что каждый из этих людей верен тебе до гроба, но если бы я заявил, что не сомневаюсь в этом, то проявил бы крайнюю самонадеянность. Приступим лучше к делу.

Четверо мужчин склонились над картами.

Глава пятнадцатая

В

отличие от Пашира, Гасам не возражал против присутствия Шазад на своих военных советах. Правда, ее приковывали к стене, но за обсуждением всех вопросов принцесса следила с огромным интересом. Лодыжки Шазад сковывали бронзовыми браслетами, так как она несколько раз пыталась сбежать. Однажды ей удалось перерезать путы оставленным

кем-то по неосторожности копьем и, выпрыгнув в окно, добежать до конюшен, но там не оказалось ни одного кабо. Другие попытки также закончились плачевно. В результате все тело принцессы с головы до ног было покрыто рубцами от ударов бичом. Шазад совершила ошибку, упомянув при королеве Лариссе, что без особого удовольствия переносила ритуальные бичевания. Теперь же ей оставалось искать утешения в том, что ее, по крайней мере пока, не жгли каленой бронзой и не выламывали пальцы на ногах — этим пыткам нередко подвергали других пленников, которых не усмиряли удары кнутом.

В военных Советах участвовали король и королева, а также старшие командиры, большинство из которых были шасиннами. Советы обычно проводились во дворе королевской резиденции, так как шасинны всегда неуютно чувствовали себя под крышей. На последнем Совете присутствовали брат короля Омайи Эймус и два десятка его офицеров. Эти люди носили широкие штаны и плащи из шерсти квила, а также узорчатые сандалии. Длинные черные волосы они забирали в узел на затылке, с верхней губы омайанцев свисали длинные усы, служившие объектом презрительных насмешек со стороны шасиннов, у которых, как заметила Шазад, волосы на лице просто не росли. Видимо, поэтому они считали растительность на лице признаком неполноценности.

Если омайанцев и интересовало, почему Гасам держит свою пленницу прикованной цепью к стене, то они были слишком вежливы,

чтобы спрашивать об этом. Они прибыли сюда по серьезному делу и не обращали особого внимания на рабов островитян. Речь жителей Омайи была медленной, так как, несмотря на то что они и островитяне говорили на диалектах одного языка, между ними существовало довольно много различий. Поэтому на Советах подле королевы всегда сидела Дэниаз, чтобы, если потребуется, переводить слова чужеземных гостей.

— Мой брат, прославленный король Омайи Оланд,— нараспев произнес Эймус,— был оскорблен действиями нечестивого короля Пашира Наванского, который попытался вновь завладеть исконными землями нашего государства.

— Понятно,— кивнул Гасам.— Что, Пашир и ранее покушался на ваши владения?

— Нет,— сказал Эймус, приведенный в некоторое замешательство вопросом.— Это был его предшественник.

— И как давно это произошло?

Омайанец с досадой прищелкнул пальцами:

— Какое это может иметь значение? Земли севернее реки Ящериц — исконные владения Омайи. Они хранят кости наших предков! Время не властно над требованием справедливости!

— Ты можешь передать королю Омайи,— сказал Гасам,— что я нахожу его притязания обоснованными и не буду мешать ему в борьбе за восстановление исторической справедливости, по крайней мере до тех пор, пока он не будет вмешиваться в мои военные действия.

— Это далеко от намерений Его Величества,— заверил его Эймус.— Прибрежные территории не представляют для нас никакого

интереса. Омайанцы не занимаются мореходством. Так же как и вы, шасинны. Мы пасем стада каггов и квиллов на холмах нашей родины и охотимся на диких животных. Наванцы же только и занимаются тем, что покупают и продают. Такие занятия недостойны для истинно великих наций.

— Подобные воззрения мне по вкусу, — слегка улыбнулся Гасам. — Между нашими народами должны быть установлены дружеские отношения.

— Возможно, больше, чем просто дружеские, — ввернул Эймус, используя представившуюся ему возможность. — Может быть, нам следует стать союзниками в войне против Навы?

— Звучит заманчиво, — протянул Гасам и тут же воскликнул, изображая огорчение: — Однако я показываю себя негостеприимным хозяином! Вы проделали долгий путь и, должно быть, проголодались. Сегодня вечером я устраиваю прием в вашу честь, но утолить голод вы можете прямо сейчас.

Он хлопнул в ладоши. По этому знаку вошли рабы, неся подносы, уставленные едой и напитками. Они подали королю огромную чашу из украшенного резьбой огненного дерева. В ней была густая жидкость розоватого цвета со странными красными вкраплениями. Взяв чашу обеими руками, король отпил из нее большой глоток. Было видно, как ходит на его шее кадык. Затем он протянул чашу сидящему справа от себя шасинну, тот, отпив, передал следующему. Все с жадностью глотали напиток, причмокивая губами от удоволь-

ствия. Королева с интересом наблюдала за гостями.

Омайанцы заметно побледнели и, похоже, потеряли какой-либо интерес к закускам. Шазад знала, что в чаше было молоко, смешанное с кровью каггов. Это был основной продукт рациона шасиннов и чуть ли не единственная пища младших воинов. Она также знала, что Гасам почти отказался от этой смеси, так как ему пришлось по вкусу изысканные блюда цивилизованных народов. Сейчас он устроил это представление, чтобы заставить омайанцев почувствовать себя не в своей тарелке. И это ему прекрасно удалось. Гасам позаботился распространить слухи о том, что шасинны пьют кровь своих врагов.

— А сейчас,— сказал Гасам, когда трапеза была закончена,— я хотел бы знать, какого содружества ищет король Оланд.

Эймус, кашлянув, прочистил горло:

— Мой брат король собирался начать кампанию форсированием реки Ящериц и...

— Это становится интересным,— перебил его Гасам.— Так ваш король претендует на земли севернее реки Ящериц?

— Именно так,— торопливо проговорил Эймус,— поскольку нам ясно, что король Навы со свойственным ему вероломством намеревается вторгнуться в Омайю, чтобы овладеть нашими землями. Мы должны предупредить этот удар и разгромить армию Пашира!

— Ты хочешь сказать, остатки его армии, не так ли? — уточнил Гасам.— Основная часть его армии уже разгромлена — мной.

— Пусть славится в веках имя твое! — произнес Эймус, скрежеща зубами от злости. — Если во время кампании мы захватим столицу Навы, это будет как раз то, чего заслужил Пашир.

— Касин — самый большой морской порт к северу от Чивы, — сказал Гасам. — Портовый город не принесет много пользы доблестным воинам-пастухам короля Оланда.

Эймус пожал плечами:

— Взятие столицы — это безоговорочная победа. Если твоя доблестная армия пожелает объединиться с нашей, ты найдешь применение верфям Касина и мастерам, искусным в морских ремеслах. Для короля-морехода в этом городе отыщется много полезного.

— Верно, — согласился Гасам. — И я действительно собираюсь захватить Касин. Только союзники для этого мне не требуются.

— Разумеется, каждая из наших армий может разгромить Пашира и завоевать Наву без посторонней помощи...

— Значит, вы все-таки хотите большего, чем земли предков?

— Нет, — прошипел Эймус. — Однако, как это ни печально, такое завоевание будет направлено против нас. Эта акция опасна тем, что хитроумный Пашир, несомненно, заключит союз с Чивой. В разгромленной эскадре Пашира были два чиванских катамарана. Эта баталия будет воспеваться в легендах, и король Диваз Девятый, конечно же, жаждет мести. Потерять два штурмовых корабля, находившиеся под началом его сыновей, — такого позора он не испытывал за долгие годы свое-

го правления. Если армия Пашира и отряды чиванцев совместно двинутся на север, то даже таким могущественным монархам, как тебе и моему брату, стоит подумать о взаимных выгодах нашего объединения.

— Мы подумаем, — важно кивнул Гасам. — И в знак этого, когда ты возвратишься домой, тебя в качестве моих представителей и посредников между нами будут сопровождать несколько воинов. — Он обернулся к двум сидящим слева от него старшим воинам с суровыми лицами: — Луо и Пенду, отберите несколько своих людей, которые последуют с вами за этими почтенными посланниками. — Затем он снова обратился к Эймусу: — Эти двое — одни из моих самых лучших и доверенных командиров. Мы все когда-то были младшими воинами в общине Ночного Кота. Они помогут вам поддерживать связь между нашими армиями.

— Как прикажет наш король, — хором ответили воины, но даже не попытались скрыть страдальческого выражения, появившегося на их лицах.

Эймус попросил прощения за себя и своих людей, объяснив, что им надо подготовиться к вечернему пиршеству. Когда они удалились, шасинны разразились взрывом долго сдерживаемого хохота.

— Мой король! — воскликнул Луо. — Я и Пенду действительно должны пойти с этими трусливыми пожирателями падали? — Он сделал жест, выражающий крайнее отвращение. — Мы готовы умереть за своего короля, но союз с этими ничтожествами...

Гасам усмехнулся:

— Видно, находясь у меня на службе, моим воинам не избежать страданий. Урлик, ты видел армию омайанцев. Что ты о ней скажешь?

Человек, к которому обратился Гасам, был командиром асаса — народа с Островов, во всем, кроме темных глаз и волос, походившего на шасиннов.

— Мы возвратились сегодня утром из дозора. — Урлик говорил для тех, кто еще не слышал его донесения. — С вершины холма мы наблюдали за подготовкой омайанской армии. Из того, что мне удалось увидеть, я понял: они не обладают ни дисциплиной сухопутной армии Навы, ни воинским духом экипажей чиванских кораблей. Они достойны лишь презрения. Лишь твоя победа под Флорией подстегивает их алчные устремления.

Все присутствующие высокомерно рассмеялись. Никто не поинтересовался численностью армии Омайи: для островитян значение имел только воинский дух. Однако королева, которая не произнесла за это время ни единого слова, выглядела озабоченной. После непродолжительного совещания Гасам отпустил командиров. День выдался на редкость ясным, и король с королевой не стали возвращаться во дворец.

— Что беспокоит тебя, моя королева? — спросил Гасам. — Это не похоже на тебя: обычно ты не молчишь, особенно если выступают глупцы.

— У меня не было возможности поговорить с тобой, мой господин, — сказала Лариса. — Незадолго до начала Совета я получила донесение от моих шпионов в Касине. В сто-

лицу во главе шеститысячной армии прибыл Хаэль.

Король некоторое время молчал. Сердце Шазад ликовало.

— Этот мальчишка! — воскликнул наконец король. — Неужели это на самом деле он?

— Это не может быть никто другой. Все мои шпионы утверждают, что привел всадников шасинн. Его имя Хаэль. Наша малютка Шазад говорит, что встречала его вскоре после того, как он был изгнан шасиннами. А потом он отправился на восток и провозгласил себя королем.

— Почему я не убил его, когда у меня была такая возможность?! — с ненавистью воскликнул Гасам.

Ларисса обняла его за плечи:

— Ты не мог этого сделать. Тогда никто не имел права нарушать традиции. Но сейчас ты имеешь возможность делать все, что пожелаешь.

Лицо короля просветлело.

— Ты права. К тому же шесть тысяч воинов... Не велика сила.

— И тем не менее меня тревожат дурные предчувствия, — сказала королева. — Мы не знаем, как сражаются эти всадники.

— Но мы сражались против кавалерии, — возразил Гасам. — К тому же мы лучше, чем кто-либо, знаем, как обращаться с животными.

— Но ведь Хаэль тоже шасинн, и ни один из людей нашего племени не умел понимать животных лучше, чем он. Я боюсь, что он нашел новые возможности для их применения в бою, как ты сделал это с захваченны-

ми кораблями. Не делай ошибку, недооценивая этого человека! И еще мои шпионы докладывают, что все его всадники вооружены луками.

— Хорошие щиты — вот все, что требуется, чтобы прикрыться от стрел, — поморщился король. После недолгого размышления он добавил: — Я учту твои предостережения, моя проникательная королева, и буду осторожен. Похоже, эти омайанцы появились вовремя.

— Что ты хочешь сказать? — спросила королева, откидываясь назад и смотря на Гасам взглядом, полным обожания. Шазад всегда передергивало от таких взглядов, поскольку она слишком хорошо понимала, что они означают.

— Лучший способ выяснить, на что способны войска Хаэля, — это увидеть, как он сражается против другой армии.

Королева радостно рассмеялась:

— О любовь моя! Ты воистину великий стра-
тер!

Гасам довольно улыбнулся:

— Я начинаю видеть в сложившемся положении уйму выгод. Подумай: Нава — страна земледелия, она хороша для того, чтобы брать с нее дань, не более. А Омайю вообще трудно считать цивилизованной страной. На Островах мы были вынуждены воевать с другими племенами за лучшие пастбища. В схватках погибали многие. Имея форпост на материке, мы могли бы привезти с Островов людей, построить огромные суда и перевозить сюда наши стада. А еще у нас будет домашний скот омайанцев, которых мы, конечно же,

обратим в рабство. Это будет гораздо удобнее и быстрее, чем превращать возделываемые земли Навы в пастбища.

Ларисса приникла к груди мужа:

— Только тебе дано видеть так далеко вперед! Я удивляюсь, что такие глупцы, как Оланд, Пашир и Диваз Девятый, могут мнить себя королями!

— Скоро их господином буду я,— усмехнулся Гасам.— Я завоюю весь мир и сделаю его таким, каким сочту нужным. Нас, островитян, станет все больше и больше, а шасины будут занимать все ключевые посты в моем королевстве. В этом мире не останется места слабым.— Он приник губами к ее рту, сильные руки короля обхватили талию Лариссы.

В то время как королевская чета предалась любовным играм, Дэниаз подошла к прикованной к стене Шазад и встала перед ней. Затем она опустила на пол кувшин и, скрестив ноги, села перед своей кузиной.

— Теперь ты знаешь свое будущее,— сказала она.— Пытайся бежать — в ином случае тебе не будет спасения.

— Я не смогу ничего сделать. Меня ждет смерть, Дэниаз. В отличие от тебя, я рождена не для рабства.

— Есть занятия и похуже, чем быть любимцей королевы Лариссы.

— Ты будешь ею, пока не потеряешь свою красоту. А что потом, Дэниаз? Сможешь ли ты быть простой прислугой? Будешь ли ты рожать и выращивать новых рабов для своих хозяев?

Ногтем указательного пальца Дэниаз провела по телу Шазад от ключицы до пупка — на коже принцессы сразу же появилась тонкая красная полоска.

— Как ты уже сказала, кухня, можно предпочесть рабству смерть. А я могу сказать, как именно ты умрешь. Знаешь, королеве иногда доставляет удовольствие баловать меня.

Дыхание королевы стало тяжелым, она начала протяжно стонать. Шазад уже не могла делать вид, что ее не интересует происходящее на кушетке за спиной Дениаз.

— Как способны два подобных монстра так любить друг друга? — спросила она.

— Они первобытные люди, Шазад, — ответила Дэниаз. — И как у всех варваров, их чувства значительно сильнее, чем у нас. Скажи, разве ты им не завидуешь? Разве для этих двоих существует еще кто-нибудь? Друг без друга они были бы совершенно одиноки. Разве ты не чувствуешь, что его господство не было бы полным без обожания Лариссы?

Медленно, с неохотой Шазад кивнула.

— Да, — прошептала она.

— А она прекрасно дополняет его. Они как две половинки одной вазы. Поодиночке они бесполезны, но сложенные вместе составляют единое целое. Они росли вместе с самого детства. Он могуществен, она предельно осторожна. Он мыслит мгновенно, просчитывая сразу несколько вариантов, она размышляет более глубоко и тщательно продумывает все детали. И у них никогда не бывает угрызений совести по поводу того, что они совершают. Они знают, что не похожи на других людей.

Шазад откинулась к стене, чувствуя боль в спине и запястьях:

— Я думала, что стою вне законов, которым подчиняется жизнь других людей, даже имеющих очень высокое положение. Но я никогда еще не сталкивалась со столь свободным поведением. Как такое может быть?

В это время, судя по страстным звукам, любовники достигли пика наслаждения.

— Ты все еще не понимаешь их, Шазад. Я сказала тебе, что они примитивны. Они происходят из маленького, никому не известного народа, живущего на далеких Островах. В их мире не существует писаных законов и короля, которому надо подчиняться. У них есть только обычаи и табу. Для этих примитивных племен их традиции и табу — законы природы. Однажды Гасам и Ларисса нарушили их. Они поставили себя вне закона, и после этого для них перестало существовать что-либо запретное. Разве есть что-то удивительное в том, что их люди боготворят их? Другое дело — мы. Мы выросли, чувствуя власть монархов, прекрасно сознавая, что они не самые достойные, но просто более изворотливые, чем все остальные. Твой собственный отец отобрал трон у старого, немощного и продажного человека. Для примитивных племен Гасам — человек, пришедший из ниоткуда, чтобы объединить их в единую нацию и привести к порабощению других народов. — Она наклонилась ближе к Шазад: — Эти люди лукавят, когда называют себя королем и королевой. Они бог и богиня, и прекрасно знают об этом.

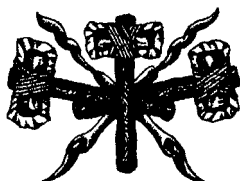

Король удалился. Королева приказала приготовить для нее ванну и полотенца, и Дэниаз поднялась, чтобы исполнить ее приказание. Шазад испытывала странное чувство сожаления. Дэниаз, казалось, нашла единственных людей в мире, рабыней которых смогла стать добровольно. Гасам и Ларисса были хищниками, а эта женщина была благодарна за любые крохи, которые они милостиво ей бросали. Затем принцесса вспомнила хлеставшие ее тело бичи, и сожаление исчезло.

Теперь ее мысли занял Хаэль.

Глава шестнадцатая

К

огда войско оказалось на расстоянии двухдневного перехода от столицы, Хаэль позволил своим воинам поупражняться в стрельбе из лука. Во время трудных переходов у них не было такой возможности, а когда они вступили на территорию Навы, Хаэль не разрешал стрелять, опасаясь шпионов. Сейчас это его уже больше не беспокоило: у

Гасама все равно не хватило бы времени разгадать тактические уловки Хаэля.

Армия короля Пашира следовала за ними в качестве осадной колонны. Увидев ее, шпионы, без сомнения, доложат, что армия собирается осаждать Флорию. И такие донесения будут на руку Хаэлю. Конечно, он не собирался отказываться от осады, но в его намерения входило предоставить это наванской армии.

Хаэль настоял на том, чтобы командование армией Навы поручили Хараху. Тот, правда, не имел достаточного опыта ведения крупных военных действий на суше, но Хаэль в первую очередь был заинтересован в преданности своих людей, и Харах как нельзя лучше отвечал этому требованию. После длительных убеждений, обильно сдобренных лестью, королю Равнин удалось уговорить Пашира остаться в Касине и позволить другому человеку возглавить армию. Решающим доводом послужило то, что, если Пашир оставит столицу, может возникнуть опасность государственного переворота.

Он также убедил короля послать с ним Чаулу. Писец для соблюдения приличий, конечно, возражал, утверждая, что слишком стар для еще одной кампании. Однако Хаэль прекрасно знал: ничто не помешает его другу участвовать в этом походе.

Вперед высылали дозорных. Несмотря на их бурные протесты, Хаэль заставил их надеть наванскую одежду, вооружиться наванским оружием и использовать наванскую упряжь для кабо: чем меньше людей знало, что он действует как союзник короля Навы, тем лучше.

Будучи уверенным в своих силах, Хаэль все-таки понимал, что в предстоящей великой битве подвергнет свою армию первому серьезному испытанию. Король использовал объединенные силы своих воинов и раньше — чтобы очистить равнины от наводнявших их банд разбойников, и позднее — в столкновениях против воинственных племен на южных и юго-восточных границах. Но они еще никогда не вступали в битву против армий цивилизованных государств. Хаэль не имел понятия о том, что может предпринять его молочный брат. Он, несомненно, был безумен, но это безумие не лишало его способности к стратегическому мышлению. Напротив, все, что он делал, казалось подчиненным какому-то хитроумному плану, благословленному свыше.

У Хаэля было множество забот. И предстоящее сражение с Гасамом он не считал самой главной. Король Равнин хотел возвратиться на свои земли с армией, а не с ее остатками. Он не собирался вырвать победу такой дорогой ценой, что ее можно было бы считать равной поражению.

Гасам же мог позволить себе быть в этом отношении расточительным. Жизнь его воинов ничего для него не значила. Люди были всего лишь средством для удовлетворения его амбиций. Из того, что довелось услышать про него Хаэлю, он понял: Гасам еще мог ценить жизни шасиннов, но зато совершенно спокойно жертвовал жизнями других. И неизвестно, происходило это из-за того, что шасинны были его родным племенем,

или же потому, что они были хорошими воинами.

Хаэль пытался не думать о Лариссе, но ничего поделать с собой не мог. Когда-то он любил ее, а она предала его ради Гасама. Она повсюду сопровождала своего мужа и правила Флорией как королева. Пашир показал ему письма Лариссы к Шазад. Послания были написаны рукой двоюродной сестры принцессы, ныне пленницы Гасама, и поэтому Пашир говорил о ней как-то неохотно. В этих письмах Хаэль тщетно пытался обнаружить черты той Лариссы, которую он знал. Женщина — нет, девочка — была почти таким же странным ребенком, как и сам Хаэль. Они дружили в детстве, так как оба были не похожи на людей своего племени. Он был сиротой и всегда чувствовал влечение к миру духов, к чему вовсе не стремились шасинны. Между ними существовало различие: Хаэль был по меркам шасиннов низкорощенным, она же — дочерью одного из вождей племени. Чуть повзрослев, Ларисса расцвела и стала редкостной красавицей.

Хаэль знал, что мысли, посещавшие его, ни к чему не приведут. Даже если бы он остался с шасиннами, Ларисса никогда не смогла бы принадлежать ему. К тому же он порвал со своим бывшим племенем. Теперь у него было королевство, жена и дети, которых он любил. Но он по-прежнему не мог вспоминать о Лариссе без боли. Боли из-за той любви, которую он к ней испытывал, боли от ее предательства. Гасам смог ее чем-то подкупить или же она, как и ее теперешний

муж, несла в себе зло? А может, зло не могло противостоять этим людям? Хаэль отошел от моральных устоев своей юности и не смог бы сейчас ответить на вопрос, что есть подлинное зло.

Когда-то он думал, что Шазад тоже несет в себе зло. В свое время он подозревал, что она могла нанять человека, чтобы тот убил его, Хаэля. Теперь же он считал, что она была просто юной женщиной, которая жила в обществе, попирающем все моральные устои. Но так было до того, как вторжение Гасама вынудило Шазад стать по сути правительницей Навы. Она действовала решительно и жестоко, даже ко многому привычные наванцы с ужасом говорили о крестах, пытках и казнях, которые она устраивала. Но из всех услышанных историй Хаэль понял: все это было совершенно вовсе не ради удовлетворения ее собственных прихотей. Напротив, ее деяния были направлены на укрепление Навы и власти отца. В последние минуты сражения в гавани Флории она пожертвовала собственной свободой, а возможно, и жизнью, чтобы спасти отца — а вместе с ним и страну. Внезапно он подумал о том, что, вероятно, много лет назад именно Пашир нанял того человека. Однако какой бы ни была правда, все это произошло очень давно. А сейчас на первый план выступала борьба с Гасамом.

Хаэль по-прежнему был убежден, что Гасам — истинное воплощение зла.

Вернулись разведчики с важным донесением.

— Это армия Омайи, мой король. Их много, очень много. Они построены в шеренги, но им далеко до того, как умеют держать строй наванцы. Они вооружены только копьями и щитами, мечи есть у немногих. Но эта армия огромна, возможно, она превосходит нас более чем вдвое.

— Придется как следует потрудиться, чтобы осилить их,— невозмутимо заметил другой разведчик.

— Видели ли вы среди них воинов Гасама? Людей с волосами, похожими на мои, вооруженных такими, как у меня, копьями и черными щитами? — Король поднял свое знаменитое оружие.

— Мы не смогли подойти ближе, чтобы говорить наверняка,— сказал один из разведчиков.— Они находятся в чистом поле, а лес, в котором мы могли бы укрыться, наводнен отрядами их лесорубов.

— Мне придется побывать там, чтобы взглянуть на все своими глазами,— решил король.

Он отдал командирам приказ разбить лагерь. Если им придется принять бой, это произойдет не раньше чем на следующий день.

В сопровождении нескольких разведчиков Хаэль выехал по направлению к армии неприятеля. Они по-прежнему находились далеко к югу от реки Ящериц, но король предполагал, что омайяны перейдут реку. Важно было узнать, объединилась ли армия Омайи с войском Гасама. Если это уже произошло, бой обещает быть крайне напряженным, но в этом случае Хаэль рассчитывал застать армию неприятеля врасплох и сокрушить обе армии

в одном сражении. Если же враги еще не объединили свои силы, было бы неплохо провести несколько небольших стычек. Его не имеющая большого опыта армия нуждалась в быстротечной схватке, и даже небольшая победа сотворила бы чудеса с моральным духом наванцев.

Через час Хаэль и его спутники остановились около поросшего лесом холма. Дорога вела к седловине горы между двумя вершинами.

— Ты сможешь увидеть их с вершины холма, мой король,— сказал разведчик.

Хаэль спешился и передал поводья одному из своих людей. Из седельной сумки он достал мощную подзорную трубу.

— Укройтесь как следует и ждите меня в этом месте. Дальше я пойду один.

Король знал, что амси, к племени которых принадлежали разведчики, гораздо лучше чувствовали себя в седле, чем на ногах.

Хаэль вошел под сень деревьев. Свой длинный меч он оставил притороченным к седлу: это оружие только мешало бы ему. Он засунул сложенную подзорную трубу за пояс и достал из кармана длинный мягкий чехол, который надел на острие копья, чтобы блеск не выдал его. Каждый шасиннский воин всегда имел при себе хотя бы один такой чехол, чтобы защитить свое оружие от непогоды.

Король начал взбираться на холм. Торопиться не было причин, и он продвигался медленно, прислушиваясь к своим ощущениям. Пробудившиеся от долгой спячки птицы и животные образовывали пары, строили гнезда и метили

свою территорию. Их совершенно не тревожило близкое соседство людей.

Судя по имевшимся у Хаэля картам, за этими холмами раскинулась широкая затопленная равнина, лежавшая между рекой и грядой холмов. Во время периода штормов с гор стекали потоки воды, и уровень воды в реке резко повышался. Дорога, по которой двигалась армия Хаэля, упиралась в место, где существовал брод, когда вода стояла низко, и где было удобно переправляться на пароме, когда вода поднималась. Король прикинул, что если омайанцы построят плоты, то переправа займет у них самое меньшее несколько дней.

Взобравшись на вершину холма, Хаэль оглядел лагерь омайанской армии, который был разбит между холмами и рекой. Хаэль оценил численность войска Омайи примерно в пятнадцать тысяч. Его разведчики почти не ошиблись, хотя и брали в расчет только всадников. Если бы армии Омайи и Навы встали друг против друга в открытом поле, их численность оказалась бы почти одинаковой. Небольшое преимущество Омайи ничего не значило. Если все пойдет по намеченному плану, появление верховых лучников Хаэля окажется для противников неприятным сюрпризом.

Хаэль почувствовал приближение омайанских разведчиков и лесорубов задолго до того, как те смогли бы его увидеть. Он ощущал тревогу лесных созданий, которую те испытывали при приближении человека. Король бесшумно пробрался между стволами деревь-

ев. Достигнув зарослей кустарника, он сел, скрестив ноги и положив рядом с собой копье. Потом он достал подзорную трубу.

Это чудесное приспособление позволяло рассмотреть множество мелочей, но расстояние между ним и объектом наблюдения все же было слишком большим. Люди казались крошечными фигурками, а их одежду и внешность разглядеть было и вовсе невозможно. Однако Хаэль мог видеть палатки всех размеров, форм и раскрасок, что, без сомнения, указывало на большое число племен, принимавших участие в походе. Воины Омайи не готовились к сражению — казалось, они просто бездельничают, собравшись у костров. Их оружие было свалено без присмотра. В этом лагере не чувствовалось какого-либо порядка. Дозоры были выставлены только вокруг лагеря, что Хаэль счел серьезной ошибкой. Он сам поставил бы часовых вдоль гребней холмов и выслал бы конные дозоры на несколько миль ниже по дороге. Омайяны не узнают о приближении наванской армии до тех пор, пока не окажутся лицом к лицу с врагом. Это было на руку Хаэлю, и в то же время он испытывал определенную досаду, что люди — пусть они и были воинами противника — вынуждены подчиняться легкомысленным тупицам. Все это говорило о том, что, без всякого сомнения, не Гасам командует этим войском.

Недалеко от центра лагеря стояла большая палатка, принадлежавшая, вероятно, королю Оланду или военачальнику, командующему этой армией. Хаэль направил подзорную трубу туда.

По обе стороны от входа в палатку стояли двое мужчин, вооруженных длинными копьями. Поодаль он увидел множество тростинок, отливавших бронзой. Скорее всего, это были воткнутые в землю копья шасиннов. Более детально рассмотреть с этого расстояния ничего было нельзя.

Хорошо бы поймать пленника, но сидеть в засаде и ждать, пока именно сюда забредет какой-нибудь омайанский лесоруб, было невозможно. Хаэль сложил подзорную трубу и снова заткнул ее за пояс. Он узнал практически все, что его интересовало.

Возвратившись в лагерь, он вошел в штабной шатер. Внутри Хаэль увидел Чаулу и Хараха, сидевших за складным столом. Писец недовольно взглянул на Хаэля:

— Полон энергии, как всегда. Ничего удивительного, в молодости я сам был таким. А сейчас страшно рад, если не особенно дает о себе знать моя спина. Обычно к этому времени она разламывается от боли. И что тебе удалось обнаружить?

— Омайанцы встали лагерем у переправы, — сообщил Хаэль.

Чаула с победным видом взглянул на Хараха:

— Разве я не говорил, где мы их найдем? — Затем он снова повернулся к Хаэлю: — Они по-прежнему собираются переплывать реку Ящериц?

— Я видел плоты, которые с помощью веревок перетягивали через реку. Похоже, они до сих пор переправляют припасы. Значит, омайанцы будут на нашем берегу завтра утром. Тогда мы и ударим. — Хаэль повернулся к

часовому, который стоял, облокотившись на копье, снаружи палатки: — Собери всех командиров.

Часовой позвал горниста, и тот дал специальный сигнал сбора командного состава. Через несколько минут все командиры Хаэля собрались в походном штабе.

— Утром мы вступим в бой, — объявил король.

Послышались радостные крики, во взглядах воинов засверкали азарт и алчность.

— Мы выступим за два часа до рассвета, — продолжил Хаэль. — Я хочу, чтобы наша армия начала построение на равнине до того, как враги догадаются о нашем присутствии. — Он описал им план места, где предполагал дать бой. — Я лично назначу командира каждого подразделения. Сразу после того, как воины закончат вечернюю трапезу, погасите костры. Я хочу, чтобы никто не наступил на горячие угли, когда мы будем покидать лагерь. Пусть не берут с собой ничего, кроме оружия. Команды отдавать только голосом, причем негромко. Мы не будем использовать факелы, как бы темно ни было утром. Последнюю милю надо пройти в совершенном молчании. А теперь слушайте с особенным вниманием. Резерва не будет. Приказываю всем развернуться к неприятелю фронтом в следующем порядке... — И он начал перечислять названия подразделений, а командиры делали пометки на своих восковых табличках.

Позже, когда все разошлись, король присел под навесом с Чаулой и Харахом. Все было

сделано, и он радовался короткой передышке, которая позволяла немного расслабиться перед боем.

— Ты хочешь вступить в бой, не оставив резерва? — озабоченно спросил Чаула. — Ты хорошо подумал? Я знакомился с множеством военных отчетов, и во всех говорится о том, что мудрый полководец всегда имеет резерв на случай непредвиденных обстоятельств.

— Мой резерв составляют лучники, — сказал Хаэль. — Они в десять раз поворотливее любого пехотного резерва. Кроме того, с наванскими солдатами мне придется придерживаться самой простой тактики ведения боя. Я просто укажу им место, на котором они будут должны драться. Если они выдержат первую атаку, то можно будет считать, что победа за нами.

— Завидую твоей уверенности, — вздохнул Чаула.

Харах промолчал. Его слова все равно ничего бы не изменили.

Призрачный свет луны тускло освещал дорогу. Еще толком не проснувшиеся солдаты вяло передвигались под приглушенный лязг оружия. Когда очередное подразделение отправлялось вверх по дороге, командиры будили людей из следующего. Солдаты, сначала сонно спотыкавшиеся, очень скоро взбодрились от мысли, что они наконец-то идут в настоящий бой, о котором так долго мечтали. Все воины, от ветеранов до зеленых рекрутов, прекрасно понимали, что далеко не каждый, кто встретил рассвет, доживет до захода солнца.

И тем не менее они нисколько не сомневались в победе. Сегодня им не придется встретиться с наводящим ужас королем Островов, а лишь с презренными омайанцами, известными своей трусливостью и глупостью. Наванские пехотинцы, разумеется, не подозревали, что воины Омайи думают о них точно так же. Более всего веру в победу поддерживало присутствие появившегося из ниоткуда чужеземного короля, так не похожего на настоящего правителя. Он возник во главе армии, словно ураган из пустыни, и его войско также не походило ни на одно войско цивилизованных государств, где в кавалерии всегда служили аристократы. Но это была прекрасно организованная армия дикарей, беззаветно преданных своему королю. Они казались непобедимыми. А король Хаэль во всем отличался от изнеженных нобилей, командование которых уже поставило Наву на грань гибели. И это внушало уверенность в победе.

Когда последнее подразделение вышло из лагеря, Хаэль удовлетворенно кивнул. Он направил своего кабо в голову длинной колонны. Вначале король миновал своих всадников, а затем подразделения наванской пехоты. Его людей крайне раздражало то, что им приходится плестись в хвосте, но это было важнейшей частью плана Хаэля.

Когда войска перевалили через гребень холма и спустились в долину, на горизонте появилась серая полоска. Между холмами и рекой теперь можно было заметить отблески множества догорающих лагерных костров. В лагере противника царила сонная тишина.

Внезапно в омайанском лагере послышались звуки труб, барабанов и флейт: неприятель заметил приближающуюся армию. Омайанцы покидали лагерь, издавая воинственные кличи и выстраиваясь в несколько неровных шеренг. Войско Хаэля пребывало в несравненно лучшем порядке. Первые лучи утреннего солнца играли на бронзовых лезвиях копий его воинов. Командиры были вооружены короткими или длинными мечами со стальными клинками. Хаэль вспомнил об огромных запасах стали, которые он обнаружил в пустыне, и подумал, как грозно будет выглядеть армия со стальным оружием. Такое войско непобедимо при условии, что им будут умело управлять. Противостоять ему не сможет никто.

Омайанцы оправились от неожиданности. Сейчас, когда их армия построилась в боевой порядок, они увидели, как малочислен их противник. Солдаты Омайи начали отпускать в адрес наванцев презрительные насмешки. Некоторые запели военные гимны. Толстый мужчина на великолепном кабо с богато украшенной сбруей выехал вперед и стал произносить какую-то речь. Как только он делал паузу, омайанцы, потрясая оружием, начинали восторженно вопить.

Наванские воины хранили молчание. Каждый солдат поставил перед собой щит и придерживал его одной рукой, а другой сжимал копьё. На воинах, стоявших в трех передних рядах, были надеты доспехи из бамбуковых пластинок, скрепленных между собой жестким кожаным шнуром. Деревянные поножи

защищали их голени, а головы — шлемы из толстой кожи, отделанные бронзой. Воины задних рядов были одеты в легкие кожаные шлемы и имели на вооружении копья и легкие щиты. Лучников в этой армии не было.

Омайанцы не выслали вперед парламентаров, презрев общепризнанные нормы. Победа казалась им верной и совсем близкой. Под барабанный бой они двинулись вперед. Возглавлявшие их офицеры время от времени оборачивались и, размахивая мечами, что-то кричали, пытаясь, по всей видимости, таким образом удерживать порядок боевого построения.

— Поднять щиты! — скомандовали наванские командиры.

Воины подняли их вверх, почти до уровня глаз. С омайанской стороны посыпались стрелы. Хаэль видел, что большинство стрел летит с флангов, где шли не прикрытые доспехами лучники, которые останавливались время от времени, чтобы выпустить стрелу. Однако предусмотрительно поднятые щиты наванцев отражали эти залпы, в цель попали лишь несколько стрел.

Кабо Хаэля стоял на небольшом возвышении. Король внимательно вглядывался в ряды врага, но не видел среди них воинов Гасама. Затем он заметил какое-то движение на другой стороне реки. Достав подзорную трубу, король направил ее на место переправы армии Омайи и увидел сооруженное на берегу шаткое строение, похожее на наблюдательный пункт. В это время омайанцы пошли в атаку, и Хаэль прекратил рассматривать, что творится на другом берегу реки.

С дикими криками омайанцы бегом устремились по всему фронту в сторону противника. Завязалась рукопашная схватка: сверкнули клинки мечей, замелькали лезвия боевых топоров. Почти никто из омайанцев не носил доспехов, но зато их копья были длиннее, и наванцам было трудно вести ближний бой. Ожесточенная схватка завязалась на правом фланге, где солдаты Омаи оказывали наиболее сильное давление.

Хаэль подал движением копья условный знак. Первый отряд всадников двинулся к правому флангу. Они выстроились позади и немного правее пехоты, меньше чем в пятидесяти шагах от ошеломленных омайанцев. Тонкие стрелы, пущенные ими, легко проходили сквозь щиты, вонзаясь в незащищенные тела омайанских солдат.

Когда основная часть воинов Равнин сгруппировалась за королем, он вложил копье в притороченную к седлу перевязь и расчехлил свой могучий лук. Наложив на тетиву стрелу, он повел своих людей в обход левого фланга.

Всадникам не требовалось команд: воины точно знали, что надо делать. Стрелы градом посыпались на ряды омайанцев. Всадники, выпустив пару стрел, повернули налево, заходя в тыл омайанской пехоте. На другом фланге группа всадников проводила такой же маневр. Скоро стрелы сыпались на омайанцев с обеих сторон, в то время как солдаты Навы по-прежнему удерживали свои позиции в центре.

Омайанцы не смогли сдержать такого натиска. В их рядах началась паника. Офицеры

прикладывали все усилия, чтобы вернуть омайанских воинов в строй, но им это не удавалось. Омайанская армия таяла на глазах. Когда напор на наванцев уменьшился, те, в свою очередь, пошли в атаку. Медленно, шаг за шагом, они начали теснить неприятеля. Земля была усеяна грудой тел, и омайанцы, отступая, то и дело спотыкались о трупы. Среди жуткой паники, охватившей ее ряды, омайанская армия распалась и обратилась в беспорядочное бегство.

Лучники и пехотинцы продолжали давить на отступающего врага, не давая ему ни минуты передышки. Обращенные в бегство омайанцы вынуждены были пересечь свой лагерь, спотыкаясь о растяжки палаток; на каждом шагу их настигали стрелы, которые, казалось, выпускали настоящие демоны.

Единственным свободным пространством была река. Омайанцы прыгали в воду с отчаянной решимостью, будто там их ожидало спасение, причем некоторые забывали о том, что не умеют плавать. Всадники безжалостно преследовали беглецов, выпуская одну стрелу за другой.

— Прекратить стрельбу! — приказал Хаэль.

Он ехал среди лучников, держа в поднятой руке копье. Командиры, увидев его знак, отдали приказ своим воинам. Было совершенно ясно, что армия Омайи полностью разгромлена и ей не суждено возродиться. Хаэль не одобрял бессмысленного кровопролития. По всему полю его воины спешили и вытаскивали из тел погибших свои стрелы. Это было необходимо. Маленькие бронзовые стрелы

треугольного сечения имели огромную убойную силу, и воины Равнин расходовали их очень бережно. Дело было не только в том, что металл стоил очень много. Хаэль сам придумал эти стрелы и вовсе не хотел открывать их тайну врагам.

— Посмотри, мой король! — сказал всадник, который ехал за Хаэлем. Он указал на небольшую группу людей, стоявших на берегу реки. — Они похожи на тебя!

Удивленный Хаэль увидел могучих, словно отлитых из бронзы людей, державших в руках высокие щиты черного цвета. Хаэль сделал знак нескольким командирам и направил кабо к этой маленькой группе. Воины даже не пытались сопротивляться, но смотрели на приближающегося короля открыто и с вызовом. Их было не больше дюжины, волосы некоторых воинов были заплетены в мелкие косички, что выдавало в них младших воинов шасиннов. Они не участвовали в битве. Возможно, во время нее они находились в лагере.

Хаэль остановил своего кабо перед этими людьми и взгляделся в их лица. Два из них показались ему знакомыми.

— Луо? Пенду? — воскликнул он, не веря своим глазам. — Это на самом деле вы?

Лица шасиннов оставались непроницаемыми. Они не были слишком похожи на тех мальчишек, которых когда-то знал Хаэль. Однако он понимал, что и сам очень сильно изменился. Никто не может остаться мальчиком навеки.

— Хаэль! — произнес Пенду, и в его голосе не прозвучала радость. — Значит, это правда.

Ты стал вожаком трусливых лучников и всадников на кабо!

Король отвык от родного диалекта: за прошедшие со времени его изгнания годы он впервые разговаривал с шасинном.

— Они прошли полмира, чтобы быть здесь в этот день,— заметил Хаэль.— Так что постарайтесь проявить побольше уважения. Вам не кажется, что двое моих братьев из общины Ночного Кота могли бы приветствовать меня более сердечно?

Луо презрительно фыркнул:

— Старых членов общины больше нет! Для них не осталось места в этом мире. И ты правильно сделал, что сбежал от нас. Такой глупец, как ты, очень недолго выдержал бы правление нашего короля.

— Я не сбежал,— нахмурился Хаэль.— Если вы помните, шасинны изгнали меня из племени. И это было делом рук Гасама и Лариссы. Скажи, Гасаму когда-нибудь доводилось убить своими руками длинношею? Этого не удавалось сделать до меня ни одному человеку, и я уверен, что никто никогда не сделает этого. А за Гасама всегда кто-нибудь делал то, что было ему не по силам.

— Ты говоришь, как мальчишка, которым был когда-то,— скривил губы в злой усмешке Пенду.— Гасам — наш король, и он сделал нас великими. А кто ты?

— Думаю ты знаешь, с кем говоришь сейчас! И я бы не советовал вам проявлять излишнюю дерзость. Где Данат, мой чабас-фастан?

— Он мертв,— ответил Луо.— Погиб в одном из сражений во время захвата соседнего острова.

Хаэль опустил голову. Они с Данатом были ближе чем братья.

— А Рэйба?

— Рэйба — вождь отряда шасиннов на острове Шквалов, — сказал Луо. — Он, так же как и мы, предан своему королю. Ни к чему вспоминать старые времена, Хаэль. Ты собираешься нас убить? Так что же ты медлишь? Ты больше не шасинн и, скорее всего, давно забыл, как пользоваться своим копьем, но я уверен, что жалкие ублюдки, находящиеся под твоим началом, могут, стоя на безопасном расстоянии, засыпать нас стрелами.

— А что с Тэйта Малом? — спросил Хаэль, словно и не слышал последних слов Луо.

— Король приказал его убить, — сказал Пенду. — Гасам уничтожил всех Беседующих с Духами. Они выступали против него, а все его враги должны были умереть.

— Значит, он уничтожил шасиннов, — с грустью произнес Хаэль. — Мы были народом, свято хранившим свои традиции. Мы прислушивались к мнению духов. А Гасам уничтожил все это. У вас, как я понял, теперь не существует воинских общин? Никаких вождей племен, только Гасам, единоличный правитель. Никаких Беседующих с Духами. Вы стали просто орудием в руках человека, которого когда-то презирали.

— Это не так! — воскликнул Пенду, но в его голосе послышались нотки сомнения. — Мы нация завоевателей! И победы нашего короля докажут это всему остальному миру! Беседующие с Духами держали нас в постоянном страхе. Мы не могли сделать ничего,

опасаясь нарушить какое-нибудь из их глупых табу. Но мы освободились от их власти и теперь можем впрягать в ярмо другие народы и держать свою стопу на их шее!

— И где же этот избраннык судьбы? — поинтересовался Хаэль. — Здесь, как я вижу, его нет.

Пенду ухмыльнулся:

— Он был здесь, но возвратился в Город Победы.

— Здесь? — удивленно спросил Хаэль.

— Да, в том месте, — сказал Луо, указывая на другой берег реки.

Ее вода покрылась телами мертвых и еще борющихся за свою жизнь людей. На берегу стояли несколько воинов Равнин, которые, используя щиты, пытались подогнать к берегу тела, чтобы вытащить свои стрелы. На другом берегу стояло шаткое строение, которое Хаэль заметил до начала боя.

— С этого места ничтожный толстяк, брат короля Омайи, вчера командовал переправой через реку. Наш король прибыл предыдущей ночью, и когда ты пришел на поле боя, он видел это. Гасам привел с собой несколько сотен воинов, чтобы показать, что готов исполнить союзнические обязательства перед Омайей, но он никогда не собирался помогать этим никчемным слабакам. Гасам явился сюда, чтобы узнать, как ты будешь действовать.

Хаэль прошептал проклятие. Гасам никогда не позволял застать себя врасплох! Он был здесь, чтобы оценить обстановку.

— Что вы делали на этой стороне реки?

— Мы некоторое время были с омайанцами, будто бы для того, чтобы обеспечить связь между армиями, но на самом деле — чтобы докладывать Гасаму о том, что происходит в их войске, — сказал Луо.

Хаэль, поразмыслив некоторое время, произнес:

— Я не собираюсь вас убивать. — Лица шасиннов по-прежнему оставались непроницаемыми. — Вы вернетесь к своему королю и передадите ему мое сообщение. Я напишу его на свитке, так что буду уверен: Гасам узнает именно то, что я хотел ему сказать. Ждите здесь. Если попытаетесь сбежать, вас убьют.

Хаэль повернул своего кабо и поехал в лагерь омайанцев. Там он надеялся найти принадлежности для письма и бумагу. Эта встреча произвела на него тяжелое впечатление. Он вынужден был признать, что его прошлое потеряно безвозвратно. Ранее Хаэль тешил себя тайной надеждой, что причиной этой потери был только Гасам и, если уничтожить его, все встанет на свои места. Однако теперь он понял, что это невозможно.

В лагере к нему подошел Джоким:

— Мой король, мы тут поймали какого-то толстяка, который утверждает, будто он брат короля Омайи.

Они вошли в огромную палатку и обнаружили сидевшего на складном стуле толстого человека. Он выглядел высокомерным, озлобленным — и очень глупым. Испуган он не был, наоборот, он был совершенно уверен в том, что принадлежность к семье короля защитит его от каких бы то ни было неприятностей.

— Я король Хаэль. Ты командовал армией?

— Ты король?

Внешность Хаэля, пот и грязь, покрывавшие его тело, а также потертая верховая одежда не сочетались в понимании этого человека с образом монарха.

— Я не ношу короны, но я король. Если не веришь, можешь спросить у моих людей.

— Я Эймус, младший брат короля Оланда. Думаю, ты захочешь обсудить условия...

— Никаких условий,— отрезал Хаэль.— Требования. Твой король выведет в течение десяти дней все войска, находящиеся на наванских землях. Если он не подчинится, мы полностью уничтожим его армию. Ты видел мои войска и знаешь, что я легко смогу это сделать. Король Пашир отправит послов, чтобы они обсудили вопрос о размере репараций за ущерб, нанесенный идиотским вторжением твоего брата.

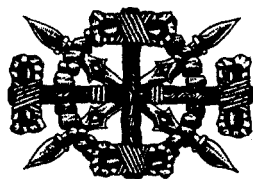
— Ну что ж, я передам моему брату твои слова,— неуверенно протянул Эймус, а затем раздраженно добавил: — Ты совершенно зря вмешался в наши дела, король Хаэль. Отношения между Омайей и королевством Равнинных Земель носили дружественный характер. Мы занимались взаимовыгодной торговлей, а теперь я просто не знаю, чем могут обернуться твои дерзкие действия.

— Я пришел для того, чтобы помочь королю Паширу вести борьбу против Гасама, который противопоставил себя всему миру. Это твой король вступил в преступный сговор с Гасамом. А сейчас иди и передай ему мои слова. А, кстати, плавать-то ты умеешь?

— Умею... Что?..— с негодованием спросил Эймус.

Хаэль махнул рукой в сторону входа, и двое воинов, усмехаясь, поставили упирающегося омайанца на ноги и, не обращая внимания на его гневное кудахтанье, выволокли из палатки. Хаэль же занялся поисками принадлежностей для письма.

Глава семнадцатая

«К

ороль Равнинных Земель Хаэль приветствует Гасама, властелина Островов», — прочитала Дэниаз.

— Этот человек, как я вижу, не признает моих завоеваний на материке, — заметил Гасам. — Он отхлебнул гуля — напитка из забродившего сока фруктов, любимого на его родных Островах. Рядом с ним сидели королева и воины Луо и

Пенду, доставившие это послание.— Продолжай, малютка.

«Я разбил армию твоего союзника, короля Омайи. Ты мог видеть это собственными глазами. Теперь, будучи соратником моего друга, короля Навы Пашира, я изгоню с материка тебя. Предлагаю должным образом использовать некоторое оставшееся тебе время, чтобы вывезти с материка твои войска. Также ты должен освободить принцессу Шазад, захваченную тобой в плен».— Прочитав эти слова, Дэниаз взглянула на Шазад, прикованную цепями к стене комнаты.

— Узнаю старого доброго Хаэля,— насмешливо протянул Гасам.— И его обычную идиотскую чувствительность!

«Теперь я буду говорить как Хаэль, который был некогда младшим воином шасиннов. Гасам, мой вероломный брат, мне сообщили, что ты убил моего старого друга Тэйта Мала и остальных Беседующих с Духами племени. Ты разрушил обычаи и устои шасиннов и этим погубил свой народ. Поэтому я собираюсь убить тебя своей собственной рукой. Ты можешь бежать вслед за своей армией, но не сомневайся: рано или поздно я найду тебя и уничтожу. Я мог бы сделать это и не ввязываясь в войну, но я вступил в эту кампанию и убью тебя, как бы она ни закончилась. Я не желаю жить под одним небом с таким человеком, как ты».

Читая последние строки, Дэниаз сильно побледнела. Гасам, однако, как будто испытывал от услышанного явное удсвольствие.

— Наш Хаэль всегда славился особой целеустремленностью, но я даже предположить не

мог подобной наглости. В юности он был куда скромнее — всегда опасался разгневать чем-нибудь старейшин или вызвать неудовольствие духов. Там есть что-нибудь еще, малышка?

— Только небольшая приписка, мой господин. Она в самом низу, как будто эта мысль пришла ему в голову после того, как письмо уже было закончено. «Можешь сказать своей королеве, что я больше не испытываю к ней ненависти. Если ты способен уничтожить целый народ, стоит ли упрекать тебя за то, что ты склонил к предательству одну девушку?»

Дэниаз поразило выражение ледяной злобы, появившееся в глазах Лариссы.

— Самонадеянный наглец! — прошипела королева в ярости. — Когда он окажется в твоих руках, отдай его мне, мой король! Этот мерзавец должен узнать, что такое настоящие мучения!

— В свое время, моя маленькая королева, в свое время, — спокойно проговорил Гасам. — Луо, Пенду, я не смог разглядеть его среди всадников даже через подзорную трубу. Вы помните его с юности. Как выглядит сейчас Хаэль?

Воины сидели, скрестив ноги, на полу и жадно пили гуль, налитый в высокие кубки. Гасам редко разговаривал с шасиннами официальным тоном, а этих двоих он знал много лет — с того времени, как нынешний король Островов командовал младшими воинами в общине Ночного Кота.

— Он изменился, как и все мы, — ответил Луо. — Стал старше, более суровым. В нем всегда чувствовалось что-то указывающее на

расположение к нему духов, и это осталось до сих пор. А вот мечтательности в глазах больше нет.

— Я помню,— произнес Гасам.— Он всегда выглядел так, словно ему только что ударили между глаз рукояткой копья. Это, несомненно, было результатом того, что он слишком много времени проводил в обществе Беседующих с Духами.

— Конечно, я не стал бы сравнивать его с тобой, мой король,— вступил в разговор Пенду,— но в нем можно заметить похожую властность. Я видел, как люди бросались выполнять его указания, словно они исходили из уст какого-нибудь бога. По правде говоря, меня поразило это.

— В детстве он провел рядом со мной достаточно много времени, это должно было сказаться,— безмятежно заметил Гасам, но в глазах его подобного спокойствия не было.— А что вы скажете о его кавалерии?

— Это самые лучшие всадники, которых мы видели когда-либо! — воскликнул Луо с воодушевлением, свойственным шасиннам, когда они говорили обо всем связанном с войной.— Один верховой лучник Хаэля стоит десяти наванских всадников и двадцати омайанцев. Они как будто составляют единое существо со своим кабо. Конечно, в разговоре с Хаэлем мы не показали своего восхищения. Однако его всадники производят такое же неизгладимое впечатление, что и женщины-воительницы из Чивы.

— В войске Хаэля сражаются в основном люди двух племен,— добавил Пенду.— Одни —

крепкие, приземистые, с длинными черными волосами, кожа у них темнее, чем у нас. Другие — высокие, худощавые, с более светлыми волосами. Вооружены все одинаково, но одежда темноволосых большей частью из кожи, а у светлых — из ткани.

— Ты тоже это заметил? — обратился Гасам к Луо.

Тот кивнул:

— Мне кажется, я видел людей и из других племен, но большая часть — из этих двух. Их луки выглядят как-то странно — они непривычно изогнуты на концах. — Луо вытащил из стоявшего на окне горшка цветок, отломил его стебель и попытался изобразить похожий изгиб. — Вот так. И они более короткие и тугие. Я был бы не прочь поддержать в руках такое оружие. Похоже, они сделаны не только из дерева, какие-то их детали — из рога.

Вошедший наванский раб простерся ниц перед королем:

— Вожди собрались, мой господин. Ты просил, чтобы тебя известили об этом.

— Не будем заставлять их ждать, — произнес Гасам.

В сопровождении спутников он вышел во внутренний дворик резиденции. Последней шла Дэниаз, ведя на цепи принцессу Шазад.

Король присел на край роскошного ложа, а Ларисса возлегла на свое привычное место рядом с ним. Послание Хаэля потрясло королеву и пробудило, казалось, давно затерянное в глубинах ее души чувство вины.

— Мои вожди! — начал король. — Думаю, большинство из вас уже слышало известие о

том, что наши доблестные союзники из Омайи...— здесь Гасам сделал паузу, на которую его командиры отозвались именно так, как он и рассчитывал,— громким издевательским смехом,— ...потерпели сокрушительное поражение. Я был свидетелем этого и могу рассказать вам кое-какие подробности.

Король описал то, что ему удалось увидеть с временного наблюдательного пункта, установленного на берегу реки. После этого он велел воинам, сопровождавшим его к реке Ящериц, ознакомить собравшихся с особо запомнившимися деталями битвы. Последними держали речь Луо и Пенду, рассказавшие о всадниках, которых они видели вблизи. О послании Хаэля Гасам запретил даже упоминать.

— Не будем говорить ненужные слова об отваге и трусости,— продолжил король, когда они закончили свои речи.— Всадники с Равнин применяют тактику боя, какую мы никогда раньше не видели. Я не собираюсь встречаться с этой армией до тех пор, пока не придумаю способа, который помог бы нам выстоять против этой силы и свести на нет их преимущество.

Всадники Навы, которых мы разбили, были вооружены копьями. Для того чтобы воспользоваться своим оружием, им приходилось подходить к нам на близкое расстояние, а мы прекрасно знаем, как подчинять своей воле животных. Воины с Равнин стреляют из луков на скаку. Причем таких луков мы раньше никогда не встречали. На наших Островах луки были у племени Охотников, но это

оружие настолько слабое, что им приходится отравлять свои стрелы. На материке мы видели, как луки используются для военных действий, но они также не обладают достаточной силой — от стрел наванцев легко можно заслониться щитом. У всадников с Равнин совсем другое оружие. Выпущенные из этих луков стрелы пробивают не только щиты, но и доспехи. Поэтому я не думаю, что сейчас мы сможем противостоять им. Нам не удастся подойти достаточно близко, чтобы поразить их копьями. Они же могут осыпать нас стрелами издалека.

Гасам внимательно взглянул на своих командиров и с удовлетворением отметил, что те не выглядели испуганными или подавленными. Они жадно внимали словам короля.

— Это всего лишь временная отсрочка, не больше, — продолжал он. — Когда я объединил под своей рукой племена моего родного Острова, я решил завоевать другие Острова. Для этого нам, шасиннам, пришлось преодолеть страх перед морем и научиться обращаться с лодками, чтобы перебираться с одного Острова на другой. Обосновавшись на материке, мы вынуждены были обучиться сражаться на море, чего никогда не делали раньше. И мы постигли эту науку, не так ли?

Ответом королю были бурные одобрительные вопли.

— Так что теперь нам придется всего лишь овладеть еще одной премудростью. Только слабые народы думают, что они не могут на-

учиться ничему новому. Их покоряют, и это совершенно справедливо. Я буду размышлять над задачей, как победить всадников с Равнин, и я найду ее решение. Бывший младший воин шасиннов Хаэль командует великолепной армией. Сражение с ними будет для нас хорошей проверкой на пути к окончательному завоеванию материка.

Вожди затянули победную песню, но Гасам остановил их повелительным жестом:

— Не время торжествовать победу. Нам еще предстоит немало потрудиться. Подготовка должна начаться прямо сейчас. Вождь Кусла!

— Да, мой король? — Вперед вышел бритоголовый человек с одного из южных Островов.

— Я поручил тебе разузнать о том, как можно защищать этот город в случае осады. Ты выполнил задание?

— Мой король, я не ожидал, что мы будем использовать городские укрепления. Однако у меня достаточно рабов, и я знаю, как заставить их работать.

— Прекрасно. Армия Хаэля скоро будет здесь. Стены и ворота должны быть подготовлены к осаде с суши.

— Как прикажет мой король, — произнес Кусла. — Но весь пригодный лес используется для строительства кораблей, а нам понадобятся деревянные щиты, чтобы закрыть людей на стенах от стрел всадников с Равнин.

— Неплохая мысль, — одобрил король. — Привлекай столько работников, сколько тебе

понадобится, а для того чтобы получить строительный материал, разбирай стены домов и храмов. Если этого окажется недостаточно, обратиться за ним в доки.

— Я понял, мой господин. Только неужели мы будем сидеть, спрятавшись за городскими стенами, в то время как в поле будут сражаться наемники?

Гасам расхохотался:

— Разумеется, нет. Наблюдая за тем, как люди Хаэля сражались с омайанцами, я понял одно: верховые лучники бессильны против укрепленных позиций. Мы поставим на стены наванцев, которые перешли на нашу сторону — они привычны к такому способу ведения войны. Осада города просто даст нам необходимое время для подготовки.

Король уселся обратно на свое ложе и взял за руку Лариссу. К ней вернулось ее прежнее настроение, и королева улыбнулась супругу.

— Мои вожди, придя сюда, мы были поразительно невежественны. Мы не имели представления о том, как огромен материк, как много на нем государств, которые мы можем покорить силой наших копий. Этот маленький город совсем неплох, но кроме него на материки есть множество других. Мы не похожи на властителей этих земель, которые сидят на одном месте и объявляют границы стран своими пределами. Нашими станут все земли, и наше право — отправляться туда, куда нам вздумается, и брать то, что придется нам по вкусу!

Речь Гасама заглушили воинственные крики. Воины, как всегда, были чрезвычайно воодушевлены силой и убедительностью его слов,

даже если что-то в них и оставалось им не до конца ясным.

— Ступайте и начните приготовления к осаде,— приказал король.— Хотя, конечно, это и не самое приятное занятие для настоящих воинов. Но я ваш властелин, и вместе со мной вы покорите весь мир!

Когда вожди удалились, Гасам некоторое время пребывал в глубокой задумчивости. Ларисса поглаживала его по спине, а наблюдающая за ними Шазад думала о предстоящей осаде. Принцесса теперь не сожалела о своих неудавшихся попытках к бегству. Если армия Навы будет стоять по ту сторону стен, она может оказаться куда более полезной здесь, в городе. Но как освободиться от крепких пут?

— Что ты собираешься делать, мой господин? — спросила королева.

— Нам необходимо побольше узнать о верховых животных. Девочка,— обратился Гасам к Дэниаз,— ты ездила когда-нибудь на кабо?

— В Наве только аристократы разводят кабо и ездят на них. Каждый человек благородного происхождения обучается верховой езде.

— В королевстве Хаэля дела, по-видимому, обстоят иначе,— заметил король.— Где можно достать большое количество этих животных?

— Я слышала,— сказала Дэниаз,— что огромными стадами кабо обладает король Чивы.

Гасам улыбнулся:

— Прекрасно. Я должен немедленно обратиться к моему брату, королю Чивы Дивазу Девятому.

* * *

Король Пашир прибыл на север страны, чтобы лично участвовать в осаде Флории. Победа на берегах реки Ящериц восстановила его авторитет и влияние в Наве. Он мог теперь спокойно оставить столицу, не опасаясь, что за его спиной немедленно начнут плестись сети заговора. Хаэль был доволен этим: у него самого не было ни опыта осады городов, ни особого желания этим заниматься.

Пашир, напротив, пребывал в чрезвычайном воодушевлении.

— Взяв Флорию, мы обязательно победим варваров. Дикари ничего не знают о трудоемких и требующих особых навыков оборонительных работах,— говорил король.

Армия совершила переход от реки Ящериц к Флории и встала лагерем у той границы, за которую не залетали снаряды установленных на стенах метательных орудий. Союзники не предпринимали попыток овладеть городом, но наглухо перекрыли доступ к нему, так что никто не мог ни выйти из Флории, ни войти в нее. Несколькими днями позже прибыл осадный отряд наванцев. Установив катапульты, они приступили к обстрелу города. Под прикрытием метательных орудий были сооружены защитные навесы до самых стен крепости. Они позволили подкопщикам приступить к их нелегкому делу. Ни днем ни ночью работа не прекращалась.

Воины Хаэля следили за происходящим с огромным интересом. Они были поражены тем, что люди могут работать, словно гигантские насекомые. Также лучники Равнин раз-

влекались тем, что обстреливали воинов на крепостных стенах. Сперва они без труда поражали цель, поскольку защитники города считали расстояние слишком большим для попадания, но скоро этому был положен конец. На стенах появились огромные деревянные щиты. Воины Хаэля приняли этот вызов и стали пытаться послать стрелы в узкие щели между щитами, что требовало чрезвычайной меткости. Хаэль вынужден был отдать приказ, запрещающий подобные упражнения, чтобы не тратить стрелы попусту.

Защитники, в свою очередь, не пребывали в бездействии. Перед их метательными орудиями, хоть и менее мощными, чем установленные за стенами, были гораздо более удобные мишени. Время от времени часть деревянного щита отодвигалась в сторону, и со стены со свистом вылетал тяжелый снаряд. Если он задевал какой-либо из защитных навесов, то наносил серьезные разрушения. Также со стен сыпался град дротиков и стрел, лилась расплавленная смола.

— Мой король, — заметил как-то Джоким, — тебе не кажется, что это невероятно глупый способ ведения войны?

— Вынужден согласиться, — сказал Хаэль.

Король и его командиры сидели вокруг лагерного костра. С тех пор как началась осада, они остались практически не у дел.

— Тогда мы можем спокойно вернуться домой, — предложил Бамиан. — Мы одержали великолепную победу, и перед нами лежит путь на Равнины. Под Флорией не может быть настоящего сражения.

— Это так,— не стал спорить Хаэль.— Но я пришел сюда, чтобы помочь Паширу в битве против человека, который сейчас находится за стенами города. Если мы покинем короля Навы, люди Гасама выйдут из-за стен и перережут его армию. И тогда перед нами встанет куда более сложная задача. А у меня есть основания расплатиться с Гасамом. Потерпите немного. Нынешнее положение не продлится долго, и у нас будет много времени, чтобы добраться до гор, пока перевалы не занесет снегом. К тому же я хочу получить плату с короля Пашира.

— Надеюсь, он не будет сильно скупиться,— мечтательно произнес Джоким.

— Несомненно, не будет. И вы можете сказать своим людям, что обратная дорога окажется намного более приятной, чем путь в Наву. Теперь мы пойдем не через пустыню, а по земле Омайи. Король Оланд должен дорого заплатить за ту заваруху, в которую вовлек нас.

После таких слов к вождям вернулось хорошее настроение. Воины Равнин считали себя богатыми с тех пор, как их королем стал Хаэль. Их стада неуклонно увеличивались, а властвовать над огромными территориями было куда приятнее, чем участвовать в мелких набегах на соседние племена.

Хотя были и такие, кто тосковал по прежним временам враждебных отношений между племенами. Некоторые амси сетовали, что теперь не могут совершать набеги на холмистые земли, но таких было немного. Когда Хаэль размышлял об этом, ему приходило в голо-

ву, что он подчинил народ Равнинных Земель так же, как Гасам — островитян. Но он сделал это, не прибегая к полному разрушению и порабощению, которыми, несомненно, наслаждался его молочный брат. Хаэль верил, что он сделал жизнь своих подданных гораздо более достойной. Но, возможно, Гасам думал так же и про себя? Не стал ли сам Хаэль, не ведая этого, таким же разрушителем? Эти вопросы мучили его бессонными ночами. Однако он знал, что его поступки были predeterminedены свыше, он выполнял свое предназначение, поскольку был одним из немногих людей, обладающих силой вести народы по новому пути.

В один из дней монотонной осады Харах пригласил Хаэля в палатку, где проходили советы командования. Когда они вошли, там находились только Пашир и Чаула. Король Навы улыбнулся, приветствуя властителя Равнинных Земель.

— Думаю, ты будешь рад, Хаэль, когда узнаешь, что завтра мы ворвемся во Флорию.

— Прекрасные новости, — сказал Хаэль. — Но почему ты так уверен, что это произойдет именно завтра?

В разговор вступил Чаула:

— Нам неожиданно повезло. Эти низменные земли состоят в основном из песка. Командир подкопщиков доложил, что городская стена имеет фундамент из мягких пород. Его люди без труда миновали ее и сегодня утром проникли в подпол какого-то заброшенного дома внутри города.

— Мы держали это в строгой тайне, — добавил Пашир. — Проход сейчас расширяют.

Завтра мы атакуем фронтом. И пока Гасам будет собирать свои силы на стенах, отборный отряд проникнет в город через подкоп, захватит ворота и откроет их войскам. А уж когда они ворвутся внутрь, Флория будет наша. Гасама уже ничто не спасет — ни хваленая отвага его воинов, ни хитрые тактические уловки. Для того чтобы занимать улицу за улицей, не требуется ничего, кроме подавляющего численного превосходства хорошо вооруженной пехоты, защищенной тяжелыми доспехами.

— Звучит многообещающе, — заметил Хаэль. — Я не смог бы долгое время удерживать своих людей под стенами города. — Он взглянул на карту Флории. Специальным знаком там было отмечено место, куда выходил подкоп. — Я пройду через него в город сегодня ночью, — сказал король.

Присутствующие в палатке с изумлением воззрились на него.

— Но зачем? — спросил Пашир. — Для чего тебе это надо?

— По двум причинам. Во-первых, я поклялся уничтожить Гасама, и я сделаю это. Во-вторых, необходимо найти Шазад и вывести ее из города, если, конечно, она еще жива. Когда Гасам узнает, что ворота открыты, он может убить ее.

— Я сильно тревожусь за жизнь своей дочери, Хаэль, — сказал Пашир. — Но я не хотел бы, чтобы из-за нее ты подвергал себя такой страшной опасности.

— Я должен сделать это, — спокойно произнес Хаэль. — К тому же, если Гасам будет

убит, его армия не сможет оказать серьезного сопротивления. Они убеждены, что их властитель равен богам, и не оправятся после такой потери.

— Но тебя узнают! — запротестовал Харах.

— Вовсе нет. Во Флории я буду всего лишь одним из шасиннских воинов, — усмехнулся Хаэль. — В темноте никто не сможет распознать меня.

Чаула не пытался переубедить его.

— Как донесли наши шпионы, Гасам со своей королевой обосновался в самом лучшем здании города, вот здесь, на холме. — Он показал на карту. — Раньше здесь был дворец королевского наместника. Как ты можешь видеть, это самое высокое место в городе. Ты без труда найдешь его даже ночью. — Королевский писец посмотрел на Хаэля очень внимательно, как будто видел его в последний раз. — К сожалению, в донесениях не указывается, там ли находится принцесса.

— Если я найду Гасама, — заверил его Хаэль, — то найду и Шазад.

В своей палатке король снял куртку, штаны и сапоги. Он надел простую набедренную повязку и несколько украшений, которые так любили шасинны. Свои длинные волосы Хаэль тщательно расчесал и распустил по плечам, как это делали старшие воины шасиннов. Король решил не брать длинный меч: он мог привлечь к нему внимание. Он взял только кинжал.

В сумерках Пашир вышел из шатра и подхватил свое копьё, воткнутое в землю около входа. Король прошел через лагерь. Воины в основном сидели около костров, и никто из

них его не заметил. Хаэль подошел к месту, где при свете факелов трудились подкопщики. Прорытый ими лаз уходил глубоко в землю, и из него то и дело появлялись люди, несущие корзины с отвалом. Другие тут же исчезали внутри с пустыми корзинами.

Командир подкопщиков приветствовал Хаэля:

— Нам сказали, что ты появишься здесь, господин. Следуй за мной.

Хаэль проник вслед за ним в углубление подземного хода. Он был узким, и им пришлось прижиматься к стенам, чтобы разминуться с носильщиками. Факелы чадили, от присутствия множества людей воздух был спертым. По мере того как они продвигались вперед, становилось все более холодно и сыро. Под ногами начало чавкать.

— Море близко,— пояснил командир,— вот почва и сырая.

В конце лаза ход еще не был расширен. Командир показал на узкое отверстие.

— За ним подвал дома, господин,— прошептал он.— Наверх ведет лестница. Удачи тебе!

Хаэль с трудом протиснулся через пробоину в фундаменте дома. Вокруг стояла полная темнота, но ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы отыскать лестницу, по которой он поднялся к деревянной двери. Король распахнул дверь, вздрогнув от визга несмазанных петель, и вошел через нее в некогда жилое помещение. Сюда, должно быть, не входили со дня вторжения дикарей, когда жители Флории в панике поки-

дали город, а мародеры прочесывали дома в поисках добычи. Дверь на улицу была приоткрыта. Хаэль выглянул наружу. Узкая улочка выглядела пустынной, она была загромождена грудami мусора и обломками мебели, выброшенной с верхних этажей. Не теряя времени, король двинулся вверх по улице.

Он вышел на площадь, окруженную с трех сторон зданиями храмов, и впервые за время пребывания в тылу неприятеля встретил здесь нескольких людей. Площадь слабо освещали несколько факелов, воткнутых в щели стен. Хаэль решительно пересек открытое пространство. Он бессознательно шел горделивой поступью шасиннов, несущих на плече копье и не снисходящих до того, чтобы обращать внимание на обитателей местных развалин. Горожане спешили убраться с его пути. Воины с Островов также уступали ему дорогу, хотя и без особой поспешности. Чем выше по склону холма поднимался Хаэль, тем больше он встречал шасиннов. Младшие воины, когда он проходил мимо них, почтительно склоняли головы.

Скоро Хаэль оказался на вершине холма. Большая его часть была занята обширным зданием с множеством новых пристроек, некоторые еще не были завершены. Несмотря на ночное время, здесь кипела бурная деятельность, вереницы рабов сновали туда и обратно, таща на плечах какие-то грузы. На широких ступенях стояли маленькими группами шасинны, они разговаривали и смеялись. Ничто не указывало на то, что дело происходит в осажденном городе.

Хаэль поднялся по ступеням. Как он и ожидал, никто не решился его остановить. Шасины слишком недавно познакомились с цивилизацией, чтобы успеть освоить ее плоды, в особенности касающиеся придворных церемоний. Для них этот город был всего-навсего большой деревней, а дворец короля ничем не отличался от хижины вождя, куда члены племени могли заходить, когда пожелают. Здесь не было ни охранников, ни паролей, ни рекомендательных писем.

Король проник во дворец. Внутри надзиратели при свете масляных ламп погоняли группы снующих рабов. Хаэль протиснулся сквозь толчею и отыскал взглядом человека, похожего на управляющего.

— У меня поручение к королю Гасаму! — сказал Хаэль. — Укажи, где находятся королевские покои.

Управляющий направил его по длинному коридору. Пройдя его, Хаэль оказался во внутреннем дворике, где мелодично журчали струи фонтана. Из анфилады комнат, выходивших во двор, доносились звуки голосов. Король не мог разобрать слов, но, без всякого сомнения, это был островной диалект. Он глубоко вздохнул и направился к покоям. На полпути Хаэль остановился — во двор вышла женщина. Она была невысокой и черноволосой, с кожей цвета меда, в коротком платье. Стройную шею женщины обхватывало широкое медное кольцо.

— Шазад? — спросил король.

Он не надеялся отыскать ее так легко. Глаза женщины широко раскрылись, но ее брови

тут же озабоченно нахмурились, и Хаэль понял, что ошибся. Женщины походили друг на друга, но, конечно, это была не Шазад.

— Мне кажется, я не знаю тебя, воин, — произнесла женщина. — А ты знаешь принцессу Шазад? Кто ты?

Она начала медленно отступать назад, в покои, но рука Хаэля, метнувшись, словно язык змеи, схватила ее за ошейник. Он поднес к ее подбородку острие копья.

— Извини, — сказал король. — Я не видел Шазад несколько лет, а ты на нее очень похожа. Твое имя случайно не Дэниаз? — Женщина испуганно кивнула, стараясь при этом не коснуться приставленного к шее копья. — У меня есть кое-какое дело к твоим господину и госпоже. Они там, внутри? — В подтверждение последовал еще один кивок. — Отлично. Теперь скажи, только тихо, где принцесса Шазад?

— Она тоже там.

— Очень кстати. Давай нанесем визит твоим господам.

С этими словами Хаэль отпустил ошейник и развернул женщину к себе спиной. Удерживая ее за запястья, он подтолкнул Дэниаз к двери.

Когда они вошли, его взгляд за мгновение обожегал комнату: светловолосая женщина, облокотившаяся на ложе; другая, со смуглой кожей и ниспадающими спутанными волосами, прикована к стене. Светловолосая взглянула, нахмурившись, на вошедших, и спросила:

— Дэниаз, что слу... Кто... — Затем на ее лице проступила мертвенная бледность, нижняя губа предательски задрожала.

В это же мгновение темноволосая подняла взор, и ее глаза ярко сверкнули.

— Хаэль! — воскликнули обе женщины одновременно.

— Хаэль! — повторила Шазад. На ее лице играла торжествующая улыбка. — Забери меня отсюда! Как можно скорее!

— Непременно, принцесса, но не надо так торопиться. Сначала я должен позаботиться об одном деле. — Он взглянул на Лариссу. Это казалось невероятным, но она стала еще прекраснее, чем тогда, когда он видел ее в последний раз. — Ты на редкость невежлива, королева. Ни слова приветствия своему давнему воздыхателю? Что ж, мы расстались не в самых лучших отношениях, не так ли? После того, если помнишь, как я был обречен на изгнание, спасая твою жизнь.

— Дурак! — произнесла она дрожащим голосом. — Зачем ты пришел сюда?

— А ты не догадываешься? Чтобы убить твоего мужа. Где он?

Ларисса быстро взяла себя в руки:

— Ты стал еще большим безумцем, чем раньше, Хаэль. Неужели ты на самом деле воображаешь, что можешь убить Гасама?

— Несомненно, если только найду его. — Он встряхнул Дэниаз за плечи. — Мне показалось, ты сказала, что он здесь!

— Как я могла что-нибудь сказать, когда ты держал около моего горла копье?

Хаэль отпустил женщину:

— Освободи Шазад. И не медли!

— Если хочешь остаться в живых, Хаэль, немедленно уходи отсюда! — крикнула Ларисса.

— Где Гасам? — требовательно спросил Хаэль.

Он поднес копьё к лицу королевы. Однако во взгляде Лариссы не было страха.

— Ты никогда не смог бы этого сделать, Хаэль. Ты любил меня когда-то, и этого достаточно, чтобы я могла чувствовать себя в безопасности. В тебе нет и десятой доли решимости, которой обладает Гасам.

— О, Хаэль! — нетерпеливо воскликнула Шазад. — Дай мне копьё!

Руки принцессы были свободны, хотя лодыжки еще скрепляла короткая цепь. Она выхватила из-за пояса Хаэля кинжал и, схватив Дэниаз за волосы, вынудила ее преклонить колени. Приставив лезвие кинжала к горлу женщины, Шазад позволила себе более не скрывать переполнявшего ее гнева:

— Где он, ты, потаскуха? Отвечай! Ты ведь знаешь, я не разделяю глупых заблуждений Хаэля. Если ты не откроешь рот, я изрежу тебя на мелкие кусочки!

— Но я не знаю! — проскулила Дэниаз.

— Тогда у меня сейчас будет восхитительное развлечение. Начну, пожалуй, с этого уха.

Принцесса действительно надрезала мочку уха Дэниаз, и не столько боль, сколько здравый смысл и решимость, сверкавшая в глазах Шазад, заставили ее кузину заговорить.

— Он в доках — следит за погрузкой кораблей.

Она хотела сказать что-то еще, но не могла больше выговорить ни слова, захлебнувшись истерическим рыданием.

Хаэль обернулся к Лариссе:

— Это так? Гасам покидает город? Ему наскучило властвовать на материке?

— Не говори глупостей! — воскликнула королева. — Ты же прекрасно знаешь, что шасинны не живут в городах, поэтому мы просто уходим отсюда. Это было славное местечко, чтобы задержаться в нем на некоторое время, а теперь мы собираемся завоевать другие, как всегда делали это шасинны.

— Прекрасно, значит, мы направляемся в доки. — Встав на колени, король быстрым движением сильных рук переломил бронзовые звенья цепи, соединявшей ножные оковы Шазад. — Мне кажется, тебе стоит накинуть что-нибудь на себя, принцесса, — заметил он. — Кто-нибудь может принять тебя за пленницу.

— Судя по тому, как одевается королева варваров, во всем дворце не найдется приличного платья! — С этими словами Шазад стащила с ложа роскошное покрывало и обернула его вокруг своего тела. — Придется довольствоваться этим.

— Существует ли какой-нибудь путь, чтобы не пробираться через весь дворец? — спросил Хаэль.

— За этой дверью — терраса, — ответила принцесса. — Лестница ведет в конюшни. Я однажды попыталась бежать этим путем. Из конюшен мы можем попасть на одну из улиц, что ведет к гавани. Мы доберемся туда всего за несколько минут.

— Пошли, — сказал Хаэль. — Что может выглядеть естественнее, чем королева, которая спускается взглянуть, как идут дела в порту, в сопровождении своих прислужниц и телохра-

нителя-шасинна? — Он поднял Дэниаз на ноги и подтолкнул Лариссу: — Вставай!

Королева нехотя повиновалась:

— У меня оставались кое-какие приятные воспоминания о тебе, Хаэль, но если ты так уж настаиваешь, я с удовольствием полюбуюсь, как мой муж убьет тебя.

Шазад уколола кончиком кинжала поясницу Лариссы:

— Король Хаэль, возможно, не способен убить тебя, сука, но я-то сделаю это с наслаждением. Так что попробуй только позвать на помощь! Это, кстати, касается и тебя, Дэниаз.

— Зачем? — фыркнула ее кузина, к которой также вернулось самообладание. — Король Гасам и без моей помощи прикончит этого выскочку!

Беспрепятственно покинув дворец, они стали спускаться по кривой улочке к гавани. Встречные, узнав королеву, уступали дорогу маленькой процессии, которая в другое время, несомненно, вызвала бы их интерес.

— Где король? — спросил Хаэль у шасинна, наблюдавшего за погрузкой корабля.

Тот вытянул руку и копьём указал на деревянный помост, где стояла группа людей. Держа в руках разноцветные фонари, они управляли передвижением десятков кораблей и лодок у причалов.

Все, что происходило в порту и на причалах, походило на спешное бегство. Войска, оружие и трофеи грузились на суда, среди которых — как бывшие наванские, так и новые, построенные по приказу Гасама. В блеклом свете луны, выглянувшей из низких обла-

ков, взору открылась вся акватория: многие из тяжело груженных судов и бесчисленная армада мелких лодок и каноэ покидали гавань.

Направляемые Хаэлем женщины приблизились к помосту. Хаэль впервые за последние годы смог увидеть Гасама в деле. Король островитян был явно в своей стихии. Ничто он не любил так сильно, как наблюдать за тысячами людей, подчиняющихся, как один, его воле.

Хаэль обернулся к Шазад и тихо произнес:

— Затеряйся в этой толпе. Или найди где-нибудь поблизости укрытие и спрячься там. Армия твоего отца займет город с первыми лучами солнца. Иди!

Не сказав ни слова в ответ, принцесса шагнула в сторону и исчезла среди людской круговерти.

На помост вела лестница, и Хаэль подтолкнул заложниц наверх, улавливая боковым зрением, что ворота порта начали закрываться. Гасам, почувствовав за спиной движение, обернулся.

— А, моя королева... Я ждал, когда же ты наконец придешь. Это не...— Он хотел было обвести широким жестом происходящее в гавани, но вдруг резко остановился, нахмурившись.— Нет! Не может быть...— медленно произнес он.

Теперь обернулись и остальные шасинны, стоявшие на помосте.

— Да, это я, Гасам,— сказал Хаэль.— Неужели у тебя не найдется слов, чтобы приветствовать своего молочного брата?

Он вышел вперед, придерживая копьё сбоку в обычной, обманчиво небрежной манере шасиннов. Король Равнинных Земель был настроен и напряжен, словно ночной кот с его родных островов.

— Без сомнения, найдется,— процедил Гасам.— Я и так слишком долго это откладывал.— Он повернулся к своим воинам.— Убейте его!

Прежде чем те успели сделать хотя бы движение, Хаэль поднял копьё.

— Гасам! — крикнул он мощным голосом, перекрыв стоявший в порту гвалт.— Как старший воин шасиннов я вызываю тебя на новый круг поединка!

Вокруг, как рябь по воде пруда, распространилась тишина. Толпившиеся на пристани воины умолкли, поскольку начинали понимать, что на помосте разыгрывается необычная драма.

Гасам нарочито громко рассмеялся:

— Хаэль, ты опоздал! У нас нет больше Беседующих с Духами, чтобы поддерживать глупые традиции. Вместе с ними я уничтожил все старые обычаи, и теперь закон — лишь мое слово!

— В таком случае народ, которым ты правишь, недостоин более носить имя шасиннов! За всю нашу историю ни один шасиннский воин не отказывался от вызова на поединок. Ты хочешь, чтобы тебя называли трусом? Поединок — обычай воинов, духи не имеют к нему отношения.

Гасам огляделся вокруг, и его взгляд уперся в непроницаемые лица шасиннов, казалось, ут-

ратившие свои очертания в предрассветной мгле.

— Однако, Хаэль,— заметил король Островов,— на материке не растет терновник! — Он рассчитывал развеселить своих сторонников, но это ему не удалось.

— Это не имеет значения, Гасам,— ответил король Равнинных Земель.— Ты всегда боялся столкнуться со мной лицом к лицу. Это я, а не ты убил длинношею голыми руками, спасая женщину, которая теперь стала твоей королевой. Когда-либо у тебя хватало духу убить самому, Гасам? Сейчас перед тобой не король, а воин. Наберись же храбрости сражаться, если, конечно, ты знаешь, как это делается.

В отдалении, возле крепостных стен города, послышался сильный шум.

— Вы слышите? — воскликнул Гасам.— Они ворвались в город! Так вот чего хочет этот изгой! Его цель — задержать нас здесь, пока его проклятые союзники с материка не захопнут ловушку!

Воины шасиннов взглянули на восток, где серое небо окрасилось первыми красками рассвета. Шум стал громче, но, похоже, не приближался. Один из воинов подошел к Гасаму — Хаэль узнал в нем Луо.

— Противник атакует ворота. Но для того чтобы ворваться в город, им понадобится какое-то время. Сразись с ним, Гасам. Ты властитель шасиннов, но даже король не может отказать от вызова воина, не покрыв себя бесчестьем.

На лице Гасама появился звериный оскал ненависти. К нему подошла Ларисса и нежно

положила руку на плечо мужа. Она тихо проговорила:

— Это глупо, любимый, но ты должен согласиться на это. Прежде всего потому, что нужно сохранить уважение шасиннов. Убей этого наглеца, и никто на свете больше не сможет бросить тебе вызов. Убей его, Гасам, убей ради меня, если не хочешь сделать этого по другой причине!

Гасам понял, что у него не осталось выхода.

— Очень хорошо! — сказал он громко, пытаясь вернуть утраченное самообладание. — Я проявил непростительное великодушие, отказавшись убить этого глупца, когда мы были еще мальчишками. Теперь я должен исправить свою ошибку. — Он огляделся вокруг. — Продолжайте погрузку! Увидеть, как я убью этого презренного изгоя, можно и оттуда! Королю шасиннов не пристало опускаться до подобной глупости, но если мой народ желает — я не могу не пойти навстречу.

На помосте остались только оба короля, Ларисса и Дэниаз. У Гасама кроме копья был короткий меч, тогда как Хаэль не успел забрать у Шазад свой кинжал. Он надеялся, что принцессе удалось надежно спрятаться. За спиной Гасама он видел, как из гавани выходят корабли. Звезды на небосводе быстро тускнели, а шум у стен города становился все сильнее. Соперники осторожно кружили в центре помоста, не спуская друг с друга напряженных взглядов.

Наконец Гасам шагнул вперед, целясь копьем в правый бок Хаэля. Тот легко отступил в сторону и, отбивая удар клинка, нанес ко-

роткий укол в лицо противника, превращая его в быстрый режущий удар, направленный к запястью короля островитян. Тот отбил его, круговым движением отбросив копьё Хаэля. Обмен ударами занял считанные секунды, звон столкнувшихся клинков был отчетливо слышен в затихшей гавани, где единственным звуком, нарушавшим тишину, стал теперь скрип корабельных снастей. Но Хаэль успел много понять за эти краткие мгновения. Гасам не обладал такой быстротой движений и ловкостью, как он. Однако его стальное копьё было легче бронзового, и это уравнивало их силы. Сталь к тому же была крепче бронзы. Он видел такое оружие в действии и знал, что сильный удар стального клинка может перерубить острие его копья. Он нанес Гасаму серию колющих ударов, часть из которых была призвана отвлечь его внимание. Тесня соперника к краю помоста, Хаэль попытался закончить схватку быстрым выпадом, но Гасам сумел увернуться и, оказавшись за его спиной, нанес противнику страшный удар. Однако он оказался неточным — клинок лишь скользнул по ребрам короля Равнин.

— Первая кровь за мной, братишка! — прохрипел Гасам.

— Считаться будет последняя кровь! — отрезал Хаэль.

В это время года светало быстро. Звуки приближающейся армии наванцев были слышны уже совсем отчетливо.

— Прикончи его, мой господин! — закричала Ларисса. — У нас осталось совсем мало времени!

С диким криком Гасам бросился вперед, размахивая копьем, как длинным мечом. Хаэль понимал, что инстинктивное движение — защита острием — может оказаться для него гибельным: сталь перерубит бронзу. Нырнув в сторону, он перехватил свое копьё и, схватив Гасама за лодыжку, сбил его с ног. Гасам тяжело рухнул на спину, выронив копьё, глухо ударившееся о помост. Хаэль молниеносно выпрямился и, отведя правую руку назад, нацелил острие копья в сердце Гасама.

— Нет! — послышался отчаянный крик, и кто-то прыгнул на Хаэля сзади, обхватив его шею.

Король Равнин был настолько разгорячен схваткой, что даже не смог понять, что произошло. Уловив пряный аромат, он решил, что Ларисса бросилась спасать мужа. Однако перед его глазами мелькнул густой темный локон. Это была Дэниаз. Он попытался оттолкнуть ее, чтобы вложить всю силу в решающий удар, но женщина цеплялась за копьё с истерическим отчаянием.

Оправившись от потрясения, Гасам отпрянул от нацеленного на него оружия. Ослепленный прядями женских волос, Хаэль пытался избавиться от неожиданной заступницы. Когда ему наконец удалось разжать мертвую хватку женщины и освободить древко копья, короткий меч Гасама предательски вошел ей в спину. Казалось, в сыром воздухе еще звенит прерванный на высокой ноте крик Дэниаз, но из ее широко раскрытого рта струился алый поток крови. Глаза женщины закатились, и она осела на доски помоста.

Трагичность этого бессмысленного убийства ошеломила не только Хаэля, но и его противника, взиравшего на распростертое тело. Когда их взгляды встретились, Хаэль уловил несвойственную королю островитян тень сожаления на его побледневшем лице.

— Бежим! — Ларисса схватила Гасама за руку и толкнула его вперед, к краю помоста.

Он споткнулся, и Хаэль, опомнившись, поднял копьё. Ларисса заметила его движение и рванулась, заслоняя тело мужа. Тот, перемахнув через перила, бросился в воду. Метнув в Хаэля торжествующий взгляд, Ларисса прыгнула вслед за супругом. Экипаж ближайшей галеры готовился принять плывущую в их сторуону королевскую чету.

Король Равнинных Земель отбросил свое копьё и схватил стальное оружие Гасама. Более легкое копьё лучше подходило для дальнего броска. Блики на воде сильно мешали целиться, к тому же потемневшие от влаги волосы не давали возможности понять, кто из них кто. С галеры бросили фал, и пловцы схватились за него, чтобы взобраться на борт.

— Это невероятно... — Хаэль обернулся и увидел рядом с собой Шазад. — Я хотела сказать, то, что сделала эта женщина...

— Что здесь произошло? — слышался голос взбирающегося на помост Хараха. Увидев принцессу, он отвесил ей низкий поклон.

— Где мои стрелки? — спросил Хаэль, не отрывая взгляда от двух фигур, взбиравшихся теперь на борт галеры. Весла корабля начали медленно приходить в движение.

— Они еще далеко,— ответил Харах.— Им не удастся быстро пройти по всем узким улочкам. А эти негодяи бежали?

Наванцы метали с пристани дротики в сторону галеры, но расстояние было слишком большим, и ни один не долетел до цели.

Гасам стоял на палубе рядом с Лариссой, оба смотрели в сторону берега. Хаэль размахнулся, вкладывая в бросок всю мощь всего тела, все свои силы, всю свою жизнь. Стальное копьё сверкнуло серебром под лучами уже довольно высоко стоявшего солнца.

Все, затаив дыхание, следили за невероятно долгим полетом копьё. Наванские солдаты были не в силах поверить, что смертный человек в состоянии совершить такой бросок.

Гасаму копьё казалось всего лишь серебряной точкой: в полете трудно судить о его скорости, особенно когда оно направлено в тебя. Он не пытался спрятаться и спокойно стоял, обняв за плечи Лариссу. Прицел Хаэля оказался точным. Но когда смертноое острие должно было вонзиться в Гасама, тот почти ленивым движением уклонился в сторону и, пропустив острый наконечник, схватил копьё за короткую деревянную рукоять. Сила инерции заставила Гасама пошатнуться, но, прокрутив копьё сверкающим серебряным колесом, он взметнул вверх свое великолепное стальное оружие. Это действие было отмечено радостными воплями экипажа галеры. На берегу несколько наванских солдат тоже восхищенно закричали, но тут же смолкли под грозными взглядами своих командиров.

— Боги! — вздохнул Харах. — Вот это да!

Хаэль знал, что он прав. Сколько бы ни проиграл Гасам в глазах своих воинов, бежав от него, большую часть проигранного он вернул одним движением, когда поймал в воздухе копье. Наванец поднял копье Хаэля и протянул его королю. Очень медленно тот поднял оружие, отдавая дань удачливости своего противника. Галера с Гасамом была уже недостижима с берега.

Обернувшись, Хаэль увидел, что Шазад, склонившись над телом Дэниаз, нежно гладит ее густые черные волосы, так похожие на собственные локоны принцессы. Когда Хаэль подошел к ней, она подняла глаза.

— Бедняжка Дэниаз, — промолвила Шазад. — Она происходила из самого благородного дома Навы, хотя и была создана для того, чтобы быть рабыней. Что ж, она все-таки была моей кузиной. Я устрою ей пышные похороны. Это послужит поводом для примирения наших отцов. — Принцесса взглянула на море. Там все еще были видны несколько кораблей. — Куда он отправится, Хаэль?

— Не знаю, — отрешенно ответил король. — Но мы узнаем, и, боюсь, довольно скоро.

* * *

Короли сидели на широкой террасе здания, краткое время бывшего резиденцией властителя с Островов. Все насущные дела были завершены. Золото, серебро и другие металлы, полученные воинами Хаэля, были упакованы и приготовлены к перевозке. Каждому воину досталось и еще кое-что, весьма цен-

ное для жителей Равнин: они получили по одному, а офицеры — нескольких прекрасных чистокровных кабо из личных конюшен Пашира.

— Мне хотелось бы принять все твои приглашения, друг Пашир, — сказал Хаэль, — но нам нужно идти. Зима не станет ждать, а я пообещал своим людям, что они смогут неплохо поразвлечься во владениях короля Оланда. Ты уверен, что грабежи не отразятся на отношениях между вашими государствами?

Пашир сделал небрежный жест рукой:

— За проявленную глупость Оланд достоин примерного наказания. Он доставил множество неприятностей, так что это будет только справедливо. К тому же я прекрасно знаю Оланда: пару месяцев отношения между нашими государствами будут несколько напряженными, но все проблемы в конце концов благополучно разрешатся. Это же касается и тебя: до следующей совершенной им глупости монарх Омайи станет называть тебя своим братом и не будет причинять особого беспокойства. Имея твои земли с одной стороны и мои — с другой, он вынужден будет вести себя осмотрительно. Кстати, он мой сводный брат.

Хаэль удивился:

— Так он дядя Шазад?

Пашир покачал головой:

— Нет, мы родственники по его предыдущей супруге. И теперь, раз уж мы завели разговор о женах и Шазад... — Хаэль ожидал такого поворота беседы. — Хаэль, я считаю тебя своим сыном. Как ты знаешь, у меня нет пря-

мых наследников мужского пола, чтобы передать им трон Навы...

— Зато у тебя есть дочь, которая стоит десятка иных сыновей,— заметил король Равнинных Земель.

— Сейчас я это понял,— произнес Пашир.— Но наванцы никогда не допустят, чтобы ими управляла женщина.

— Пашир, друг мой, если Шазад захочет править Навой, остановить ее не удастся никому. У меня тоже есть королева. Я люблю ее, она мать моих детей. Я очень по ней соскучился и мечтаю поскорее вернуться домой.

— Хорошо, если бы было так, как ты говоришь. Но наши порядки позволяют мужчине не ограничиваться одной женой. И мне кажется удачной мысль объединить оба наших королевства.

— Пашир, существуют поступки, которые я не стал бы совершать даже для того, чтобы увеличить свои владения. Для меня вполне достаточно одной жены. Но я могу дать тебе совет: если ты ищешь супруга для Шазад, Харах прекрасно подошел бы на эту роль.

Пашир задумался:

— Да, парень происходит из хорошей семьи. И он оказал нам неоценимую услугу. Если использовать ужасно затертое слово, он настоящий патриот.

— И он влюблен в Шазад,— добавил Хаэль.

— Что из того? В нее влюблена половина мужчин Навы. Однако я приму твои слова к сведению, поскольку вижу, что ты решительно отказываешься от моей дочери. Что ж, ничего не поделаешь. Прими мои наилучшие

пожелания, друг Хаэль, пусть тебе сопутствует удача в твоём набеге на Оланда. Однако боюсь, что наши тревоги по поводу Гасама возродятся скорее, чем нам бы того хотелось.

Шазад разыскала его, когда Хаэль уже покидал дворец.

— Похоже, дипломатические хитрости моего отца не завершились удачей, — заметила она.

— Шазад, если бы у меня не было жены... — Хаэль изо всех попытался остаться учтивым.

Однако его попытки оказались напрасными. Принцесса рассмеялась, и в её смехе слышалась скрытая горечь:

— Хаэль, ты просто жалкий лгунишка. Возвращайся к этой счастливнице, своей королеве. По правде говоря, мы с тобой никогда особенно не подходили друг другу — так, как Гасам и Ларисса. Знаешь, мне стыдно произносить такие слова, но я даже рада, что тебе не удалось убить его. Ты прекрасный человек, Хаэль, и великий воин, но в Гасаме есть что-то такое, что может свести с ума любую женщину.

Она обвила руками шею Хаэля и поцеловала его. Прервав поцелуй, она взглянула ему прямо в глаза:

— Уходи отсюда, Хаэль, и поскорее! Мне о многом нужно подумать...

В поле за стенами города король нашел своих вождей. Они были готовы выступить. Джоким подъехал к Хаэлю, ведя на поводу его любимого скакуна. Король вскочил в седло.

— Мы возвращаемся домой! — воскликнул вождь мэтва. — Это был прекрасный поход, но

всегда приятно возвращаться в родные холмы, которые ты знаешь как свои пять пальцев!

У Хаэля промелькнули мысли о Лариссе и Гасаме, большом месторождении в пустыне и диковинном оружии, которое показали ему обитатели Каньона.

— Никогда не будет того дома, который мы знаем, никогда больше... — сказал он тихо.

И еще он подумал о своей королеве Диэне, которую нашел умирающей, когда был еще безродным бродягой. Как королю ему было дорого все то, что он сотворил, опираясь на свою волю и преданных людей, но как человеку ему был дороже домашний очаг, который он создал вместе с Диэной.

Покидая жену, Хаэль ощущал, что с ней осталась половина его души. Поход в Наву вновь столкнул его с Лариссой и Шазад, женщинами из его прошлого, и эта встреча заставила его еще более сильно ценить Диэну. Он подумал о детях. О том, как они с женой будут ждать появления каждого нового младенца, о радости, с которой будут следить, как растут их малыши. Ему хотелось думать, что его нынешняя родина в безопасности, что он создал крепкий союз, который сможет защитить его народ и вместе с ним — его семью. Теперь, после прошедшей череды кровавых событий, он чувствовал: все, что он сотворил, еще достаточно шатко и может в любое мгновение рухнуть, как рушится крепкое на вид здание под ударами стихии.

Затем ему вспомнилось озеро, на берегу которого они с Диэной впервые занимались любовью и связали себя клятвой. Это озеро

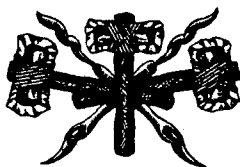
по-прежнему находилось в лесу. Оно осталось, как остались и духи той земли. Когда он вернется домой, они снова пойдут к тому озеру и возобновят свою клятву, чтобы сделать друг друга еще более сильными перед лицом изменчивого мира. Он знал, что не все на свете подвластно времени.

— Что ты сказал, мой король?

Хаэль покачал головой:

— Ничего. Мы возвращаемся.

Они пришпорили своих скакунов и направили их в сторону дома.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНЫЕ ЩИТЫ

Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	46
Глава четвертая	63
Глава пятая	108
Глава шестая	131
Глава седьмая	153
Глава восьмая	175
Глава девятая	198
Глава десятая	218
Глава одиннадцатая	247
Глава двенадцатая	272
Глава тринадцатая	310
Глава четырнадцатая	328
Глава пятнадцатая	352
Глава шестнадцатая	366
Глава семнадцатая	390

Литературно-художественное издание

РОБЕРТС ДЖОН МЭДДОКС

ЧЕРНЫЕ ЩИТЫ

Перевод с английского *Татьяны Темкиной*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Екатерины Пеняевой*

Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.01.99.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,68. Тираж 5000 экз. Заказ 1916.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика

в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

fantasy

Издательство «Северо-Запад» представляет серию «fantasy»

*Каждая новая книга этой серии —
волшебное полотно, на котором
чудесными нитями мифов выткано
повествование о борьбе с силами
Хаоса и Тьмы.*

В серии «fantasy» вышли книги:

С. Ланье «Иеро не забыт»

Т. Сванн «День Минотавра»

М. Муркок «Город в осенних звездах»

Готовятся к выходу книги:

Р. Сильверберг «Книга Черепов»

Г. Бир «Концерт бесконечности»

Б. Ламли «Воин древнего мира»

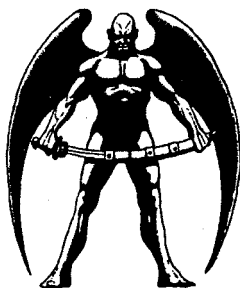
Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •

"SCIENCE FICTION"

Издательство «Северо-Запад»
представляет
**ЛУЧШИЕ КНИГИ
ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

Вас ждут встречи
с загадками исчезнувших цивилизаций,
удивительными научными открытиями,
неведомыми мирами далеких галактик.

**Вышло уже 40 томов.
Не пропустите новые книги!**

Готовятся к выходу книги:

С. Дилени «Драгоценности Эптора»
Б. Олдисс «Река обреченных»
Г. Бир «Туннель миров», «Зов вечности»
Э. Ф. Рассел «Безумный мир»
К. Керр и Дж. Крейгбаум «Дворец»

fantasy

•Северо-Запад®

ISBN 5-7906-0061-1

